

Валерия Новодворская

МОЙ
КАРФАГЕН
ОБЯЗАН БЫТЬ
РАЗРУШЕН

лекции
по
философии истории России

Новодворская В.И.

Мой Карфаген обязан быть разрушен: Из философии истории России. -- М.: Олимп, 1999. -- 288 с.
ISBN 5-7390-0691-0

Валерия Новодворская

Книга представляет собой сборник лекций по философии истории России, прочитанных В.Новодворской в Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ). В ней автор, пользуясь своим необычайным литературным талантом, дает совершенно новую оценку истории России, поясняет, почему мы так отличаемся от стран Запада и почему у нас так плохо прививаются идеи либерализма. Книга неизбежно вызовет бурную реакцию историков, отстаивающих традиционную трактовку российской истории.

Об авторе от автора

Автор этих лекций - катакомбный историк. Это значит - не патентованный, без лицензии и диплома истфака.

До 1991 года ни один честный диссидент не мог учиться или защищаться на историческом, ибо история была мертвой зоной КПСС, КГБ и прочих милых организаций. А до 1991 г. автор успел перечитать всех русских и половину импортных историков из сундуков Иностранки, этого оазиса чистой науки, куда пускали всех и давали все, даже Шпенглера, видно, рассчитывая, что владеющих до такой степени иностранными языками в России или не найдется, или они сбегут за кордон, или просто погоду не сделают. Так что на истфак стало идти незачем. Можно было смело идти и читать лекции юным историкам в РГГУ и других местах. Автор и пошел.

К тому же автор, родившийся в 1950 г., успел впутаться в историю в прямом и переносном смысле, создав в Инязе еще в 1969 г. подпольную студенческую организацию с далеко идущими задачами: свержение власти КПСС вооруженным путем, народное восстание, построение капитализма, ликвидация Варшавского договора, роспуск СССР... Примерно это же и значилось в листовках, которые автор открыто бросал с балкона Дворца Съездов 5 декабря 1969 г., в день Конституции, на опере "Октябрь". Потом, естественно, было Лефортово, статья 70 об антисоветской пропаганде, казанская спецтюрьма... А потом, после 1972 г., было полно столь же детективных историй: контрабандное поступление на иностранный факультет пединститута, его контрабандное окончание, участие в диссидентском движении, тиражирование Самиздата, листовки, листовки, листовки, аресты, аресты, аресты... Горбачевская перестройка 1986 г. застала автора в Лефортово, но благодарности за освобождение бедный Михаил Сергеевич не получил. Далее был создан ДС - Демократический Союз, и все повторилось: митинги, листовки, демонстрации, разгоны, избиения, аресты. ГКЧП автора посадить не смогло: автор уже сидел в Лефортово с мая 1991 г. за предложение опять-таки свергнуть власть КПСС вооруженным путем - после Вильнюса. С тех пор выпущенный окончательно подчистую отовсюду автор ведет оседлый образ жизни, пишет статьи в крутой либеральный еженедельник "Новое время" и даже допущен там в члены редколлегии, но порох держит сухим на случай возвращения коммунистов к власти. Автора больше не сажают, но два года, с 1995 по 1996-ой, судили за нежелательную, непатриотическую, неприемлемую для коммунистов и национал-"патриотов" трактовку русской истории, то есть почти как генетиков и кибернетиков - за лженауку, причем буржуазную. То есть за данный курс лекций. Так что автор - не только участник истории, но и ее соучастник, а книга сия - чуть ли не триллер. По крайней мере, саспенс и боевик. Не хуже Дэвида Линча с его "Твин Пикс".

Так что рекомендую этот труд массовому читателю.

Мой Карфаген обязан быть разрушен

Содержание

Вступление. Вы рисуйте, вы рисуйте, вам зачтется.....	4
Лекция № 1. Какого теленка мы у Бога съели?.....	6
Лекция № 2. Нордические характеры в половецких степях.....	25
Лекция № 3. Русь ссылают на Соловки.....	43
Лекция № 4. Страна рабов, страна господ.....	60
Лекция № 5. Государства жесткая порфира.....	78
Лекция № 6. Везде царит последняя беда.....	95
Лекция № 7. Море неясности.....	109
Лекция № 8. Икары российских авиалиний.....	129
Лекция № 9. Мы меняем конституцию на севрюжину с хреном.....	149
Лекция № 10. Через чистилище демократии - в ад диктатуры.....	168
Лекция № 11. Парламентаризм – опиум для народа.....	185
Лекция № 12. Свободу не подарят, свободу нужно взять.....	199

Мой Карфаген обязан быть разрушен

Вступление. Вы рисуйте, вы рисуйте, вам зачтется...

История России еще не написана. Она - не картина, но только набросок, эскиз. Потому что картина эта живая, в ней продолжается война, наша вечная гражданская война за право написать и озаглавить историю своей страны, добыть ее, отнять у живописцев иной, враждебной школы, озаглавить, вставить в золотую раму и отнести в музей. И будет она там висеть, как истории других, богатых и благополучных государств, как экспонат для туристов, среди паркетов, золотых литеров, витрин и алмазов, как наконец-то краеугольный камень, основа бытия.

Тогда на картине остановится действие, фигуры застынут, и будет ясно, кто победитель и куда нам плыть. Каждый из нас, прогрессоров, флибустьеров, идеалистов хотел бы порулить Россией. У каждого свои карты, свои лоции, свой компас.

Россия - гигантский корабль, дредноут, броненосец. Я веду ее туда, где из горьких вод Атлантики поднимается окрыленный и мощный символ свободного мира: грозная и прекрасная женщина со светочем и книгой, осеняющая и возглавляющая всех, кто готов стать под знамена свободы и знания, независимости, гордыни и мужества. Россия должна уплыть на Запад: с Магаданом, Якутией, Уральским хребтом, Байкалом. И сколько бы канатов ни пришлось обрубить, сколько балласта ни пришлось сбросить, я не пожалею и не остановлюсь. И не оглянусь назад.

Эти лекции были прочитаны несколько раз в РГГУ у Юрия Афанасьева, одного из лоцманов этого нашего Плавания к берегам Свободы. Эти лекции носились в воздухе времени с XVI века, когда Избранная Рада впервые поняла на государственном уровне, что Россию нужно спасать, тянуть за уши из болота, потому что Восток - это болото. Наша история - это вечный бой над вечным крахом за право уйти из тоталитарной пустыни в Землю обетованную, на Запад, в атлантизм. В нашей истории дуют жестокие ветры и горят костры, в ней мы, западники, наследники славянской и скандинавской традиций, сражаемся с носителями византийской и ордынской традиций, изгоняя их из сердца, из генов, из памяти, из политической жизни. Нас мало, мы тонкой струйкой пробиваемся из тысячелетних песков, нас четыре века, начиная с процесса Юрия Крижанича, травят, изгоняют, пытаются, казнят, вычеркивают и запрещают. Но мы воскресаем каждое утро, чтобы идти на смерть каждую ночь, но мы тянем страну за собой и вписываем в ее историю единственно достойные строки - своей кровью, и однажды мы не умрем. И тогда Статуя Свободы будет стоять на одном из Соловецких островов: над Беломорканалом, над Кремлем, над Гулагом и Лубянкой, как вечный символ нашей победы. Мы десантники Запада

на русской земле, мы пришли сюда с варягами в VIII веке, и мы никому не отдадим наш плацдарм.

Мы уничтожаем советское прошлое, как следы некоего вечного Карфагена, империи Зла, которая должна уступить место юному, блестящему, благородному Риму - демократии Запада, нашей Атлантиде. Наша глава в истории - не только знание, но и сила. Обнаженный меч. Вызов, брошенный рабству, глупости, тирании, социализму, коммунизму, фашизму. И, как писал в своей книге "Россия в концлагере" Иван Солоневич, возьмите этот курс лекций, читайте и боритесь. И вот вам посох в дорогу, посох и подорожная: стихотворение Николая Смолкина, рядового викинга из нашего карраса.

Катон, я тоже знаю Карфаген,
Что твоего коварней и жесточе,
Я кличу смерть его, я смерть ему пророчу,
Зову небытие и насылаю тлен...
Струится нить, плетут судьбу, кружа,
Любовь и ненависть, как два крыла у птицы,
И мчатся боевые колесницы,
Жизнь воздвигая, чью-то жизнь круша.
Мой Карфаген - в кровавом кумаче,
Мой Карфаген - в налитых кровью звездах,
Мой Карфаген - в их покаяньях поздних
И к страшному труду готовом палаче.
Мой Карфаген - инстинкт овечьих стад,
Мой Карфаген - в овчарнях и овчарках.
Катон, кому-то снова кровью харкать,
Как две и больше тысяч лет назад.
И этому, Катон, лежать в золе -
Хоть это и одна шестая суши,
Катон, я полагаю, на Земле
Мой Карфаген обязан быть разрушен.

Мой Карфаген обязан быть разрушен

Лекция № 1. Какого теленка мы у Бога съели?

Русская история еще не написана, потому что не закончена.

История - это стадион с ленточкой старта, но без ленточки финиша, со множеством беговых дорожек, с судьями-историками, со спортивными комментаторами, которые пристально следят за тем, кто - впереди, кто - отстал. Это тоже историки, публицисты, политологи, советологи и вообще всякая вспомогательная историческая рать.

Со зрителями, которые болеют за свою команду. Но, в отличие от спорта, на этом стадионе никто не заботится о равных стартовых условиях.

Когда вы начинали - это ваше личное дело. Сигнал стартового пистолета - от сотворения мира, дальше - как вам повезет. Когда подтянетесь. Ваше опоздание на геологическую эпоху, на век, на 10 веков, на 20 веков абсолютно никого не волнует. Это не учитывается ни судьями, ни зрителями, ни спортивными комментаторами. Главное - бежать. Главное - бежать впереди. Когда вы начали, это ваши личные трудности.

На этом стадионе у нас неважные дела, многие начали свой забег гораздо раньше нас. Мы еще футболки не надели, кроссовки не зашнуровали и вообще еще до стадиона не дошли, а Эллада и Рим пробежали чуть ли не всю дистанцию от начала до конца. Кто-то начинал с нами вместе - Чехия, Польша. Кто-то начинал чуточку раньше - Франция, Великобритания, Испания. Но наступило время, когда нас просто сняли с соревнований, когда мы перестали бежать (в XIII веке), а когда в XVI веке мы вышли на стадион снова и стали догонять, оказалось, что все, кто начал забег с нами или на исторический час или на два раньше нас, как Франция и Великобритания, убежали настолько вперед, что мы видим одну клубящуюся пыль - и ничего впереди.

И вот с тех пор, с XVI века, наша история состоит из того, что мы догоняем. Мы бежим по знаменитой формуле: догонит ли Ахиллес черепаху, - но поскольку они - не черепаха, а мы все-таки не Ахиллес, мы пробегаем какую-то дистанцию, а они за это время убегают очень и очень далеко вперед. И можно сказать, что мы с большим трудом видим след или тень от кроссовок спортсмена, который бежит впереди нас. Это с точки зрения спорта.

С военной точки зрения, история России - это Столетняя война, в которой, как вы помните, для Франции все началось очень плохо. Был так называемый

период, который французские историки называют "rйgiode de revers", т. е. период сплошных поражений.

Казалось, вообще все кончено. Англичане оставили от Франции одни рожки да ножки. Били, как только могли. И при Азинкуре и при Креси французская армия ни к черту не годилась, французские короли вообще не тянули, французский народ пребывал в полной депрессии. Вдруг где-то на последней четверти началось странное дело. Франция стала отыгрываться. Она отыгрывалась, отыгрывалась и в конце концов получилось, что она выиграла Столетнюю войну. Так вот, история России - это такая Столетняя война, в которой для нас период поражений длится уже чуть ли не 6 веков. И можно сказать, что только с 1991 года, за очень редкими исключениями, у нас начался период частичных побед, т. е. окопная, позиционная война.

Всем все осточертело, все кормят вшей в окопах. Уже не понятно, с чего это началось. И чем это кончится. На западном фронте - без перемен. На восточном фронте - тоже. Идет Столетняя война.

С точки зрения шахмат, история России - это отложенная партия. Если вы помните замечательный фильм Бергмана "Рыцарь и Смерть", там на какую-то очень важную вещь рыцарь играет со Смертью в шахматы. Если он проиграет, смерть его заберет; пока он выигрывает какую-то часть партии, пока смерть получает шах, он еще живет.

И вот, начиная с XVI века, каждое поколение россиян, играя черными (потому что белыми играет Смерть, играет Рок), садится и пытается доиграть эту партию, пытается отыграться. Мы все время проигрываем. В XVII веке, в XVIII-ом, казалось, что выиграем, потом - ничего не получилось, немножко выигрываем в XIX-ом, там пешки были на нашей стороне, очень много пешек мы съели.

Потом - все равно. Потом все равно был шах, потом чуть мат не получили. И вот мы каждый раз, можно считать, каждый новый день пытаемся доиграть эту партию. Пытаемся выиграть у Рока то, что мы ему проиграли за прошедшие века.

Есть такая современная пародия на знаменитую сказку о Золушке. В этой сказке умная мачеха, которая хотела повредить своей падчерице, не стала держать ее в черном теле, не стала перед нею раскладывать мешок проса и мешок золы, которые она должна была отделить друг от друга. Она сделала все наоборот.

Она свою дочку, родную дочку, заставила работать, научила домашнему хозяйству, сделала ее спортивной, тренированной, подготовила, словом, к жизни, к жизненным трудностям. А падчерицу она уложила в постель, накрыла шелковым одеялом, кормила ее восемь раз в день, не давала пылинке на нее

упасть. В конце концов, когда пришел принц, он обнаружил спортивную, в джинсах, в кедах родную дочку, молодую, стройную, красивую, которая все умела, у которой все в руках горело, и эту так называемую Золушку, раскормленную, как домашняя индюшка, которая уже рукой пошевелить не могла, которая лежала в постели, у которой глаза заплыли. Тщетно было бы спрашивать, на ком женился принц. По-моему, это и так ясно. Потому что ноги у Золушки распухли, и никакая хрустальная туфелька уже на нее не налезала. Спортом надо было заниматься.

То же самое происходит с Россией. Казалось, природа нас одарила щедро. У кого еще есть такое дикое, неумеренное, на троих, на четверых, на пятерых количество природных ресурсов, рек, полезных ископаемых? У кого такие бескрайние равнины? У кого такое количество древесины? У кого такое количество питьевой воды? На самом деле здесь история поступила с нами как мачеха. Она дала нам всего так много, что лишила охоты и способностей добывать что-нибудь своими руками.

Япония, которой история в принципе ничего не дала, кроме нескольких скал в океане, на которых по идее и расти-то ничего не могло, и вообще ни грамма, никаких полезных ископаемых, или Израиль, которому даже пресную воду не отпустили, чуть ли айсберги не приходится ввозить, оказались в положении той самой родной дочери, которую умная мачеха заставила работать. А нам всего дали столько, что это нам впрок не пошло. К сожалению, наши стартовые условия абсолютно никуда не годились.

Смотрите, коммунитарный тип развития, коммунитарное мышление, коммунитарный менталитет, т. е. общинный менталитет, был задан не только исторически, но и географически. На самых ранних стадиях, когда о славянах вообще еще не имели права говорить (нет никаких славян, есть пока еще только протославяне), коммунитарный тип уже прослеживается.

Еще никто не начал считать эти века. Еще идет XV век до нашей эры, еще там кто-то горшки учится обжигать, а уже все ясно.

Скажем, рельеф.

Рельеф - это очень важно. Выше нас, севернее, лежит Скандинавия. С совершенно ужасным климатом. С противнейшим рельефом, изрезанным, прихотливым, там фьорды, от одного населенного пункта до другого там не доберешься иначе как на ладье. Ногу поставить некуда. Распахать что-нибудь - ну разве что клумбу разведешь, да и то цветы не вырастут. Так вот что такое этот самый изрезанный рельеф.

Кстати, изрезанный рельеф Аттики, т. е. будущей Эллады, обеспечил одну очень необходимую для индивидуалистического менталитета вещь. Отсутствие

крупных поселений, отсутствие самой возможности жить на общинном уровне. Здесь сама география диктует индивидууму, что он будет жить один, а с соседями видаться по большим праздникам. То же и в Скандинавии.

Невозможно сбиться в стаю, невозможно сбиться в кучу. Нет места. И поэтому такие интересные поселения возникают в Аттике.

Здесь Лакедемон (Спарта) на юге, в Пелопоннесе. Севернее - Афины, потом Фивы, потом Коринф. Сами по себе. На одной горе - Афины, на другой горе - Коринф. Где-то кусочек низменности, и там Фивы оказываются. Лакедемон - вообще на очень много стадий южнее. Крошечные полисы. По нашим стандартам крошечные, ибо невозможно создать крупное централизованное государство. От горы до горы очень неудобная местность.

Японии предначертано, что японцы не будут сеять пшеницу, а будут сеять рис (просто нет места для пшеничных полей). Из этого следует, что не будет у них крупных пекарен, что каждый будет варить рис в собственном горшке, что индивидуалистическая психология, которая потом, конечно, перешла в очень интересные формы, и, заметьте, осталась в кодексе Бусидо, кодексе самурая, будет существовать приоритетно. И это тоже было предопределено.

У нас рельеф абсолютно неизрезанный. Ничто не мешает встретиться, подружиться и вместе зажить единым человеческим общежитием.

Это очень большое несчастье. Огромное количество низменностей. Но это еще не все. Другое несчастье, пожалуй, даже большее, это то, что мы не знали преград на пути своей экспансии.

У нас не было на западе, на востоке, на севере, на юге сильных соседей, которые просто давали бы по рукам при первой же попытке экспансии. Ну куда могла расширяться древняя Галлия? Куда ей было расширяться, если у нее, простите, на севере были белги, а белги - это был не сахар, (т. е. кельты жили на территории современной Франции, а там дальше у них были белги - тоже кельтская народность), а на востоке, как вы понимаете, германцы. А германцы не отличались очень мягким характером. Кто их обидит, тот дня не проживет. Куда расширишься! Все. На юге - Альпы, на юго-востоке - тоже, а там и вовсе Рим. А потом - лонгбарды, потом - готы. Пиренейский полуостров. Туда расширяться хотите? Не выйдет. Там иберы, баски. С этими и вовсе договориться невозможно. Ну а на западе, как вы понимаете, море. Ла-Манш. Это сейчас такой узенький пролив, через который можно пустить туннели и паромы, а тогда - непреодолимая дистанция. Огромное расстояние до Альбиона. Ну, а там тоже кое-кто живет, там свои кельты, на севере - пикты.

Я уж не говорю про древних шотландцев, про скоттов, у которых был такой характер, что с ними англичане-то управились только к XIX веку. Все, значит,

вот тебе твой надел. Это все, что тебе отпущено природой. Ты должен его обиходить, ты должен его удобрять. Ты должен тут снимать урожай.

У тебя не будет никогда ничего другого. Тебе больше некуда идти, и ты должен выжать из этого исторического кусочка земли, которая у тебя есть, все, что ты можешь.

А у нас огромная одна шестая часть суши. И кто там живет? На севере - слабые финно-угорские племена, от одного до другого племени там три дня пути лесом. Еще и не увидишь никого. Дикие племена Сибири, дикие племена Урала. Юг - это особая статья. Когда мы дошли до юга, там особенно противиться было некому.

А пока было кому, этот костер не затухал, а создавал нам другую проблему.

Итак, у нас в этом отношении сплошное неблагополучие. Нам есть, куда идти. Как справедливо заметил Ключевский, у нас всегда есть возможность бросить ключи на стол и сказать хозяину: - "Я отказываюсь от квартиры. Я уйду. Пожалуйста, предоплату верните". Была возможность поменять квартиру, а когда Родина - это арендованный дом, тогда, как правило, обиходить ее никому не хочется.

История России, по справедливому замечанию того же Ключевского, - это история экспансии, это история вечной колонизации, вечного расширения, которое фактически не знает границ. И это значит, что земля бросалась в очень скверном состоянии. Никто не пытался развивать интенсивные методы. Никто не пытался что-то придумать.

Зачем? Если вокруг тебя лежат богатейшие черноземы, если можно сегодня здесь подсечным земледелием заняться, завтра - на новом месте. Вокруг земля, есть куда уходить. Вот так и уходили. Между прочим, уходили и в XVII веке, когда была возможность бежать сначала на Волгу, потом - на Дон, то к Разину, то к Емельке Пугачеву. Волю искали не у себя дома. Не было смысла устанавливать какой-то общественный договор с властью. Заставлять власть вести себя цивилизованно.

Проще было бежать от власти, куда глаза глядят, было место. На север в темные леса. В скиты, в Раскол.

Были темные леса, были пустые леса, там тебя не достанет никакая государственная власть. Когда некуда уходить, ты защищаешься от власти, ты сам чертишь границы ее домогательств и ты сам устанавливаешь с ней цивилизованные отношения.

Когда есть куда бежать, проще убежать.

Нам, к сожалению, всегда было куда бежать.

А климат! Только такого климата нам еще и не хватало. Надо сказать, что климат - это еще один камень на нашу общую могилу. Климат резко континентальный. Земледелием можно заниматься летом, осенью, поздней весной. Пять месяцев зима. Зимой делать нечего. Что делает славянин зимой? Зимой он лежит на печи и сочиняет сказки.

Безделье рождает демонов и мифы сознания. Мифы такого рода, что ни у кого в истории человеческих племен, цивилизаций, культур этого нет. Никто не додумался до истории с говорящей щукой, которая по щучьему велению, по чьему-то хотению выполняла какие-то спецзадания, избавляла ее хозяина от необходимости работать самому.

Ведь сказки - это очень глубокие пласты менталитета народа.

В долгие зимние месяцы, когда делать было нечего, рождается определенная структура жизни - авралы. Начинают срочно сеять, срочно пахать. Отсюда потом возникнет наша знаменитая пятилетка в четыре года. Это берет начало в климате. Припадочные пятилетки в четыре года - от авралов. Авралы от того, что нужно было успеть за достаточно короткое лето все посеять и все собрать.

Другой возможности заниматься земледелием не было. Сказал же Есенин, что "грустна наша Родина кроткая в июньскую цветень и сочье, и лето такое короткое, как майская теплая ночь". Умеренный климат, более умеренный климат Британии, климат Франции, благодатный климат Италии, Испании заставлял людей крутиться и суетиться фактически весь год. Весь год они что-то делали. Мы пять месяцев не делали ничего.

И мы привыкли к тому, что производственный план тят-ляп, кое-как можно выполнить в последнюю неделю месяца. Можно сказать, что социализм, как определенная трудовая культура, или, вернее, отсутствие таковой, вырастает из нашего климата.

Это извинительно, но как вы помните, на стадионе под названием История никто не учитывает стартовые условия. Никому это не интересно, все это можно было преодолеть, но мы это не преодолели, потому что это, к сожалению, была не единственная наша проблема. Пока мы лежали на печи и придумывали сказки про ту печь, которая сама ходит, произошли еще кое-какие события.

История - это и эстафета. Древние цивилизации иногда имеют возможность передать факел. Передать Прометеев огонь, передать огонь разума, передать огонь знания, передать огонь государственности, передать огонь права, огонь какого-то порядка тем, кто придет следом за ними. Здесь у нас такое тотальное невезение, как будто кто-то устроил нам это специально, как будто были

лоббисты интересов других стран у престола Всевышнего, а наши интересы лоббировать было абсолютно некому.

Посмотрите, что происходит с Францией. V век до н. э., VI век до н. э. На юге появляются поселения финикийян и греков. Появляется Массалия, современный Марсель.

В VI веке до н. э. это уже достаточно крупный город. Потом во II - III вв. до н. э. прибавляется Арль, римское поселение. И эта тоненькая струйка латыни, определенной строительной культуры, истории - древней истории, отягощенной преступлениями, но отягощенной и мыслями, и знанием - идет на север. Она потихонечку цивилизовывает кельтов. То, что Франция принимает в V - VI вв., если считать набело, христианство, а у нас это, как вы понимаете, был X век, - это тоже сказало.

Вот пять веков, можете их просчитать на этом стадионе. Опоздание на эти пять веков дает нам опоздание на 10 стадий. Ну а потом, простите, Цезарь, да святится имя его... Ему должны ставить статуи и в Париже, и в Лондоне. Он успел завоевать Галлию. А когда римляне пришли в Галлию, это были уже не примитивные потомки Ромула и Рэма, это были люди, которые впитали в себя лучший цвет и сок греческой цивилизации.

Они уже очень много знали, и все это римское управление, благо быть римской провинцией, римское право, римские лингвистические комплексы, язык, письменность достались галлам. Письменность народа, который имел Вергилия, который перевел греческие трагедии, который имел Плавта, который имел свои басни, который издавал законы уже много веков, усваивается кельтами.

То же самое в Испании, правда, там все сильно потом осложнится мавританским фоном. Но тем не менее, они получили римскую прививку.

А про Италию я уж и не говорю. Италии и идти-то никуда не надо было. Они - наследники римлян. Они их потомки, поэтому совершенно не удивительно то, что начатки либерального капитализма появятся в Генуе и Венеции. Они появятся там, у колыбели человеческой цивилизации.

Не говорю и про Элладу, которую сильно испортило на этом стадионе вмешательство турок (они просто развернули эллинов в другую сторону и заставили бежать не туда, куда вообще совершался весь этот забег). Но начало было хорошее.

А что происходит с нами? С нами происходит историческая трагедия. Самая настоящая пессимистическая трагедия.

Если проанализировать наше соприкосновение с древностью, с античными реминисценциями, со всем тем, что дает человечеству античность, получится

очень скверный график. А ведь что такое западная цивилизация, что такое индивидуалистический либеральный менталитет? Откуда это взялось? Это перекресток. На этом перекрестке встретились во время оно, во-первых, кельты. Ментальность кельтов - пылкое поэтическое настроение. Они были фантазеры. Как те, что жили в Британии, так и те, что жили в древней Франции. Одни друиды чего стоят. Они были поэтами, они были романтиками, они были гордецами.

Вот посмотрите, чего стоит один такой диалог! Когда Александр Македонский (заметьте, Александр Македонский, IV век до н. э., уже соприкоснулся с кельтами, т. е. кельты были очень проницательные, они дошли до Македонии) спросил у них: "Чего вы боитесь?", - они сказали: "Мы боимся только падения неба и больше ничего". Александр Македонский умел ценить такую гордыню, он заключил с ними союз и никогда не пытался их завоевать. Гордыня, помноженная на фантазию - это кельтская традиция.

Вторым к перекрестку подходит Рим и дает ясную четкую рациональную традицию Рима! Традиция не культуры, а цивилизации. Традиция государственности. Традиция права. Традиция, которая потом будет выражена Декартом, картезианский подход, если хотите: "Познай самого себя и подвергай все сомнению". Рацио. Без него невозможно создание современной либеральной цивилизации.

Это рацио приходит с Римом, приходит рано, приходит в I, во II веке до н.э. И приходит надолго, приходит тотально. Приходит до того времени, пока не рождается новый народ, пока не рождается новая культура.

И, наконец, третий, кто подходит к перекрестку западной цивилизации. К перекрестку западной цивилизации третьими подходят скандинавы, подходят варяги. Что эти-то могли дать? Культура у них была в зачаточном состоянии, рационального подхода не было вовсе. Что они могли дать при таком раскладе? Они дают, может быть, самый ценный элемент. Они дают абсолютно индивидуалистический склад. Это будет предопределено их ландшафтом, их климатом. Чистый индивидуализм, такой свирепый индивидуализм! И страсть к свободе...

Безграничная страсть к свободе, к свободе и к противостоянию, потому что свобода по Хайдеггеру и Ясперсу - это определенное отношение к себе подобным, когда ты все время отстаиваешь эту свободу. Свобода возникает тогда - настоящая свобода! - когда кто-то на нее покушается; свободы в той ситуации, когда на нее не покушается никто, фактически не существует.

Свобода рождается в противостоянии. Все экзистенциальные коммуникации между людьми существуют на некоем стыке. На стыке человеческих волей. На стыке человеческих судеб. То есть абсолютная тяга к свободе дана

скандинавами. Они успевают завоевать и Францию. Что значит завоевать? Они проникают туда, они дают своих герцогов. Они дают этот инстинкт. Инстинкт рожденных свободными.

Потом те норманны, которые будут завоевывать с Вильгельмом Завоевателем Британию, проникнутся этим. Прививка свободы была сделана. Они принесут это в Англию. Поэтому Великая Хартия Вольностей будет написана в 1215 году. XIII век! И поэтому Парламент с Палатой Общин возникнет в 1265 году, в конце XIII века.

Ну а что происходит с нами? Нам-то что досталось? Вот смотрите: V век до н.э. У нас очень много лишней пшеницы. Славяне были борисфениты, которых Геродот называл сколотами, чтобы как-то отличить их от диких ирано-язычных скифов. (Крайне неприятный народ. Народ, который не имел ни к кому мягкого человеческого подхода, так свойственного славянам, в тоже время и свободу ничью не признавал, кроме своей собственной, и дать ничего не мог, кроме смерти и порабощения.)

Бывают совершенно бесплодные племена, которые ничего не могут принести. Скифы не приносят ничего и, чтобы отличить их от сколотов (которые занимаются земледелием, у которых символы - золотая чаша, золотой топор, золотой плуг и золотое ярмо, которые якобы упали с неба в руки к Колоксаю, их предку, который потом родил Светозара, мифического героя типа Геракла или вообще божество), Геродот называет их иначе. Наши сколоты выращивают много лишней пшеницы. Черноземы, богатейшие черноземы Днепра. Можно сказать, что мы становимся житницей Европы в V веке до н. э. По Днепру сплавляются ладьи с пшеницей, сплавляются в Крым, в Ольвию, сплавляются иногда вплоть до Херсонеса, но главные торги идут в Ольвии в Причерноморье.

Туда являются эллины. Ну а поскольку есть-то Элладе что-то надо, а пшеница там не растет (Я по ней поездила, там она и сейчас не растет. Там посадить ее негде. Там в лучшем случае на склоне горы можно поставить овечку, чтобы она попаслась.), хлеб у них привозной. Поэтому понятно, почему они покупали пшеницу у славян. Торговля - это означает, что будут строиться города. И что те самые славяне, которые продают пшеницу, получают доступ к древнегреческой письменности, к Эсхилу, к Софоклу, ко всем греческим трагедиям, к греческой истории, к греческой цивилизации и культуре.

И вот потихоньку, тоненькой золотой струйкой все это начинает сочиться к нам. Славянская знать одевается в греческие туники, начинает носить греческие украшения, покупать оливковое масло и вино. И, самое главное, начинает покупать книги. Начинает говорить по-гречески. На древнегреческом языке! Не на новоязе... Начинает потихоньку читать Ксенофонта, Эсхила, того же Геродота.

Мы не дышим, чтобы пламя этой свечи случайно не погасить. V век до н.э. - надежда, которой не суждено было сбыться. Пик проникновения античных влияний в нашу с вами несчастную, достаточно лесную и дикую среду. До III века до н. э. продолжается это счастье. Два века. Два века - это немного. За два века весь народ древнегреческому языку не обучишь. Своих философов завести не успеешь. Климат у нас на Севере не тот. Это усложняет ситуацию. Эллинские учителя не едут дальше этой самой Ольвии. Приходится возить детей туда, на юг, чтобы они там учились.

В III веке до н. э. это окно в Европу, эта форточка, открытая случайно, захлопывается с треском.

Сарматы. Нашествие сарматов. В III веке на Русь приходят сарматы. Русь тогда еще не называется Русью. Имени не будет очень долго, оно появится где-то в VIII - IX вв. К славянам приходят сарматы. Что они с собой приносят на хвостах своих коней? Они приносят дикость. Эти копыта растопчут начала греческой цивилизации. Славяне забиваются в леса, где завоеватели их достать не могут. А знаете, жизнь в шалашах - это исключает Эхила, Софокла и греческих философов. И все это постепенно стирается.

Зачем они пришли, откуда, куда потом уйдут - про то история не ведает. У Льва Гумилева есть теория экспансии кочевников в зависимости от урожая или неурожая трав в степях. Он даже некие закономерности в своей книге "В поисках вымышленного царства" устанавливает. Но мы же не могли отправить туда полеводческую бригаду посадить им травку, чтобы они никуда не ходили. У нас же не было этого опыта. И они приходят. Они приходят очень надолго.

Пять веков, пять темных веков. Пять веков, в которые не происходит ровным счетом ничего. Наступает глубочайшая тьма. Вот был пик, а теперь спад на нашем графике. Следующий подъем - II век нашей эры. Пять веков прошли попусту. А это очень много - пять веков.

II век, века Траяновы, даже автор "Слова о полку Игореве", который скорбит вместе с нами, отметил это. Надежда, еще одна надежда, форточка открывается опять. Римлянам тоже нужна пшеница. А мы можем эту пшеницу продать. А взамен пшеницы мы можем получить законы, латынь, право, золотую прививку римской цивилизации к нашему дереву. Все вроде бы налаживается. Римляне покупают пшеницу, славянская знать начинает одеваться в тоги, начинает изучать латынь; даже мера - весовая мера квадрантал - настолько прививается у славян, что в виде четверика она доживет до 1924 года.

Это достаточно глубокое проникновение, если до 1924 года сохраняется римская мера веса; значит, римское купечество хорошо походило к славянам, и мы хорошо покорыствовались их обучением. Ну вот, кажется, еще немножко, и мы, как даки, которые очень долго (это нынешние румыны) сопротивлялись

римлянам неизвестно почему, а в конце концов боролись за право именоваться римской провинцией, выйдем в люди.

Кажется, мы получим право быть римскими провинциями. У нас будет и римское право, и еще немножко и у нас будет свой Форум. У нас будет свой Сенат. Начнут развиваться политические традиции свободы.

IV век. На этот раз расцвет длился два века.

IV век. Сначала приходят готы, потом приходят гунны. Поражение славянского князя Буса. Сопrotивляться невозможно. Это как лава вулкана. Она разливается.

Когда приходят кочевники, только современная цивилизация может противиться этим нашествиям. Когда идет орда, под копытами коней не выживает ничего.

И опять, опять все погребено. Под пеплом этого нашествия. И надежда на римскую цивилизацию, на проникновение ее к нам, и надежда на то, что мы заговорим по-латыни, и надежда на римское право, и надежда на то, что мы приобщимся к этому источнику и напьемся из него вволю.

Опять захлопывается форточка. Опять глухо. И теперь уже навсегда...

Форточка захлопывается в IV веке. Дальше что происходит? Дальше славяне, начиная с VI века, знакомятся с Ромейской цивилизацией. Ромейская цивилизация - это уже не римская цивилизация. Это Византия. Что можно было приобрести в Византии?

Того, что нам было нужно: законы, римское право, рации, идеи политической и гражданской свободы, - там уже не было. Более того, никто из славян не бежит в Константинополь. Наоборот, из Константинополя бегут на славянские земли.

Потому что, во-первых, славяне сыты, по крайней мере.

А народ в Константинополе, который теперь уже доведен до положения черни, вечно голоден. Дикое социальное расслоение. Дикая тирания. пытки, казни. Славяне вообще не знали пыток. Для них это было дико. Они не могли понять, что это такое. Они не знали смертной казни очень долго.

А когда инакомыслящих пекут в бронзовых быках на площади, то инакомыслящие начинают бежать на Русь к славянам. К сожалению, не все добежали. Если бы беглецов было много, может быть, мы получили бы от них письменность на несколько веков раньше.

Может, мы получили бы какие-то угасающие воспоминания о Риме. Но сами беглецы ничего не помнят. Человеческая жизнь коротка, а после того как

Восточная часть Империи отпала от Западной, там никакой свободы уже не было. Ромеи могли нам дать лучшее оружие, могли дать и украшенные богатые одежды, могли научить строить храмы. Это было ничто по сравнению с тем, что мы могли получить от Рима. От Рима мы ничего не получили.

Это было еще не все. Вы видите, какой камнепад. Как история старается нас похоронить под этими камнями, засыпать так, чтобы уже и руки нельзя было высунуть из этой могилы. И это еще не все. Есть еще один фактор, может быть, самый неприятный.

Дикое поле. Славянская традиция, как мы видим, это традиция, к сожалению, коммунитарная, потому что традиция закрытого общества всегда коммунитарна. Всегда люди собираются в стаи, живут сообща. Сейчас мы поймем, почему не было никаких шансов сохранить индивидуалистическую форму существования.

Дикое поле. Очень глубока память об этом кошмаре, об этом ветре, который выдувал плоды человеческого труда. Потому что сегодня ты что-то посеешь - завтра налетят кочевники, они ничего не пощадят. Они увезут тебя в рабство, они вытопчут твои посевы, и даже нет смысла что-то строить, потому что все разрушат и все сожгут.

Это сохраняется, считайте, с X века до н.э. и буквально до Орды, пока вообще крышка гроба не захлопнется.

До XIII века, т. е. двадцать три века будет действовать фактор Дикого Поля.

Есть смутные воспоминания, сказка, миф, которые вообще не вошли ни в какие детские хрестоматии, но тем не менее, они очень важны - об огненном змее и о двух кузнецах. Козьме и Демьяне. Эти кузнецы боролись с огненным змеем, который все время куда-то полз. И вот этот огненный змей был ими обезврежен следующим образом.

Они, во-первых, построили валы от этого змея, через которые он не мог переползти. Во-вторых, в один прекрасный день Козьма и Демьян сковали клещи, сковали меч. И клещами Козьма вытянул у змея язык, а мечом этот язык змею отсекли.

Что означает эта сказка? Что означает эта легенда? Было Дикое поле. Нашествие кочевников. Огненная река. Сплошные пожары. Нашествие. И вот для того, чтобы оградить Русь от этих нашествий, все время нужно было ковать оружие и строить оборонительные укрепления. Но как вы понимаете, из чего мы могли строить оборонительные укрепления? У нас здесь ничего для этого не было.

Вот вам равнины. Вот неудобство равнин. Гладкая равнина, по которой прекрасно проходят кони кочевников от начала до конца. Нет гор. В горы не очень-то они могли бы подняться. Горы могли бы оградить нас от этой напасти. Но не было никаких гор. Они проникали свободно со всех концов. Значит, единственный способ защиты - это был бой, потому что укрепления строить было даже не из чего. Никакого карарского мрамора не было. Славяне фактически не знают каменных укреплений. Кремль появляется позже, когда уже все, по сути дела, кончено. Строить в XI или в X веке укрепления, после того как двадцать веков длился этот набег, по меньшей мере, поздно. Надо было спастись раньше, все уже произошло.

Кто приходит с Дикого поля? Вот VIII век до н. э. Киммерийцы. О них мы знаем меньше всего. Но хороших воспоминаний они о себе не оставили.

Дальше - V век до н. э. Скифы возникают. Скифы набегали время от времени. Поэтому, в отличие от сарматов, они не могли нам помешать общаться с Элладой, но все, что могли, они, конечно, сделали нам. Разорили, сожгли.

После скифов приходят сарматы, как вы помните, на пять веков. Сарматы - это III век. Потом что начинается? Потом начинаются, как вы сами понимаете, хазары, те самые, которым пытался отомстить Вещий Олег. Хазары были единственными полезными завоевателями. Они хотя бы защищали караванные пути. Хазары были разумными людьми, у них была достаточно высокая культура. Они были финикийцами наших равнин. Ту роль, которую играла Финикия для Древнего мира, хазары пытались сыграть в наших лесах.

Они верили в единого Бога, в принципе, они были иудеями по своим религиозным убеждениям. Они очень много торговали. Со славян они взяли мягкую дань оружием. Они никого не угнетали, ничего не уничтожали, ничего не жгли, они защищали караванные пути. Их главный интерес был в торговле. Поэтому с хазарами еще можно было как-то жить.

Но за хазарами начинаются печенеги. Это дикая, безумная и бездумная сила. Это носороги, с которыми договориться невозможно. И если бы это было все! После печенегов придут половцы, а после половцев, как вы понимаете, будет монголо-татарское нашествие.

Вот что у нас была за жизнь. Об этом прекрасно написал Сергей Марков, один из лучших поэтов, катакомбных историков, потому что он пишет исключительно о русской истории, и, мне кажется, у него это получается совершенно замечательно. Вот как он описывает жизнь древних славян где-то в начале нашей эры.

"Пожарища алая дрожь роится в глухом суходоле,
И стрелы, как черная рожь, растут на истоптанном поле.

Развалины в теплой золе. Замолкли и цеп и телега.
Стоит на славянской земле косматый шатер печенега.
Свалив убиенных в овраг, придвинув котлы к пепелищу,
Пирует безжалостный враг, глотая нечистую пищу.
И прахом покрыты труды, заботы и промыслы наши,
Звонят и сверкают меды и льются в поганые чаши.
С зарею сливается чад. Кусты одиноки и голы.
Под каждой пятою трещат сучки и погибшие пчелы.
Идем среди сохлой травы, расправив могучие груди,
И князь, и седые волхвы, лесные и пчельные люди.
Секиры подьмлются вновь. Теплы и красны топорща.
Шипит печенежская кровь на серой золе пепелища.
Мы ведать мгновенья должны извечной охотничьей дрожи,
Мечи опуская в ножны из бычьей скоробленной кожи.
Мы знаем, что время придет, свершатся труды и заботы,
И снова сверкающий мед наполнит глубокие соты".

Теперь вы понимаете, почему возникла коммунитарная традиция, почему славянская традиция становится коммунитарной. Как-то сопротивляться можно было только сообща. Поэтому славяне (фактически до прихода на Русь скандинавов) живут в городищах. Они вынуждены их укреплять.

Никакого индивидуального земледелия, как там, на Севере, у скандинавов, быть не может. Один не выживет никто. Более того, приходится постоянно держать слободу. Представители разных родов, разных городищ складываются. Дают своих лучших юношей, и эта маленькая армия живет в слободе, первой встречает нашествие, но каждый помнит, из какого он поселения, и время от времени возвращается на побывку. То есть жизнь в военном стане. Постоянный военный стан. Каждый день нужно смотреть, не дымятся ли курганы, на которых зажигаются огни в случае нашествия, не передают ли весть о набеге. И эта постоянная судорога тоже не дает возможности работать.

И рождается определенная славянская традиция. История предопределила, что славяне (ну это уже природа такая!) будут великодушны, добры. Славянская традиция, может быть, самая человечная из всех традиций Древнего мира. Славяне не знают пыток, не знают казней. Славяне никогда не делают того, что делают северные скандинавские народы. Если на севере в какой-нибудь будущей норвежской семье (хотя тогда и слова такого не было - Норвегия) рождается ребенок, а семья не может его прокормить, отец ребенка уносит его в лес. Славяне никогда этого не делали. В голодное время у скандинавов уносят в лес девочек, потому что мальчики ценятся больше. Мальчики - будущие воины.

У славян этого нет. Славяне никогда этого не будут делать. Славяне - воины. Но это воины добрые. Они защищаются, но пока не нападают ни на кого. Им хватает проблем самозащиты. Да, когда рождается ребенок, отец кладет ему в

колыбель свой меч, чтобы показать, что это его сын, чтобы показать, что этот сын будет воином. Но славяне судорожно пытаются между набегами что-то вырастить.

А поскольку, как правило, это получается уже очень плохо, славяне становятся беспечными, и возникает та часть нашей традиции, которая называется "авось".

А.Вознесенский это прекрасно выразил в своей поэме о Рязанове, который пытался завоевать для России Калифорнию, И фактически Калифорния у нас была. Но традиция была уже такая прочная, что мы ее выпустили из рук. Помните, у Марка Захарова в "Юноне и Авось" есть куплеты, которые Вознесенский сложил для того, чтобы выразить суть этой традиции.

"Вместе с флейтой поднимем флягу, чтобы смелей жилось под российским андреевским флагом и с девизом "Авось"".

Появляется девиз "Авось". От тебя мало что зависит. Мы живем на авось. Слишком много огня с этого Дикого поля, из этого дикого ветра, из этого вулкана извергается, чтобы мы могли с этим бороться.

Славяне перестают думать о завтрашнем дне. От горя и бедствий они лишаются заботы о будущем. Потому что они знают, что будущее не зависит от них. Завтра случится такая напасть... Ключевский это называет жизнью без третьего мешка, т. е. жизнью без запасов. Невозможно ничего накопить.

Невозможно приобретать стране богатства, потому что все это обращается в прах завоевателями. Славянская традиция - это традиция беспечная. Традиция, к сожалению, коммунитарная, традиция, исключая индивидуалистический подход к жизни. Потому что жизнь просто не может уцелеть, если остается одна.

Что дает Дикое поле? Ведь Дикое поле не приходит и не уходит. К сожалению, Дикое поле входит в нашу плоть и кровь, входит в наши гены. Славяне смешиваются с кочевниками. Этого, конечно, не следовало делать. Эта традиция - не то, что нам нужно было приобретать. Римляне никогда не смешивались со своими завоевателями. Не было случая, чтобы во время войны Рима с Карфагеном, которая длилась худо-бедно три века, происходило какое-то смешение. Галлы пришли и ушли. Смешение начинается уже потом, не с IV-го века до н.э., но когда Рим становится властелином мира, тогдашней Ойкумены. А в I - II вв. смешение уже не страшно. Это уже полезно. Новая молодая кровь, новые территории, новые идеи, которые рождаются на новых местах.

Но вначале, когда выковывается традиция, когда рождается национальный характер, смешение с неблагоприятной традицией может стать роковым. А у нас

это происходит в слишком ранний период. Мы в колыбели, мы не можем сопротивляться. И традиции Дикого поля разбавляют славянскую традицию.

Что такое традиция Дикого поля? Это традиция абсолютного пренебрежения к жизни и к труду. Это беспечная традиция дикой, ничем не ограниченной воли, когда проще отнять, чем заработать. Это традиция просто исключает какие-либо целенаправленные трудовые усилия. Это традиция вечной степной тоски, вечного горизонта, к которому ты идешь. Это очень поэтичная традиция, она красива. Ее много в нашей поэзии. Без этой традиции у нас не было бы Блока, без этой традиции у нас не было бы Пастернака, вообще у нас не было бы нашей литературы. Эта традиция есть и в Достоевском. Она дает нам наше великое искусство. Но она не дает нам возможности цивилизованно жить. Потому что вы помните: славяне беспечны, их трудовые усилия постоянно превращаются в прах и пепел, и тут еще прибавляется традиция этой дикой воли. Дикое поле, кочевники, которые смешиваются с нами.

После нас хоть не расти трава. После нас хоть потоп. И вот эти традиции, вдвоем, создают очень опасный тип национального характера, когда человек не живет, а грезит о жизни. Потому что реальная жизнь не благоприятствует ему, и он живет в состоянии постоянного наркотического опьянения. Когда искусство становится сублимацией. Когда искусство заменяет жизнь. Это очень заметно и в нашем русском искусстве: оно было призвано заменить жизнь. Поэтому оно такое мощное, поэтому оно такое богатое.

Оно должно было заменить реальную действительность, но, к сожалению, вы помните тот стадион и судей. Они судят не по эстетическим показателям. Им абсолютно плевать на то, что я сейчас вам перечисляю. Вольно же было Блоку жаловаться и писать своих "Скифов", и призывать Европу учесть все эти факторы, и угрожать, что "мы повернемся к вам своей азиатской рожей", и просить снисхождения за то, что "мы держали щит меж двух враждебных рас". На стадионе это не учитывается. Не добежал - и все. История безжалостна.

Итак, славянское общество - это закрытое общество. Оно закрыто, как наши леса. Оно закрыто, как наши городища, потому что ничто доброе снаружи не придет. Снаружи придет смерть. С копьем, с арканом и с факелом. И когда извне можно ждать только смерть, народ замыкается в самом себе. Народ начинает жить своими внутренними ресурсами. Он захлопывает все форточки, законопачивает все щели. Он чувствует, что живет в осажденном лагере. Если хотите знать, сталинизм берет начало отсюда. С VI века н. э. Через четырнадцать веков это все будет выстроено на политическом уровне. Считайте, что на генетическом уровне это все уже выстроено, поэтому это так легко прошло. Поэтому это нигде больше не случилось, а у нас это находит опору в страшных воспоминаниях. Когда никто тебе не поможет, когда ты один с этим вечным вторжением, с этим вечным нашествием, с этим ледяным ветром из степи или, наоборот, с раскаленным - с сирокко.

Общество (это и в прямом, и в переносном смысле слова) закрылось, и ничего уже не приходило извне. Ни чужие языки, ни чужое право, а своего не было. И здесь возникает одна ужасная патология, которая нас будет передавать из рук в руки вплоть до XX века, - сельская община. Вы думаете, колхозы на пустом месте появились, вы думаете, община, которая предшествовала колхозам и которую никак не мог разогнать Столыпин, случайна? Он, бедный, удивлялся, что дал право на выход из общины, создал все условия, а крестьяне берут и не выходят. Вот было разочарование, когда не все вышли из общины. Петр Аркадьевич думал: что же мешает им выйти? Они все жаждут свободы, жаждут своей земли, он дал возможность, а большая часть взяла и осталась.

Точно так же, как сейчас. Пожалуйста, выходите из колхозов, вам дают землю. Сколько фермеров, сколько колхозников? Так вот, это все начинается где-то в I-ом веке нашей эры. Тогда возникают верви. Верьвь - это круговая порука, поселение типа такого древнего колхоза, где все члены отвечают друг за друга.

Верьвь - она и живет вместе, и работает вместе, и защищается вместе. Верьвь. Не удивительно, что термин такой! Веревка, из которой нельзя выдернуть звено, веревка, которая нас задушит. Эту вервь застанет Ольга (или Хельга).

Она обнаружит, что есть такая удобная штука, и что, действительно, можно взять штрафы со всех, раз есть круговая порука. Скажем, найдут убитого в пределах этой верви, ну и платить будут все коллективно. Верьвь заплатит; то есть исключается индивидуальная ответственность. Верьвь отвечает за то, что делается в ее пределах, даже за убийство. Смотрите, это уже XII век. К этому моменту таких поселений, такой формы сельской жизни давно уже нет в Западной Европе. В Польше тоже нет. У западных славян ее не будет.

Все когда-то, конечно, жили в городищах и поселениях. Но они жили так где-то в XV в. до н.э. А мы в XII в. н.э. в них жили, и мы доживаем до XX века в верви. В ней возникает что-то вроде кассы взаимопомощи. Она называется "дикая вира", и тот, кто входит в эту дикую виру, платит взносы, конечно, не деньгами - мехами, пшеницей. Он имеет право на то, что община (вервь) за него выплатит штрафы и вообще за него заступится. Тот, кто в эту дикую виру не входит, тот, кто в кассе взаимопомощи не состоит, на эту взаимопомощь не имеет права. То есть это все усложняется и идет на абсолютно коммунитарном уровне. Верьвь - древний колхоз или древняя община. Разницы абсолютно никакой. И надо признать, что никакие десятитысячники, никакие Давыдовы и Нагульновы это не организовывали.

Было хуже. Добровольная форма организации общества. Это форма, продиктованная условиями жизни. Верви, колхозы, общины образуются у древних славян в силу обстоятельств. А то, что образовано на добровольном уровне, к сожалению, сохраняется очень долго.

В силу всего этого славянская традиция приобретает уже в очень ранние времена, хотя и необходимый, но нестерпимо обскурантский характер. Все, что служит сохранению жизни и бытия, приемлется, то, что не служит, - отбрасывается как лишнее, либо просто запрещается как вредное. Если бы был какой-то Сократ на Руси, он бы до 70 лет не дожил (он и в Афинах не своей смертью умер). Но, как вы понимаете, в славянской верви-поселении он бы не успел дать пищу Платону даже для одного тома диалогов. Потому что он задавал лишние вопросы, вызывал сомнения, колебал умы. Нет. Жизнь тяжелая, суровая, выжить сложно. Коммунитарное устройство предписывается инстинктом самосохранения, поэтому все лишнее очень жестко отбрасывается. Заметьте, что еще не начался тот период, который называется "наша эра", а уже все предопределено.

Вот видите, как начинается наша история. Она начинается так, что от ее конца, возможно, будет зависеть ее начало. История России, в отличие от историй более благополучных, все время переписывается. Все время делаются попытки ее переписать. Эти забеги, которые совершаются с XVI века, призваны дать нам возможность догнать тех, кто убежал вперед. Это, если перевести в литературный аспект, в аспект письменной традиции, если хотите знать, попытки переписать историю. То есть мы гоним на машине времени вдоль и поперек нашей истории и пытаемся научить нашего дедушку тому, чего он не знал. Внуки пытаются преподать дедушке урок, чтобы он жил не так, как он прожил свою жизнь, чтобы жизнь внуков не была такой исковерканной. И это заметно во всех эпохах и во всех веках, и поскольку русская история еще не дописана (как вы помните, Столетняя война еще не доиграна, а шахматная партия отложена), завтра будет новый день, и мы сядем опять играть с Роком, со Смертью. Тот, кто допишет эту историю, возможно, изменит ее ход. Если нам удастся выиграть, история изменится. Она будет освещена другим светом, она будет написана иначе. От нас зависит не только конец нашей истории, но от нас еще зависит ее начало. Потому что наша история не таблица децемвиров, написанная на бронзе.

Наша история - это следы на снегу. Очень много следов. Непонятная картина. Картина станет понятной только тогда, когда охотник придет к концу этой тропы, к концу следов. А мы еще не пришли к концу. Вот когда придем, тогда мы узнаем, что эти следы означают. Поэтому Олег Чухонцев, как мне кажется, очень хорошо определил, что такое наша история, в одном своем совершенно замечательном стихотворении. Обратите внимание на Олега Чухонцева, он очень тонко понимает эти вещи.

Я сойду на последней странице,
Где березы обступят кругом,
Где взлетит ошалевшая птица,
Капли с ветки сметая крылом.
Я войду в край боярской измены,

В ту страну, где секира и мох.
Вы до мозга костей современны,
Реставраторы темных эпох.
Где ваш дом? У чужого предела
Запрокинется в ров голова,
И лежит бездыханное тело,
И в зенит прорастает трава.
Красна девица в черном платочке...
Чем помочь, не отпишешь пером.
Это, как говорится, цветочки,
То-то ягодки будут потом.
И не вопль долетит до столицы,
А глухой человеческий вздох.
Я сойду на последней странице,
Где беспмятство глуше, чем мох.
О история! Дело и Слово!
Славословье тебе не к лицу.
Я живу. Это право живого -
Имя дать и творцу, и глупцу.

Мой Карфаген обязан быть разрушен

Лекция № 2. Нордические характеры в половецких степях

Как история XIX века, так и современная давно повыдирали друг другу бороды из-за основополагающего, краеугольного вопроса: призывали ли варягов на Русь в силу неспособности без них поддерживать на Руси порядок, или эти варяги явились сами, незванными, и завоевали несчастных, ни в чем неповинных славян?

Поскольку Лиги наций тогда не было, и ни завоеватели, ни завоеванные обратиться ни в Лигу наций, ни в ООН не могли, то этот спор разрешим не эмпирически, а просто концептуально.

На самом деле историки совершенно напрасно скандалят. Этот вопрос - не главный. Среди наших потерь, проторь и убытков, среди всего, что с нами в эти темные века произошло, вопрос о призвании варягов, или о том, что они явились незванными и неожиданными, абсолютно никакого значения для нас уже не имел. Давно уже варяги (те самые викинги, те самые скандинавы) обосновались в Ладоге. Там у них была военная база. И с этой базы они совершали рейды.

Иногда наезды, иногда набег, а иногда такие тематические экспедиции по обоюдной договоренности. Дело в том, что хазары не оправдали возложенных на них надежд. Они хорошо защищали караванные дороги, но и только. Они не защищали поселения. Например, они и не думали защищать полян от древлян, или наоборот. А если вы помните, все эти золотые плоды с античного древа, хотя бы семечки от этих плодов, хотя бы кожура, хотя бы череночек - все это перепало именно полянам. Потому что только они могли торговать и с Элладой, и с Римом во времена Траяна. У них была та самая пшеница, валюта древнего мира. И все то небольшое, что досталось Руси - досталось им.

Но мы с вами въезжаем в X век. К сожалению, не на белом коне. Скорее, мы туда въехали на этом самом знаменитом "коне Блед", учитывая то, о чем мы в прошлый раз говорили.

И с последнего столкновения Руси с античным миром (Руси, которая еще не названа Русью), - мы этим будем обязаны варягам, как и многими другими вещами, прошло шесть веков. За эти шесть веков поляне давно уже забыли и начатки латыни и, тем более, классический древнегреческий язык. Забыли все, что они случайно когда-то перехватили. Поэтому от древлян они отличались только тем, что были земледельцами, и, значит, в какой-то степени задирали нос. Древляне были, с их точки зрения, более дикие. Хотя с точки зрения кого

угодно в этот момент дикими могли считаться и поляне. Но все-таки поляне считали, что они среди всех племен первые. Если сравнивать их с нашими радимичами, вятичами, кривичами, дреговичами, древлянами, "чудью, мерью и весью", то, пожалуй, так оно и было.

Итак, поскольку хазары не защищали поселения от печенегов, а защищали только свои караванные дороги, нужны были военные специалисты, нужно было кого-то приглашать и кому-то платить жалованье.

И славяне (те, которые поляне), совершали вылазки в ту самую Ладогу, выбирали себе военных специалистов и призывали их для защиты. Ну, как водится, тот, кого призывают для защиты, иногда увлекается процессом и может очень долго не уходить. Это еще во времена Владимира (который Красный Солнышко) будет случаться. Призвал он варягов, дабы справиться с каким-нибудь очередным непутевым братом, и заплатил. Доехали там они до Киева или до Новгорода. Сказали, положим (это все время бывало и у Ярослава Мудрого, и у Владимира, только со Святославом такие номера не проходили), что "а город-то наш, мы здесь и жить будем. Нам здесь понравилось". И как-то избавиться от них было крайне тяжело. Как от любого хорошо организованного войска более или менее мирным поселянам. К сожалению, славяне по своей военной организации, по военному дару, по чутью, по страсти к войне очень сильно уступали викингам, и когда они встречались не то что в открытом бою, а даже на узких городских улочках, исход был известен заранее. Поэтому от варягов можно было только откупиться.

Благо было чем. Меха на Руси хватало. Меха очень ценились в тогдашнем Древнем мире. Их охотно носили на Западе и на Юге, хотя вроде бы там меха ни к чему. Меха были нашим золотым запасом. Было чем расплачиваться.

А на севере, на исторической территории викингов, происходили очень интересные вещи. Прошлый раз мы говорили о том даре свободы, о порыве свободы, который они принесли кельтам, который они сумели принести на земли будущей Великобритании и будущей Франции. И там, где это все было схвачено рамкой, медной рамкой римских блистательных законов, схемой четкого гражданского устройства, там начиналась политическая жизнь. Но скандинавы сумели принести миру еще одну важную вещь. И пожалуй, они дали в этом смысле миру больше, чем римляне и, может быть, даже больше, чем эллины. У скандинавов был природный дар к политическому плюрализму. Самая древняя в Европе (и вообще в тогдашнем мире, я уж про Азию и не говорю) многопартийная система принадлежит именно скандинавам. Каким образом это произошло, может быть, мы узнаем, когда изучим их Пантеон и сравним его со славянским Пантеоном.

У славян был очень миленький Пантеон. Такой милый, пасторальный, непритязательный. Все было как у людей. Был и Сварог, который отвечал за

небесные дела, и даже даровал кузнечные клещи и борону славянским племенам. Был его сын Дажьбог, который отвечал уже непосредственно за земледелие, плодородие, за Солнце. Был Хорс, который совмещал очень много функций, он, можно сказать, был многостаночником, у него в ведении была охота, было опять-таки Солнце. Был специальный бог скота - бог Велес. То, что славяне были скотоводами, мы и без него знаем. Этим никого нельзя было в тогдашнем мире удивить, ни в Европе, ни в Азии. Нас должно больше интересовать другое. Не необходимые боги, весь этот джентльменский набор: небо, земля, война. Эти функции были везде, в любом Пантеоне. Нас должно интересовать лишнее, не необходимое, а лишнее. Было ли у славян что-нибудь лишнее, которое свидетельствовало бы об интересных вариантах духовного развития, об абстрактном мышлении, о склонности к рефлексии? Потому что, например, бог Смерти есть у египтян и абсолютно не встречается в Междуречье, в Сенааре. Специальный бог Зла, бог Сет, - это тоже только у египтян. Фактически крайне редко случается, что есть божество, которое отвечает за мировое Зло. Если есть такое божество, то это что означает? Это означает, что есть дуализм. Что забьется какая-то вольтова дуга между этими двумя полюсами с плюсом и минусом, между катодом и анодом, и родится свет свободы и цивилизации. Потому что без противостояния, без дифференциации, без дуализма это просто невозможно.

Поэтому это очень важные вещи. К сожалению, лишнего в славянском Пантеоне нет. Он очень скуден. Сначала были Рожаницы - еще задолго до славян и праславян. Две богини. Их изображали то в виде лосих, то в виде двух медведиц. Они отвечали за плодородие, за продолжение рода. Потом появился вместо этих двух Рожаниц Род - мужское божество, которое отвечало за то же самое.

Были такие вспомогательные - не духи даже, а младшие божества, если можно их считать божествами. Скажем, были с одной стороны русалки, очень злокозненные, которые могли и утопить, такие игривые, лукавые и абсолютно не гуманитарного склада. И в то же время были берегини, добрые девы, которые охраняли берега от всего того тревожного и незнакомого, что несла с собой река. Они спасали, наоборот, тонущих, они ладьи вели к твердому берегу, к твердой земле.

Были злые ночные духи. Души неправильно умерших, навьи. Совершенно кошмарные создания, которые пили кровь, но это были не упыри, упыри были сами по себе. Навьи - это были души предков, которые не упокоились. Им надо было принести жертвы, чтобы эти навьи перестали тревожить живых. Это было очень мрачно. Мрачный был Пантеон.

Но были в нем и очень милые создания - домовые. Домовые, которые подразделялись буквально по месту жительства. Были такие домовые, как баннушко, который, как вы понимаете, жил в бане. Был овинушка, который жил

в овине. Очаровательные были такие дедки, типа врубелевского Пана (внешне), даже не языческие, а доисторические, милые, домашние, что-то вроде котят. Такие очаровательные хранители тепла домашнего очага. Это было очень мило. Но мы с вами знаем, что по своим гуманистическим наклонностям славяне превосходили всех тех, с кем мы до сих пор встретились. С этим все было в порядке.

Не хватает чего-то еще. Скажем, был Перун. Бог элитарный. Бог, которому поклонялись воины. Даже иногда тайно. Он был не для всех, он был только для избранных. Ему поклоняться было престижно. Был Лель. Бог Весны, бог песни. Была Лада, которую мы делили иногда с западными славянами. Богиня красоты, богиня весны. Но лишнего абсолютно ничего не было.

Если сравнивать это с эллинским Пантеоном, где были такие абстрактные понятия, как Парки: Клото, Лахезис, Атропос, - которые выпрядали нить человеческой жизни, могли ее ножничками перерезать, то у нас пустовато. Такие Парки свидетельствуют об абстрактном мышлении. Об очень древнем абстрактном мышлении. О попытке постигнуть мир. Этого у нас не было начисто. Богинь Судьбы или духов, которые мстят за нарушение неких правил, Эвменид. У нас не было Эвменид, не было Эриний, они исчезают совершенно. У римлян, впрочем, тоже их не было, но римляне приобрели вместе с завоеванной Элладой весь эллинский Пантеон, и они очень хорошо им попользовались, эти цивилизованные римляне.

У нас этого нет. Наш Пантеон - он сугубо утилитарен, он на каждый день. Все есть для будней, нет совершенно ничего для праздников.

А посмотрите, что у скандинавов. Такая же в общем-то скучная жизнь. Также очень далеко до Эллады. Да и не получали они ничего оттуда. Ни из Рима, ни из Эллады, поскольку пшеницы у них не было, торговать было нечем. Чем они могли торговать? Они могли только ограбить какое-нибудь поселение, но даже самые внимательные греческие или римские историки не зафиксировали ни одного случая, чтобы к ним пришли скандинавы, викинги и кого-то там ограбили или в полон увели. Поэтому им досталось еще меньше.

Но смотрите, у них есть необходимые боги. Бог Один, скажем, который заменяет нашего Сварога. Есть бог Тор, который вроде бы отвечает за то же, за что отвечал Гефест у эллинов, за воинские искусства, за ремесло - защитник богов. Его так и изображают с Мьельниром, с молотом. Защитник богов и людей. В то же время он отвечает и за молнию, и за гром. Значит, за плодородие, за посевы. Очень много функций. Есть пара, которая в общем-то есть у всех. Бальдур - молодой прекрасный бог. Бог весны, бог новой у жизни. Фрея - богиня любви. То что у нас Лада - у них Фрея. Вроде бы все то же самое. Есть бог огня, с очень плохим характером, такой провокатор - бог Локи. Но есть и кое-что новое, чего нет у нас. Был, например, такой мало известный бог,

который отвечал за поэзию скальдов. Представьте себе! Это то, что должно было заменить Муз и Аполлона.

Заметьте, у славян нет бога Искусства, вообще этого нет. Никакого Аполлона нет. На Артемиду, положим, еще могут тянуть Велес и Хорс, потому что они отчасти за охоту отвечали. Но никто не отвечает за искусство.

Конечно, этот несчастный бог - это не то что двенадцать муз и не то, что Аполлон, но все-таки скандинавы не совсем обделены. И вот что самое интересное - у них есть Норны. Норны - это богини Судьбы. Приговор Норн выше воли богов. Боги ничего не могут сделать с этим приговором, они не могут его отменить. Есть то, что довлеет над богами - неумолимая Судьба. Есть понятие судьбы. То есть мы знаем - есть абстрактное мышление, есть метафизика, есть порыв в трансцендентное. Это уже присутствует. И потом, боги скандинавов, весь этот Пантеон вступает в очень интересные отношения между собой. Здесь целая история. Можно писать романы. Они и были написаны. В какой-то степени саги - это романы. Так же, как несколько томов греческих мифов, где боги ссорятся, женятся, разводятся, всячески задирают смертных, грешат. Точно так же боги скандинавов, которые называются Асы (их даже не принято было называть богами). Их называют Асами, и их обитель выше Земли называлась Асгард. Они тоже вступают между собой в очень интересные отношения. Ищут золото нибелунгов. Вагнеровская эпопея очень хорошо об этом рассказывает. Фрею пытаются отдать в обмен на это самое золото. Фрея имеет золотые яблоки, которые делают богов вечными, а без этих яблок они умрут, как смертные.

Очень интересное представление о том свете. У славян все было очень просто. Умирает человек, надо упокоить его дух, чтобы он не превратился в навью. А у скандинавов начинаются приключения за гранью смерти. Есть Асгард - обитель богов. Есть срединный мир, где живут люди - Митгард. Есть, наконец, царство усопших, которым владеет волшебница Хель. Так вот, все зависит от вашей смерти, от того как вы умрете. Если на соломе - это страшно. Если вы умрете в своей постели, если вы умрете от болезни, если вы умрете от старости, ничего хорошего вас не ожидает. Дальше вы попадаете в это неинтересное царство Хель и будете там блуждать и скитаться. Не ждите никаких занимательных вещей. А вот если вы погибли, как должно, с мечом в руках! Обязательно надо было погибать в бою. Запомните это, потому что часть этого завета перейдет и в наши жилы. Когда мы смешаемся с варягами, скандинавская традиция включит в себя и это. Если вы умрете как должно, вы попадаете в Асгард. В обитель бога Одина. И вы будете прекрасно проводить время. Каждое утро вы будете выходить на равнину и сражаться с богами и с другими такими же счастливыми. То есть просто будете ловить кайф, а вечером будете пировать в обители Одина, и вам будут подавать мед сами валькирии.

Очень интересная роль у женщины в скандинавском Пантеоне. Можно считать, что это какая-то замена легенды об амазонках. Были амазонки или нет, это неизвестно, но была Артемида-воительница, и была легенда об амазонках. И вот скандинавский аналог: девы, которые на поле брани подбирают мертвых героев и несут их в обитель Одина. Валькирии. Нет более прекрасной музыки, чем та часть тетралогии Вагнера, оперы "Валькирия", где звучат совершенно божественные звуки, когда они спускаются на поле битвы, хотя, казалось, женщины должны бежать за десять тысяч лье от этого поля. Этого нет! Они туда спускаются, они счастливы, они видят павших героев, и они несут их в Асгард. А потом в Асгарде они будут подавать им мед. Они будут обносить их медом. Более того, все гораздо сложнее, есть еще некий Ясень Игдрозиль, который пронзает семью семь Вселенных. Вот это абсолютно лишнее. Это роскошь.

Это роскошь для Пантеона убогой северной страны, бедной страны, которая никогда не знала золотого солнца Античности, этого непреходящего сияния знания и искусства. Это у них есть. Они, эти викинги, такие на вид неотесанные, тем не менее, мыслят и страдают, и об абсолютно лишнем вещах! Дальше - больше. Есть еще вещи, которые практически не встречаются ни в одном Пантеоне мира. Этим располагали только скандинавы. И, может быть, это и объясняет то, что у них самая ранняя многопартийная система, и то, что они, в конечном итоге, дали эту прививку свободы к разным европейским деревьям.

Есть у них и представление о Конце Света. О часе Рагнорок или Рагноради, когда злой волк Фенрир вырвется из своих пут и когда наступит последний час битвы. И в этой битве со Злом и Фенриром погибнут все асы и все герои. И тогда наступит Конец Света. То есть представление о Конце Света - самое мрачное. Они жили с этим, со смертью в душе. И это их не подвигало ни к отчаянию, ни к депрессии. Они жили, зная, что впереди будет час победы абсолютного Зла. Тем не менее, они держали в руках этот меч, не выпускали его до смертного часа.

Я очень вам советую посмотреть фильм "Викинги". Это старый фильм, не нашего поколения, английский фильм. Может быть, где-то можно купить кассету. Вы увидите там какие-то элементы менталитета викингов. Страсть к смерти с мечом в руках. Там будет эпизод, когда даже враг этого самого викинга даст ему в последний час в руки меч, чтобы он мог попасть в Вальхаллу, или Валгаллу. Эта обитель богов и героев в чертоге Одина, где будут посмертно пировать и сражаться герои, называется Вальхалла. Вальхалла - это высшее отличие для земнородного. Вальхалла - это последний экзамен. Если ты выдержал последний экзамен, ты попадешь в Вальхаллу. Вальхалла - это удавшаяся жизнь. Тот, кто не попал в Вальхаллу, может считать, что он неудачник.

С подобными намерениями, с подобными взглядами на мир, с подобными тенденциями люди, которые все это выдумали, которые с этим жили, должны были быть абсолютно свободными людьми. Чем можно запугать тех, кто живет с представлением о чаше Рагноради и о последней битве с волком Фенриром? Чем можно запугать тех, кто хочет умереть в бою? Тех, кто не хочет дожить до старости, тех, кто не хочет умереть своей смертью? Чем можно запугать таких людей? И действительно ни в летописях, ни в хрониках, нигде нет ни единого упоминания о том, что хотя бы один викинг, один скандинав был обращен в рабство. В плен на юг, на невольничьи базары уводили очень многих, продавали очень многих. Продавали славян. В римские времена продавали кельтов. Продавали жителей далекой Британии после похода Цезаря. Скандинавов нельзя было продать. Они умирали с мечом в руках.

Во-первых, никто так высоко не забирался, там нечего было взять. Не было смысла в экспедициях на крайний Север, в Скандинавию, на территорию сегодняшней Швеции, Дании. Это тоже спасало. Но с другой стороны, никаких рабов на территории древней Скандинавии не было. Они были у всех во время оно. Они были у саксов, они были у франков. Довольно рано это кончилось, но вначале они были. У славян мы упоминание о неких рабах и челядинцах встречаем вплоть до X-XI вв. И нельзя сказать, что были какие-то восстания. Никаких Спартаков на Руси не было. Все терпели. А вот скандинавов нельзя было обратить в рабство. И это они тоже передали нам. Как эстафету. Когда к нам пришли. Это был очень щедрый дар, не считая многопартийной системы.

Посмотрите: X век. Скандинавия еще не объединена. Норвегия все время переходит из рук в руки. Иногда в Норвегии два короля. На такую крошечную страну, где фактически одни фьорды, согласитесь, это слишком много. Но при этом есть партии, их иначе не назовешь.

Если в Риме, достаточно позднем Риме (уже в классическом, золотом) было две партии - оптиматы и популяры (как вы догадываетесь, популяры были якобы за обездоленных, конечно, не за рабов, и даже не за бедных свободных земледельцев, а просто за тех, кто не был ни всадником, ни сенатором; а оптиматы, можно считать, - партия власти типа НДР, только несколько более аристократическая), то у скандинавов в одной Норвегии такое изобилие, что просто глаза разбегаются. Во-первых, баглеры. Баглеры выступали за хёфтингов. Кто были эти хёфтинги? Собственно, они были начальниками: конунги, предводители дружин, ярлы. Можно сказать, что ярлов было по одному на страну. Много ярлов быть не могло. Это было первое лицо после короля. В общем, начальствующие люди - это хёфтинги. Баглеры выступали за них. Были биркебейнеры, которые выступали за городских жителей, за незнатных людей. Но при этом еще были и сллитунги, при этом были и риббунги. В общем, кого только не было. И это - именно партии. Это не племена. Это не радимичи, не вятичи, не кривичи. Они не по территориальному признаку определялись. Они определялись по своему отношению к некой идее.

Многопартийная система, которая появляется в XI веке! Согласитесь, это что-то да должно означать. Конечно, они не заседали в парламенте. Все дела решались скандинавами на тинге. Тинг - это был такой весьма оригинальный парламент, типа нашего Вече, но допускались туда только воины, только те, кто держал оружие в руках. И все вопросы и войны, и мира, и выбора власти решались на тинге. Недаром сегодня норвежский парламент называется стортинг. Эти корни остались в языке, воспоминание об этом осталось.

Во Франции политические партии появятся по-настоящему в XIX веке, даже если первой партией считать третье сословие, хотя оно не было оформлено как партия. Пусть даже в XVIII веке. Но это будет через семь веков.

В Англии это произойдет примерно в то же время, в XVIII в. В Соединенных Штатах это вообще не могло произойти раньше XIX века. Про нас я и не говорю. Когда у нас появились первые политические партии, вы знаете не хуже меня: после царского Манифеста 1905 года.

А здесь XI век - и политические партии! Пользы от них особенной не было. Они раздирали страну в клочья. Биркебейнеры все время убивали баглеров, и наоборот. Брат убивал брата по политическим мотивам. Но эта жестокая рознь давала гарантию от тирании. Она давала гарантию некоего ученичества, школы политической жизни, страсти к политической свободе. Потому что не бывает бесформенной свободы. Свобода всегда как-то оформлена, и то, что у нас не было медной или бронзовой рамки с римским законодательством, - это очень нам помешало. Потому что высшие свершения человеческого духа в сфере свободы проявляются только тогда, когда крылья бьются о какие-то стены, о какие-то законы, о какие-то запреты, о какие-то установления.

Если крылья не бьются ни обо что, если можно лететь куда угодно, это неоформленная, бесформенная свобода, и она называется иначе. Она называется - воля. Она чаще приводит к Дикому полю, к пугачевскому бунту, к абсолютному отсутствию политической и государственной жизни и вообще каких бы то ни было следов цивилизации, чем к парламентам, политическим партиям, к конституциям, к Великим Хартиям вольности.

Итак, скандинавы были беднее славян. Поэтому они и ходили в насельники, поэтому они и получали жалованье и от Ярослава, и от Владимира, и от Святослава, но никак не наоборот. Поэтому они пришли на Русь. Потому что было чем поживиться. Несмотря на их видимую бедность, они могли очень много дать, и они дали очень много. На самом деле, это не было завоеванием; это было взаимным обогащением. И таких скандалов, как с Вильгельмом Завоевателем, который еще два поколения бился с саксами, и двести лет выяснялось, кому все-таки достанется будущая Великобритания, не было. То, что написал Княжнин о Вадиме, последнем сыне вольности, который якобы восстал против варягов, и был ими казнен, - я уверена на все 100 процентов, что

это было написано постфактум, когда возникла идея третьего пути. Она достаточно рано, к сожалению, возникла, эта идея самостоятельности, идея державности и идея третьего Рима. Дабы доказать, что мы ни в чем не нуждались и были лучше всех, и была написана Княжниним, законченным славянофилом, а не западником, эта поэма - "Последний сын вольности". На самом деле и в основании Новгорода, который древнее Киева, очень сильно поучаствовали скандинавы.

Именно поэтому Новгород, в отличие от Киева, имел развитую гражданскую и политическую систему. И, по сути дела, повторял устройство Афин и древнего Рима. Это не случайно. Почему не Чернигов? Почему не Любеч? Почему не Ростов Великий? Почему не Киев, который был намного богаче, который стоял на перекрестке всех торговых путей? Почему именно Новгород имеет эту гражданскую структуру, почему ее имеет Псков? Скажите спасибо варягам. Алексей Константинович Толстой, к которому мы будем часто припадать, потому что он прекрасно, в пародийной форме, прошелся по всей нашей истории от начала ее и до конца, описывает эти события абсолютно анекдотически.

"Послушайте ребята, что вам расскажет дед:
Земля наша богата, порядка только нет.
А эту правду, детки, за тысячу уж лет
Смекнули наши предки: Порядка-де, вишь, нет.
Тут встали все под стягом и думают: как быть?
Давай пошлем к варягам, пускай придут княжить.
Ведь немцы тароваты, им ведом мрак и свет.
Земля наша богата, порядка только нет.
Посланцы скорым шагом отправились туда
И говорят варягам: "Придите, Господа!
Мы вам отсыпшем злата, как киевских конфет.
Земля наша богата, порядка только нет".
Варягам стало жутко. Но думают, что ж тут?
Попытка ведь не шутка. Пойдем, коли зовут.
И вот пришли три брата, варяги средних лет,
Глядят: земля богата, порядка, правда, нет."

Это были знаменитые Рюрик, Синеус и Трувор, из которых мы доподлинно уверены в существовании только Рюрика. На самом деле это не основание для того, чтобы комплексовать. Варяги пришли не только к нам. Они пришли ко всем. Они пришли и к франкам, они пришли и к саксам. Я не замечаю что-то ни в английской, ни во французской истории споров - до хрипоты, до пены у рта, до поножовщины, - по поводу того, замутили они самобытность или не замутили. Пришли они призванные или пришли они не призванные. То есть никто по этому поводу совершенно не беспокоится, потому что потом были созданы единые народы. Потому что кровь варягов, кровь саксов, кровь

франков смешивается в одном сосуде и получается некий новый драгоценный состав.

Но не забывайте о том, что история франков и будущих англичан - это благополучная история. Это история со счастливым концом. Помните наш стадион. Они на этом стадионе бегут впереди. Наша история - это история спортивного поражения. Пока, до сего момента. Поэтому, именно поэтому возникают споры на уровне поножовщины. Пришли викинги или они были призваны?

Неудача подвигает людей к тому, чтобы они стали докапываться до квинтэссенции, и отношения в русской истории, как на поле боя, выясняются до сих пор. И вы встретите это при любом эпизоде у любого историка. Потому что любой историк на самом деле, знает, какое место на этом стадионе мы занимаем, что бы он ни говорил. Историк - всегда грамотный человек, он знает историю, и даже если он напишет что-нибудь абсолютно наоборот, даже что-нибудь очень лестное, и скажет, что так и надо, - все равно то, что мы глотаем пыль от ушедших далеко вперед спортсменов, он знает. Поэтому он будет отстаивать истину 1800 года или истину XI века или истину XII века, так, как будто от этого зависит его жизнь. Потому что судьбы русского народа еще не решены. Потому что мы все еще не доиграли эту партию. Эта партия доигрывается и на этом поле, на поле прихода варягов.

Они приходят, и они начинают как-то организовывать славян для самозащиты. Они выбирают себе, естественно, полян, потому что платили им поляне, и поляне делаются доминирующим народом, хотя этнически они ничем не отличались от древлян. Они делаются доминирующим племенем. Все остальное постепенно собирается под метелочку, но собирается достаточно мягко. И собирается не в жесткие рамки империи, а в такую мягкую подушку, которая существует - или не существует - в зависимости от исторической надобности.

К сожалению, жесткая организация ими не была задана с самого начала. Может быть, еще и потому, что это были славяне, мягкие славяне, не склонные к жестким формам государственного строительства. Тогда они не были склонны. Помните, византийская традиция впереди. Ордынская традиция пока еще впереди, пока еще этого нет. И, значит, жесткая самоорганизация, такая как в Англии и будущей Франции, невозможна. Не забудьте, еще и католического Рима нет. Нет основ для жесткой организации. Салическая Правда и Правда Ярославичей - это совсем не то, что римское законодательство. Невозможно организовать на этой бескрайней территории, когда постоянно есть куда уходить. Допустим, ты сегодня организуешь нечто, а завтра у тебя откроют дверь и просто уйдут, потому что есть куда уйти, потому что слишком много воли, слишком много земли. И, заметьте, можно все.

Крайняя несвобода, которая настигает славян впоследствии, - возможно, это размах маятника. Это расплата за ту первичную волю, когда можно было фактически все, когда не было никаких запретов. Полное отсутствие самоограничения. Это расплата за то время, когда у славян не было ни казней, ни пыток, ни даже тюрем. Если они довольно рано появляются в Западной Европе, то мы фактически до монголов не знаем ничего, кроме поруба. А что такое поруб? Это такая одноместная каморка, куда сажают случайно попавшегося не идейного противника, а скажем так: территориального врага. Посидит он там немножко, потом князья договорятся, потом его выпустят. Поруб - это даже не тюрьма. Это такой домашний арест в мягкой форме. Нет тюрьмы. Есть какие-то наказания в Правде Ярославичей, но это наказание вергельдом, так же как и в Салической Правде. Одни штрафы. Ежели ты кого-то убил ненароком, или глаз ему выбил - заплати, убыток уплати. Восстанови статус-кво. Никто не будет тебя карать за содеянное ни с моральной точки зрения, ни с исторической. Фактически ты можешь откупиться от всего. Потом уже появляется такое понятие, как церковное покаяние за убийство раба, когда не нужно ничего платить.

Здоровая система. Может быть, более здоровая, чем наше нынешнее правосудие. Понятие вины абсолютно отсутствует в этом кодексе. Есть понятие возмещения убытка. Нет понятия вины. Римское законодательство все-таки предполагало некую юридическую ответственность. Потом, не забудьте, что есть вервь, есть круговая порука, чего никогда не будет ни в Риме, ни на территории древней Британии, ни на территории древней Франции. Положим, они пришли, и получился довольно интересный сплав. Что у нас получается в результате, когда прибавляется скандинавская традиция? Мы, благодаря Сергею Маркову, видели, что такое славянская традиция в чистом ее виде.

Благодаря Александру Блоку, мы знаем, что такое сочетание трех традиций: славянской, скандинавской и традиции Дикого поля. Иногда вещи, которые настолько тонки и принадлежат не к сфере реального, а к сфере иррационального, описать невозможно. Это лучше увидеть. И чтобы это увидеть, у нас есть Александр Блок, который описывает чистую ситуацию этих трех традиций, той смеси, которая дает великое искусство. То, что получилось в результате. Он описывает это в своем цикле "Скифы". Хотя не о скифах здесь идет речь.

Стихотворение можно отнести к XIII или к XIV веку.

Мы стоим на пороге византийской традиции. Еще немного, и у нас прибавится традиция, которая потянет нас вниз. Скандинавская традиция поднимала нас ввысь, византийская традиция потянет нас вниз, в бездну.

Давайте зафиксируем тот срез общественного сознания, который у нас вырабатывается на грани внедрения византийской традиции.

Опять с вековой тоскою пригнулись к земле ковыли,
Опять за туманной рекою ты кличешь меня издали.
Умчались, пропали без вести степных кобылиц табуны,
Развязаны дикие страсти под игом ущербной луны.
И я с роковою тоскою, как волк под ущербной луной,
Не знаю, что делать с собою, куда мне лететь за тобой.
Я вижу над Русью далече глубокий и тихий пожар,
Я слушаю рокоты сечи и буйные крики татар.
Объятый тоскою могучей, я рыщу на белом коне,
Встречаются черные тучи во мглистой ночной вышине.
Вздыхаются светлые мысли в растерзанном сердце моем,
И падают светлые мысли, сожженные темным огнем.
Явись, мое дивное диво, быть светлым меня научи...
Вздыхается конская грива, за ветром зывают мечи.

Здесь уже все это есть. Есть беспечность и мечтательность славянина, его твердость, его человечность, скандинавские гордыня и одиночество, тоска Дикого Поля.

Викинги имели предельно свободную экономику. Лучше, чем в Англии. В Англии были не одни только йомены, и вообще-то йоменов сильно притесняли. И жили они довольно скверно под властью феодалов. И тогда приходилось уходить в леса. В Шервудский лес пришлось уйти свободным йоменам под предводительством Робин Гуда.

Бондам, скандинавским крестьянам, никуда уходить не нужно было. Свободный, незнатный земледелец мог иметь небольшой надел, мог иметь большой надел, мог иметь дружину. Конунга он выбирал самостоятельно на тинге. Конунгу он подчинялся добровольно и только во время похода, а так на своих землях он был абсолютно независим и никаких феодальных повинностей по отношению к королю, которому он служил добровольно, не нес. Сплошная страна свободных людей.

И вот они к нам приходят и они приводят с собой, кроме свободы, в обозе свой словарь. Было у них такое слово: "дроцмен". Пройдя через финно-угорские земли, это слово, которое означает копье и одновременно дружину, теряет первый и последний слоги. Остается "роцмен". И вот от этого "роцмена" и образуется слово "Русь". И несколько веков (с IX-го по XII-й) слово "русь" будет означать дружину, привилегированный слой викингов, пришедших на Русь, свободных воинов, т. е. "русский" в переводе на исторический язык означает: "воин". Встречаются где-то под Киевом два понятия: "русь" и "рось". Была там речка Рось и было Поросье. Местное славянское Поросье встречается со скандинавской Русью. Итак, русский - это воин, и русы, в отличие от россов, о которых так часто любит говорить Александр Сергеевич Пушкин, были исключительно воинами, дружинниками тех самых князей-конунгов, которые

пришли на Русь. И на самом деле не было Игоря, был Ингвар. Мы его превратили впоследствии в Игоря. Он сам добровольно приспособился к языку той земли, куда они пришли. И Ольга была Хельгой. Свенельда даже преобразовать не смогли. Как был Свенельд, так и остался. Славянские имена в древние времена: Светлана, Преслава, Доброслава - смешиваются со скандинавскими именами. И мы видим их в следующей совершенно невообразимой ситуации.

Казалось бы, прививка свободы есть. Уже все произошло. Но земля - она древняя. Она древнее любых завоеваний, и те, кто живет на земле, несут в себе тот закон, который дан им судьбой при рождении. Преобразовать земельные отношения Руси, той самой Руси, которую они называли Русью, варяги не смогли. Создать бондов, как вы понимаете, на земле, продуваемой бешеным ветром набегов кочевников, где нельзя быть уверенным в завтрашнем дне, где община была единственным способом выжить, - частокол, община, городище, объединение людей - они не сумели.

И поэтому у нас получается иное. Очень интересная социальная структура. Социальная структура, которая дает возможность любым вариантам развития. Пока еще все двери раскрыты, пока еще не закрылась ни одна дверь, пока еще все нам подвластно. Есть, естественно, сам князь - конунг, который не владеет людьми, который приглашен, по сути дела, в город на княжеский стол и может с этого стола слететь по воле горожан. И тогда они призовут другого князя. Нет еще лестничного права, нет еще княжеских снемов. У нас IX век. Досвятославово время. Все еще свободно, все взаимозаменяемо. Этот самый конунг имеет при себе дружину, княжих мужей, которые впоследствии станут боярами, и отроков или детскую часть, детинец, молодых дружинников, которые еще набираются ума-разума, в совете не участвуют.

Скандинавы приносят интересное правило. Правило первобытного парламентаризма. Считалось хорошим тоном, чтобы князь советовался с дружиной. Это еще нигде не было записано. Это не была Конституция. Но это была традиция. Традиция, принесенная из Скандинавии. Попробуй там с тингом не посоветуйся. Завтра на этом тинге провозгласят другого ярла, другого короля, если ты потеряешь доверие своих воинов. И не только своих, но и чужих! Постоянно приходилось утрясать что-то, постоянно приходилось идти на компромиссы. То есть конунги в Скандинавии вели очень бурную политическую жизнь. Они много чему научились, и это долго сохраняется на Руси. Советоваться с дружиной, решать все дела в таком парламенте, где князь - первый среди равных, где он выслушивает совет, обязан был каждый властитель.

Отголоски всего этого - боярская Дума, которую абсолютно перестанут слушать при Иване Третьем. Не при Иване Четвертом! При его деде Иване Третьем. Ивану Четвертому не придется ликвидировать свободу, ее ликвидировали при

Иоанне Третьем. Ее в общем-то даже раньше ликвидировали. Мы увидим, с какого века, с какого года, и даже с какого поворота она начнет ликвидироваться.

Но пока она у нас бескрайняя. Значит, с одной стороны это такое либеральное политическое устройство. Город может чихать на все это, в городе своя власть. В городе властью являются старцы градские, или лучшие нарочитые люди. Как бы городская аристократия. Это не купечество, это знатные люди, это те самые бывшие воеводы, это бывшие предводители родов, это бывшие главы этих родов - старцы градские. Они и решают, кого пригласить в князя, они-то и выплачивают им жалованье. Ведь отношения князя с землей были сложные. Князь - это то, что в Риме впоследствии назвали диктатором, он избирался на время войны. Ганнибал у ворот - избирают диктатора. Ганнибала нет в Италии - диктатора переизбирают. Задержаться на этом месте удалось только Сулле и Марию. Возможность составить проскрипционные списки была только у них. Но, простите, это уже I-II вв. до н. э.

До этого ни у кого не было такой возможности. Князь - это, по сути дела, военный предводитель, который должен заниматься еще и сбором налогов. То есть такая ходячая налоговая инспекция. Нынешняя налоговая инспекция еще счастливая. Если бы их так заставили налоги собирать, как князь собирал налоги, они бы и вовсе все уши прожужжали обществу, что они отказываются от работы и ни одного рубля налогов в казну не соберут.

Князь ходил на полюдь. То есть надо было садиться в ладью, сплавать до какого-то поселения, жить там всю зиму, кормиться, собирать эти налоги мехами и потом везти в Царьград и лично продавать. Военное купечество Руси образовывалось не как третье сословие.

Вначале это были те самые варяги, нарочитые лучшие мужи. Они же и продавали все в Царьграде (в Константинополе). Они же выручали деньги. На Руси было много золота и серебра, потому что наши меха ценились. Но на полюдь могли произойти и неприятные инциденты. Налогового инспектора могли просто прикончить, как прикончили Игоря, за то что он хотел взять много налогов. Ему бы сказать, как Лившицу: "Надо делиться", - но он, видно, не знал этих магических слов. Расскажам о том, что он пошел по второму разу, не следует очень доверять. Просто налоги на Руси платили очень неохотно. Надо было их выбивать с мечом в руках. Поскольку договорного права не было, законы все были неписанные, государственное устройство было воздушное, условное, приходилось получать эти налоги с оружием в руках. Бывали неприятные инциденты.

Еще что мы имеем? Мы имеем абсолютно непонятную фигуру: огнищанина. Очень долго выяснял историк Греков, кто это был такой, и выяснил, что это был крупный землевладелец, помещик, даже рабовладелец (ему могли дать и рабов!)

но, к сожалению, он не был независим. Он вынужден был договариваться с князем или со старцами градскими. То есть он держал свою землю или от этих, или от тех. Это не был лендлорд: абсолютно независимый феодал, герцог, барон, который по древнему праву, получив от предков свое имение, сидел в Альбионе и мог решать, дать королям денег на Столетнюю войну или не давать. Знаете, почему Англией была проиграна Столетняя война? Не потому, что английские войска были хуже французских, и даже не из-за Жанны д'Арк, которую англичане до сих пор не переносят, и пишут ужасные гадости о ней, хотя, казалось бы, можно уже было с XV века простить и забыть все это. Но они помнят пять веков, что она сделала. (Денег не дали на войну английским королям именно лендлорды). Все уже было. И Парламент был, и Палата Общин была, и Великая Хартия Вольностей была. Не дали денег, сочли, что это нерентабельно: владение на континенте. А без денег нельзя было вести войну. И взять насильно ничего было нельзя, потому что действовало договорное право, потому что войско английского короля состояло из тех самых отрядов, которые ему предоставляли независимые герцоги и бароны. То есть от них зависел король, но не они зависели от короля. Абсолютная, полная независимость. Да, договорная свобода, полная социальная дифференциация, очень привлекательная структура, которая на этом острове дошла до апогея. Именно поэтому общественное устройство Великобритании давало больший уровень свободы, чем французское.

Во Франции было сложнее. Там были вилланы - абсолютно не свободные крепостные (йомены, не забудьте, крепостными не были). Йоменов теснили, но они были лично свободны.

А у нас что было? Посмотрите, что делалось у нас в этой сфере. Огнищанин - это не лендлорд, он тоже несвободен. Он даже не омажем связан, как французские феодалы с королем, которые были обязаны содействовать при свадьбах, при крестинах, при военных походах. Степень свободы ниже, намного ниже, чем в Англии, даже ниже, чем в Испании. Хуже того: полностью несвободные крестьяне, которые даже не имели своей земли. "Смерды" - так называли крестьян в те времена (X-XI вв.) на Руси. Они имели свои орудия, но их сажали на землю, это была не их земля. Они должны были платить определенную ренту или натурой, или деньгами. Эта земля принадлежала или городу, или самому огнищанину (на самом деле она была не его, он держал ее от князя). А у князя как таковой земли не было. Он мог давать имения, но право на имения надо было все время подтверждать с оружием в руках. То есть он мог дать земельное владение, конечно, но он мог и потребовать. Это были бояре его дружины: по первому зову встали и пошли. Не стали решать, ходить или не ходить, уже никаких тингов, а встали и пошли, потому что землю они держат от него.

То есть это страшная ситуация. Что у нас есть еще, кроме смердов? Челядинцы. Челядинцы - это те, кто был членом некой фамилии, как в древнем Риме,

абсолютно лично несвободные. Что-то среднее между рабами и вольноотпущенниками. Даже не клиенты. Клиенты были материально зависимые (была некая традиция поддерживать своего патрона), но они лично были абсолютно свободными. Никакой договор, никакой закон их свободы не лишал. Не забывайте, что Рим - это царство, где действует закон. У нас челядинцы несвободны полностью. А еще что у нас есть? Есть у нас рабы. С ними все ясно. Есть холопы. С ними все еще более ясно, даже и рассказывать не нужно, сколько и чем нужно было платить, и что они делали. И есть потрясающая тяга к личному закрепощению.

Вот откуда крепостное право. Оно стоит на трех китах. Эти три кита называются: "вдач", "рядич" и "закуп". Три варианта личной добровольной зависимости. Чего-то не хватило - ты отдаешь часть своей свободы или на определенный срок или навечно как бы закабаляешься, или отдаешь сына в кабалу. Вдач - вдаешься во что-то. Рядич - рядишься о чем-то. Закуп (скажем, ролейный закуп, там очень много разновидностей, это нас не должно интересовать) - просто куплен. Но ни грамма личной свободы земледельца, у которого были бы и земля, и орудия, как у бонда, как у йомена, мы не высосем из этого социального устройства.

К сожалению, самым большим несчастьем на Руси считалась абсолютная личная свобода, когда тебя никто не кормит. Быть изгоем - это было величайшее зло. Что такое был изгой? Изгой - это был человек вне социальной иерархии, который ни у кого ничего не успел взять, никому ничего не успел задолжать, который жил сам по себе. Это считалось бедой. Осиротевший князь, который не успел получить наследство (по лествичному праву, если отец умирал раньше своего сына, то дед не мог через голову отца оставить внуку что-то, не мог оставить ему Стол), делался изгоем. Ему где-то там нарезали кусочек земли с селами или не нарезали, но он считал себя несчастнейшим из людей. Поп, не умеющий грамоте, был изгой. И человек, не входивший в социальную структуру, который не получил землю, не сел на нее, как смерд, со своими орудиями, в холопы не пошел, не взяли его ни во вдачи, ни в рядичи, ни в закупы, становился изгоем. Да, конечно, человек, который был сам по себе, мог пропасть на Руси очень легко. Гораздо легче, чем в других местах. Не забывайте: ветер, раскаленный ветер из Степи.

В этот момент уже появляются половцы. Очень легко было утащить, продать в вечное рабство. Отделившийся человек даже со своей семьей выжить фактически не мог. На юге это исключалось. Власть Киева кончалась там в двух днях пути от него. Кони проходили это расстояние очень легко.

Но не забывайте о правиле большого спорта, которому подчинена история. Никого не интересует, почему вы не добежали. Никого не интересует, что у вас были тесные кроссовки. Никого не интересует то, что вы не были тренированы. Никто не дает выстрел старта в одно и то же время. Главное, на финише вовремя

оказаться. И никто не учитывает наших трудностей. Наши трудности - это только наши трудности. Поэтому то, что склонность к личной свободе была фактически исключена для мелкого земледельца самими историческими условиями, - это не оправдание. Это камень, еще один камень нам на могилу. Это не оправдание ни перед историей, ни перед самими собой, потому что наши оправдания историю не интересуют, как не интересуют спортивного комментатора оправдания не добежавшего спортсмена. Кто не успел, тот опоздал.

Социальная дифференциация Руси исключает свободу высших, независимость от власти (как от власти города, так и от власти князя) и свободу низших, то есть свободу земледельцев. Это зерно величайшего конфликта и величайшего несчастья. Это прививка исторической чумы, почти непреодолимой. Вы разрезали это яблоко, и вы видите, что в нем поселился червь.

И последнее, что с нами случилось на грани веков в начале истории - это христианство. То, что мы приняли его не из тех рук и даже не ту его разновидность - тоже зло.

Исторически, даже географически нам неоткуда было взять христианство, кроме как из Византии. Да, наши князья, которые уже наполовину славяне, а наполовину скандинавы, ходили в Византию. Торговали с Византией, завоевывали Византию. Их сжигали греческим огнем или не сжигали. Они женились на греческих принцессах или не женились, но монахи с письменностью и христианством пришли оттуда. Оставим расхожий анекдот насчет того, что Владимир устроил некий смотр и выбирал себе религию по принципу чисто питейному. Поскольку ислам не разрешал пить спиртные напитки, он выбрал христианство. Конечно, это полный исторический анекдот или полный исторический идиотизм. На самом деле все было значительно проще.

Одним из условий женитьбы на багрянородной царевне, то есть на византийской царевне, было принятие христианства. То, что для Ольги - Хельги было ловким политическим ходом, чтобы получить какие-то временные выгоды, для Владимира стало тенденцией. Удачная женитьба, удачный военный союз. Вообще-то славяне давали войска Византии, а не наоборот. Они в нас нуждались. Конечно, можно было поторговаться, но кто нас мог этому научить? Кто нас мог научить основам договорного права? Славяне были наивны. Викинги, которые с нами смешались, не видели в принятии христианства большого зла, тем более что сама Норвегия где-то в XI веке, даже на век позже, чем Русь, принимает христианство. Но они христианство приняли несколько иначе. Они приняли христианство римское, католическое христианство. Они приняли его с Запада. Они не приняли его с Востока. И когда оно наложилось на их политические основы, на их политические истоки, на склонность к абсолютной свободе, это было уже что-то абсолютно другое.

Мы же принимаем магическое христианство. Квадрат - это аполлоновский человек. Душа аполлоновского человека - структура всех греческих храмов. Парфенона, Эрехтейона, Тезеиона. Они выражают адекватность. Они выражают приятие мира таким, какой он есть. Отсутствие даже самого желания бороться с Судьбой. Судьба - это то, что дано свыше. Судьбе нельзя противиться. Чему угодно можно противиться, только не Року. Это приятие солнечного мира Эллады аполлоновским человеком, радостное приятие. Это душа аполлоновского человека...

Мой Карфаген обязан быть разрушен

Лекция № 3. Русь ссылают на Соловки

Византийская традиция включала в себя не только формулу веры. Она включала в себя формулу государства. И поскольку эта традиция была воспринята из рук деспотии, примитивной, тяжелой, восточной деспотии, от Востока не креста, как мечтал Владимир Соловьев, а Востока именно Ксеркса, то, разумеется, здесь и речи быть не могло о какой бы то ни было дифференциации интересов и позиций.

И речи не было об этой первоначальной дуге интересов с катодом и анодом, благодаря чему в Средневековье сохранялись некоторые свободы для тех, кто был готов и мог ими воспользоваться. То есть, конечно, сначала для сеньоров. Но здесь и для сеньоров ничего не светило. Потому что если нет сильной духовной власти, дерзкой, надменной, независимой, плюющей на земные авторитеты, низлагающей королей и царей; если эта знаменитая духовная власть обречена толкаться в прихожей у светской власти, если она будет так же лизать ей руки, как это делала московская Патриархия и при царях, и при генсеках, и при президентах, принимая любую власть, лишь бы она давала сначала лошадей, потом - черные лимузины, и всегда - деньги и привилегии. То, что мы сейчас наблюдаем, - это классическая форма византизма. Не ждите никаких общественных свобод, потому что все начинается на этой развилке, где светская власть идет направо, духовная власть идет налево, и потом они начинают взаимно пихаться. И пихаются и толкаются весь исторический процесс. Это во Франции будет авиньонское пленение Пап, т. е. придется сажать их к себе в Авиньон, потому что уж очень они нос задрали. При Филиппе Четвертом Красивом был такой эпизод. Это германский император будет два дня стоять в грязи на коленях, вымаливая прощение у Папы Римского.

У нас ничего подобного не будет. Патриарх Константинопольский всегда будет далеко, князья будут под рукой. А потом произойдет самое худшее. Византия достанется туркам, христианские монахи превратятся в голодных изгнанников, в обыкновенных прихлебателей при княжеских столах. Они будут заливать московские и великокняжеские престолы безудержной лестью. Они обещают Москве, что она станет Третьим Римом. Они будут пресмыкаться, они будут позволять абсолютно все. Они никогда и слова не посмеют молвить, пока не случится такое чудо, что митрополитом станет Филипп Колычев.

Это был единственный, наверное, в нашей истории эпизод противостояния духовной и светской властей. Но героическими подвигами не может жить история, не может жить народ, если это не его подвиги, а подвиги исключительных личностей. Нельзя никого спасти чужими подвигами.

Поэтому, когда Христос умирал на Голгофе, он, конечно, должен был знать, и он знал, что он спасает отнюдь не людей. Он спасал только свою совесть и свою честь. А люди должны были сделать свои выводы и повторить его путь. Иначе нет никакого спасения, и даже быть его не может. Нельзя спастись чужими муками, чужими терновыми венцами, чужим распятием, чужим героизмом. Спасение приходит к человеку непосредственно. И спасение надо заслужить, надо попотеть за спасение.

Поэтому византийская формула власти предполагает абсолют. Это уже содержало в себе железную формулу автократии. И власть, и вера. Нет ничего, кроме абсолютного авторитета в законе, и на небе, и на земле, и спорить с ним не дозволено. Плюс к этому прибавлялась магическая ипостась византийского христианства. Когда вначале Слово, когда нет никаких дел. А там, где Слово не звучит на площадях, там, где Слово не звучит на форумах, - это Слово не имеет общественного резонанса, не имеет даже общественного применения. Тогда Слово рано или поздно начинает звучать просто на кухнях, на лужайках, на полянках, на маевках. Тогда это Слово выходит за гражданскую формулу государства, и государство лепится без этого гражданского слова по худшей из всех возможных формул из колючей проволоки. А из нее получают очень квадратные и прямолинейные узоры.

А почему мы, собственно, называем западное христианство фаустианским? Что там такое было, чего не было дано нам? Вроде бы все читали те же четыре Евангелия: от Луки, от Матфея, от Иоанна и от Марка? Ну пусть они больше читали Евангелие от Матфея. Пусть так. Но там было то, чего мы не получили с самого начала. Там была дифференциация светской и духовной властей. Так почему мы называем фаустианским это христианство? Там были очень интересные отношения с небом, с землей и с властью. Когда Гете сформулировал основы фаустианского духа и фаустианской мелодии для грядущих поколений на весь XIX век, на весь XX век, на те века, которые сделали из Запада то, чем он является, - тогда это выразилось в совершенно чеканных формулах фаустианства: противоборство, противостояние. Неверие в авторитет и нежелание ему подчиниться. Вот, скажем, отношения с небом, перед которым в византийской традиции допустимо только одно: хлопнуться на колени и стукаться лбом об пол. А что там? Что, собственно, говорит Фауст, когда собирается выпить яд? Обращали ли вы на это внимание? Это формула отношений человека Запада с божеством.

Но отчего мой ум к себе так властно
Та склянка привлекает, как магнит?
В моей душе становится так ясно,
Как будто лунный свет в лесу разлит.
Бутыль с заветной жидкостью густою,
Тянусь с благоговеньем за тобою,
В тебе я чту венец исканий наш,

Из сонных трав настоящая гуща,
Смертельной силою, тебе присущей,
Сегодня своего творца уважь.
Взгляну лишь на тебя, и легче муки,
И даль светлей, возьму тебя лишь в руки,
Волненье начинает убывать,
И шире даль, и тянет ветром свежим,
И к новым дням и новым побережьям
Зовет зеркальная морская гладь.
Слетает огненная колесница,
И я готов, расправив шире грудь,
На ней в эфир стрелою устремиться,
К неведомым мирам направить путь.
О эта высь! О это просветленье!
Достоин ли ты, червь, так вознестись?
Спиною к солнцу встань без сожаленья,
С земным существованием распротись.
Набравшись духу, выломаи руками
Врата, которых самый вид страшит,
На деле докажи, что пред богами
Решимость человека устоит,
Что он не дрогнет даже у преддверья
Глухой пещеры, у того жерла,
Где мнительная сила суеверья
Костры всей преисподней разожгла.
Распорядись собой, прими решение,
Хотя бы и ценой уничтоженья.
Сейчас сказать я речи не успею,
Напиток этот действует скорее,
Хоть медленней струя его течет.
Ты дело рук моих, моя затея,
И вот я пью тебя душою всею
Во славу дня, за солнечный восход.

Это о самоубийстве, которое абсолютно запрещено христианской религией. Вот оно, западное христианство. Оно вне запретов, оно вне канонов. Оно то, что позволяет на равных говорить с Богом и никогда не становится на колени ни перед кем, в том числе и перед Демиургом - создателем Вселенной.

Человек рождается свободным и равным не только в гражданском обществе, но и там, у Всевышнего престола. Человек не должен никому подчиняться. Вот что такое западное христианство. Вот что такое эти готические шпили, устремляющиеся в небеса. Это вызов, который человек бросает Вечности, бросает мировому абсолюту, бросает даже мировому Добру. Фауст впоследствии, когда эта чаша с ядом выпита не будет, сочтет свой минутный

порыв глупостью, слабостью, но слово "грех" не произнесет. Во всем романе в стихах "Фауст", во всей этой истории, во всем эпосе ни разу не будет употреблено слово "грех".

Это христианство, которое является религией свободы, а не религией греха и подчинения. Самый худший грех для фаустианского христианина - это слабость, это трусость, это глупость. И второй раз этот абсолют христианской веры фаустианского человека, эта магическая формула, которая как ключ открывает дверь в неведомую страну абсолютного равенства человека и Божества, в страну, которую мы зовем Запад, будет произнесена устами Жанны д'Арк в пьесе Ануя "Жаворонок":

"От содеянного мною - не отрекусь". Фаустианский человек никогда не отрекается от содеянного им.

Он ни разу не кается.

Отношения с землей у них тоже на уровне полнейшего экзистенциализма. Помните, какими словами Фауст сожалеет о том, что поддался слабости и прислушался к колокольному звону и даже почувствовал детское умиление. Это тоже, если хотите, формула будущей гражданской позиции. Это формула развития социальной структуры Запада.

"О если мне в тот миг разлада
Был дорог благовеста гул
И с детства памятной отрадой
Мою решимость пошатнул,
Я презираю ложь без меры
И изворотливость без дна,
С которой в тело, как в пещеру,
У нас душа заключена.
И обольщенье семьянина
Детей, хозяйство и жену,
И наши сны, наполовину
Неисполнимые, клянуп.
Клянуп Маммона, власть наживы,
Растлившей в мире все кругом,
Клянуп святой любви порывы
И опьянение вином.
Я шлю проклятие надежде,
Переполюняющей сердца,
Но более всего и прежде
Клянуп терпение глупца.

Вот он, фаустианский человек, вот оно - фаустианское христианство. Ничего и никогда не терпеть. Терпение - глупость, смирение - глупость. И это есть единственный главный грех человека. И рождаются руны Запада. Последние слова Фауста: "Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идет за них на бой". Вот оно, гражданское общество, вот отношения людей друг с другом, с властью, с божеством. Вот поэтому фаустианскому человеку выпала почетная роль, и он дал свое имя фаустианскому христианству. Вот оно - западное христианство. Вот то, чего мы были лишены, то, чего мы не восприняли, то, чем нас обнесли. Это было непоправимо. Потому что человек живет так, как он верует, а человек верует в какую-то формулу жизни. У нас этой формулы, вдохновляющей, приподнимающей человека над житейской грязью, трусостью, слабостью, над компромиссом, не было никогда. Все это скажется.

Это начнет сказываться очень скоро. Мы это прекрасно почувствуем уже где-то к XIV веку.

Но пока византийское христианство кажется очень соблазнительным и даже сложным и глубоко духовным лесным славянам, которые таких изысков вообще-то не видели. Они начинают опять, чуть ли не после тысячелетнего перерыва, читать книги. Они приобщаются к кое-какой эллинской культуре, правда, запачканной этим византийством, замутненной до неузнаваемости. Там осталось знание, но там уже не было свободного духа. А культура - это не только сумма информации; не ее биты, это дух, который исходит от этой культуры. Духа не было, но биты информации были. Формула вина без букета и градусов.

А пока Русь творит своих святых.

И посмотрите, кого она делает своими святыми? Самые первые святые на Руси - это Борис и Глеб, которые отказались защищаться, которые погибли потому, что Святополк Окаянный, который поднял на них руку, был их братом. И не желая участвовать в братской розни, не желая защищаться теми же методами, поскольку цель не оправдывает средства (по византийской формуле), они предпочли умереть. Добродетель подчинилась без боя пороку и покорно подставила горло. Хорошо, что еще потом были и Владимир, и Ярослав, которые в сходной ситуации горло не подставили. Иначе тех зачатков государства и цивилизации, которые на Руси произросли, не было бы. Когда настал их час, и Владимир, и Ярослав просто-напросто послали за варягами. С помощью варягов они своих братцев (ситуации были совершенно зеркальные и у того, и у другого, проста через некоторое время) выгнали - и очень далеко. И те пошли скитаться, ища помощи при европейских дворах. Тот, кто отказывался принимать правила игры, тот погибал. И все на Руси как-то притихло. Не было динамики.

Хотя на первый взгляд Русь производила хорошее впечатление. В Киеве было 600 церквей, было много денег, было много рынков. И если сравнивать Русь тех изначальных времен, когда Валентин Иванов мог себе позволить называть ее Русью Великой, с бегунами на соседних дорожках и даже с теми, кто бежал чуточку поодаль, мы не обнаружим пока контраста...

Мы не заметим ни в XI-ом, ни в XII в., ни тем более в X-ом такого уж большого отставания.

Мы увидим везде примерно то же самое. На Западе дерутся герцоги, бароны, графы. Из-за чего дерутся - понять абсолютно невозможно. Из-за славы, из-за власти, из-за владений. В будущем великом Альбионе, том самом, который станет главным хранителем и оплотом западных свобод и гражданских прав, тоже сплошные потасовки. То два короля, то чуть ли не три. Ничего не поймешь, сплошной хаос, из которого время от времени доносятся какие-то дикие вопли и вылезают копыя и мечи. Сплошной клубок тел и пыль по дорогам.

На Руси дерутся князья, все при деле. Все примерно одинаково одеты и у них, и у нас. Но на Руси люди лучше накормлены. На Руси в этот момент нет голодных. Богатая земля, больше возможностей уклониться от налогов. ...Не взять в степях и лесах вовремя налоги. На Западе это было лучше поставлено.

Крестьяне у нас не ободранные. Если их кто-то и обдирает, то, скорее, - половцы, кочевники. Вот эта опасность над ними висит чаще, она страшнее для них, чем собственные сеньоры. Собственные сеньоры беспечны и щедры. Им немного надо. Деньги некуда вкладывать. Нет администрации, нет инфраструктуры. Никто об этом не думает.

Римские законы, римский водопровод, римские преторы, римская армия и римские дороги требовали громадных затрат, но они оправдывали существование Империи.

А князья-Рюриковичи были типичными обломовыми.

Они ничего не могли сделать с этой землей, и они ничего не хотели с ней сделать, потому что им нечего было ей сказать. У них не было той великой государственной истины, ради которой стоило кого-нибудь завоевывать, как это делал Рим, как это делали Афины. Такая же ситуация, как с Советским Союзом, которому тоже нечего было сказать. Просто нечего. А на голой силе, на голой власти не держатся империи.

Но в отличие от Советской империи, империя Рюриков была достаточно мягкой. Один раз тебя завоевали, а потом живи, как хочешь. К тебе не пристают. Тебе ничего не навязывают. Довольствуются очень небольшой

данью. А больше идти тебе некуда. Поляки тобой не интересуются, чехи - очень далеко, за Червонной Русью. Их вообще никто не видел. Про франков даже и не слышал никто. А про Византию и послушать страшно. Там какие-то турки, враги христианства, враги человечества с ятаганами. Вокруг роились легенды. Вокруг Руси не было реальной действительности. Она была одна в своих лесах. Она ни с кем не сталкивалась. И казалось бы, при таком изобилии свободы, при такой анархии не могло быть деспотизма. Но нет!

Сейчас вы увидите, почему. Пока то, что князь находится в очень теплых отношениях со своим придворным монахом из ближайшего храма, никому еще не мешает. Пока не нужно искать защиты. Никто тебе не желает зла, ни этот князь, ни этот монах. Пока всем хорошо, всем тепло в этой коммунальной квартире, но скоро, очень скоро понадобится дифференциация, а ее не будет. Дифференциация - это то, что вынашивается веками. Это некий очень прочный фундамент, это такое плато, на котором стоит либерализм. И когда нам понадобится дифференциация, а она понадобится и в XIV веке, и в XV веке, поздно будет ее создавать. И Филипп Колычев сделать ничего не мог, не было традиции.

Дифференциация должна существовать по меньшей мере три-четыре века до того момента, когда ее можно будет использовать.

И вот у нас есть, вроде бы, Империя. Но почему-то каждый новый князь завоевывает все волости обратно. Владимир вынужден был пройти ревизорским походом по всем областям от юга до севера, даже с Новгородом пришлось утрясать отношения. Затем то же самое пришлось делать Ярославу, а до этого все это делал Святослав.

Святослав - это была потерянная возможность. Святослав обладал даром великого государя. Он обладал огромной силой и огромной тягой к тому, чтобы что-то создать. Он даже не знал, зачем он это делает. Он не был книжником.

Он никогда ничего не читал. Но в нем жила беспокойная душа викинга, конкистадора, варяга. Он не знал, что он делает, но возможно, боги вели его рукой. Он создавал традиции единого государства, и только его власть была непререкаема. Вот когда он всех завоевал, пока он жил, никто не смел и возникнуть, никто не смел отказать в повиновении, никто не смел не дать дани. Если бы Святослав прожил дольше или имел равных ему потомков, возможно, у нас бы получилось что-то вроде Норвегии, возможно, на Руси появился бы король, а значит, понадобилось бы от него защищаться. Свободные лендлорды стали бы отстаивать от короля свои вольности, как это произошло в Англии, и возник бы документ, который был бы назван Великой Хартией Вольностей. А он не возникает на пустом месте. Нужна единая королевская власть, нужна борьба с ней. Если свободу не вырываешь, то считай, что нет свободы на уровне общественного документа и на уровне публичной политики.

Свободу у нас можно было бы посадить. Но Святослав не знал, что ему надо было сажать и выращивать в горшке свободу.

Святослав был типичным варягом. Вот это его знаменитое "Иду на Вы!" - это идеология скандинавов, это гордыня.

Я намеренно говорю: "королевская власть". Нам была нужна только она, и ее мы не получили.

Царская власть очень сильно отличалась от королевской власти. Царская власть абсолютна. Королевская власть почти всегда - договорная власть. Власть от договора с гражданским обществом, потому что хотя пока нет гражданского общества, но есть договор с лендлордами, есть договор с герцогами, есть договор с баронами. Попробуй не договорись. У тебя начнется такая феодальная усобица, что небо с овчинку покажется. Столетняя война едва не была проиграна Францией только потому, что один из феодалов, герцог Бургундский, был убит по приказу короля. А у нас вместо дифференциации была соборность. Соборность - это отсутствие узаконенных прав людей. Соборность - это допущение, что все люди - братья и любят друг друга, что они все хорошие, что в них нет зла и, если дать возможность реализовываться их инстинктам, они придут к итогу и результату, полезному как для них, так и для государства.

Соборность - это избыточное равенство, это отсутствие жесткой договорной иерархии, это отказ от правовой почвы, это идеализм, переходящий в агрессивную утопию.

Лествичное право было именно соборностью. Русью правили братья. Один брат - в Киеве, второй брат - в Чернигове, третий брат - где-нибудь в Новгороде, четвертый брат - в Ростове или Тмутаракани какой-нибудь. Это расслабляло, потому что место под солнцем было обеспечено. Семейственность. Клан. На Западе все было иначе. Там феодалы старались преуспеть, потому что они знали, что им никто не поможет, что они должны своими руками завоевать и деньги, и славу, и власть. Они рано начинали стоять на собственных ногах. А здесь каждому обязаны были дать. Это был такой великокняжеский социализм. Такой первобытный великокняжеский социализм. И что происходило на самом деле? Формула была прекрасна. А в действительности все получалось, как всегда. В действительности дядья и племянники, если племянники были старше, чем эти дядья (дядья еще стрямими назывались, вы встретите этого стряя у Соловьева и долго будете думать, кто это такой, - так вот, это дядя), начинали выяснять отношения. А поскольку никаких договоров не было, судебной власти не было, как вы помните, суд чинил князь, и чинил он его с помощью своих бояр (то есть опять нет дифференциации властей, даже на этом уровне!), то некуда было идти. Надо было браться за меч и выяснять братские отношения в бою, втягивая в этот бой не только свои дружины, но и свои города. И от братских чувств осталось так мало, что когда на Русь являются татары, бывают

случаи (они были вначале сплошь и рядом), когда один город со злорадством отказывается помочь другому городу, помня старые обиды и не желая ничего делать, потому что нет чувства единого государства, нет чувства общности. Хотя и культура общая и язык общий, и всюду братья, даже до тошноты. "Братья и сестры!" - это не к добру!.. Их чувства скоро доходят до самой страшной взаимной ненависти. Потому что нельзя полагаться на чувства, полагаться на эмоции, полагаться можно только на закон и на жесткий договор. Лествичное право, можно сказать, предопределило завоевание Руси монголо-татарами. Лествичное право предопределило бесконечное дробление и слабость областей. Эта братская утопия вместе с византийской формулой христианства сделала наше развитие настолько злокачественным, что по идее спасти страну, которая еще не являлась страной, не считала себя страной и не называлась страной, можно было, начиная с XIII века.

Но поскольку на Руси тогда не было интеллигенции, спасти ее было некому, и никто даже не мог понять, что она нуждается в спасении.

Лествичное право привело к образованию княжеских снемов или съездов. Что такое княжеский снем или съезд? Это попытка князей договориться и установить какие-то отношения. Они смутно почувствовали, что что-то неладное происходит, что нужен какой-то общественный договор. Но поскольку никаких формул права на Руси не было, а Византии поделиться было нечем, происходит абсурдная вещь. Княжеские снемы, первый из которых происходит в XI веке, дают формулу "Каждый да держит отчину свою".

То есть опять попытка вернуться к здравому смыслу, к традиции. Традиционалистская формула государства, не договорная, а традиционалистская!

Первый княжеский снем, с которого разъехались после братской пирушки довольные и счастливые князья, завершается страшным преступлением. Потому что злокозненный князь Давид Игоревич с сообщниками ловит князя Василька Теробовльского и ослепляет его сразу после снema. Договор "по совести" ровным счетом ничего не значил, и другие князья принудить этого Давида Игоревича к какому-то искуплению не смогли, потому что тщетно пытались собрать какое-то ополчение, и вот: один идет, второй говорит, что меня это не касается, третий говорит, что у меня более важные дела.

Ярослав тоже всюду барахтался в этой формуле. Сначала он разбирался со своими братцами - всю первую половину своего княжения. Потом у него был маленький период передышки, когда он вводил на Руси элементы культуры Запада, вернее, пытался ввести с помощью династических союзов. Вот в этот момент чуточку открывается форточка, возникает какой-то сквознячок. Но, к сожалению, вместо того, чтобы впустить к себе книжников, проповедников, начала правовой культуры Запада, о которой Ярослав не знает ровным счетом

ничего, он просто ссужает деньги норвежскому и французскому королям, и даже его супруга, которая сохранила свою веру и своих священников, абсолютно ни в какие споры с ним не входит: ни в религиозные, ни в политические; и они существуют параллельно.

А на Западе - Генуя, на Западе - Венеция, на Западе возникает ранний капитализм.

Русь и Запад скользят мимо друг друга и не соприкасаются. Не происходит диффузии, не происходит взаимопроникновения. Потому что уже есть настороженность: из Галилеи, то есть с Запада, может ли быть что доброе? Поскольку единственная заграница, с которой по-настоящему соприкасается Русь, это Дикая Степь с половцами. Естественно, от заграницы Русь ничего доброго не ждет. Есть ужас, есть чувство, что все чужое - это смертельно. Нет ощущения, что можно что-то взять, чем-то покорытоваться: каким-то новым знанием, какой-то новой культурой.

И князья со своими братскими чувствами доходят до того, что у 1216 году состоялась знаменитая битва при Липице. Помните, что происходит в другом мире в 1215 году? Значит, в Англии - Великая Хартия Вольностей, а у нас - битва при Липице. Сражаются князья, опять по поводу своих заморочек, и 9 тысяч человек погибают только за один день. Взаимная ненависть достигла апогея. Чувства единого народа нет. И после такого прецедента, как битва при Липице, его еще очень долго не будет.

Но на Севере есть нечто, что выходит из общего ряда настолько, что заставляет биться сердце (вопреки всему!) неумеренной надеждой. Там есть господин Великий Новгород. Там есть Псков - (Плесков).

Они абсолютно независимы, за исключением небольшой дани, скорее взноса на общие нужды, такого налога на Великого князя. И их гражданская структура совершенно совпадает со структурой западных городов, но она выше структуры Запада.

Потому что военная демократия Новгорода и Пскова предполагает полное отсутствие унижения низших перед высшими. Она предполагает равенство. Гражданское равенство. Она предполагает гражданские права. Собственно, это наш Рим, наш республиканский Рим. Рим после царей, но до императоров. Рим Сципионов и Регула, Рим, который победил Карфаген только потому, что он не был деспотией, только потому, что он нес новую истину: гражданскую свободу.

Новгород устроен идеально. Это город-государство, республика, у которой очень оригинальная структура. Все выбирается, и всех выбирают. Епископа выбирают. Совершенно неслыханная вещь для тогдашней Руси, да и для Запада тоже. Епископ избирается, избирается посадник - исполнительная власть. Есть

законодательная власть, как бы плебисцит, Вече, наш Форум, есть все, что и сейчас имеется на Западе, только без тайного голосования. Есть и некий Совет Господ. По сути дела это Сеньория: флорентийская, венецианская, - какая хотите. Это Сенат. И сенаторами там состоят очень своеобразные новгородские бояре, которые отнюдь не обломовы, не бездельники. Это знать, которая получила свои деньги благодаря торговле, благодаря тогдашней промышленности. Каждый чем-то владеет. Мастерскими, целыми рядами мастерских, где изготавливают иконы, ткани, посуду. Все торгуют. То есть, по сути, от купечества бояре отличаются только тем, что они происходят из более древнего рода. Это те же патриции, но деятельные.

Штольцы хорошего происхождения.

Чем отличались патриции от плебеев к I веку до н. э. в Риме? Ведь Юлий Цезарь происходит не из патрицианского рода. Он происходит из знатного плебейского рода. Какой абсурд! Как может быть плебей знатным? Да, он может быть знатным. Потому что патрицианские роды просто первыми пришли в Альба-Лонгу, а затем в Рим, а плебеи пришли потом. Они были несколько не хуже, но они пришли на два-три века позже. Потом у них будут те же деньги, те же традиции, та же гордость, та же честь.

И вот наши бояре - это патриции Новгорода. Есть купцы. Они стоят на ступеньку ниже. Они пришли потом. Это новгородские плебеи.

И есть житые люди, или лучшие люди. Это новгородские дворяне. Они беднее бояр, они мелкие предприниматели. Они не крупные и не средние. Они тоже занимаются делом. В Новгороде все зарабатывают себе на хлеб. Каждый или торгует, или что-то производит, или владелец какой-нибудь мануфактуры или мастерской: такой древней протофабрики.

И внизу, наконец, находятся черные люди, которые вовсе не считают себя рабами, не являются холопами, ни перед кем не стоят на коленях. Это новгородские воины, ремесленники. И каждый ремесленник - воин. И все Концы Новгорода обязательно делятся на сотни, а крупнее их - на тысячи. Военная дисциплина в бою, а после боя - гражданская структура. Эти Концы после боя заботятся о том, чтобы дети получали образование, чтобы все умели читать и писать. Есть такие земские школы. В Новгороде все грамотные. Есть некие ссудные кассы, из которых ремесленнику, начинающему свое дело, выдается кредит (беспроцентный!) на обустройство.

Здесь лестничное право преобразуется с помощью договора в вещь очень здравую. Новгород, по сути дела, - это капиталистическая республика. Тот самый Запад, который не только их, но и наш. Это абсолютное доказательство. Те же славяне, но в других социальных условиях, создают структуру, которой нет равной в Европе. Опять-таки все сыты. Иноземцы, приезжая в Новгород (а

их там столько, что шагу ступить нельзя, чтобы на посольство не наткнуться), удивляются, что в Новгороде все ходят в сапогах, никто не ходит в лаптях. Все сыты. У всех гордо поднята голова. Никто никому не кланяется. Каждый гражданин имеет право высказать свое мнение на Вече. Потом это все переходит как бы в Совет Федерации, в Сенат, если можно Совет Федерации назвать Сенатом. Просто даже всего тебя передергивает, когда думаешь, насколько Сенат отличается от Совета Федерации. А там настоящий Сенат, Совет Господ, где заседают такие, как Борецкие, такие, как Губа-Селезневые.

Но народ имеет право на обжалование всего и всегда. А кто такой князь? Князь в Новгороде избирается и приглашается. И получает определенное жалованье. Новгородский князь - это некий военный специалист. Это такой наемный генерал, которого приглашают, и который не может ничего поменять ни в гражданской, ни в политической структуре Новгорода, который никого не ограбит и не унижит.

Есть целая система судов. Есть Суд посадника. Есть Суд митрополита, т. е. новгородского епископа. Есть даже земский суд, когда судят выборные люди. В Новгороде появляется нечто похожее на суд присяжных! Они не успеют его сформировать, но есть основа, есть росточек в горшке. Если бы Новгород дожил до XVI или до XVII века, на Руси не было бы Ивана Третьего, не было бы Ивана Четвертого, не было бы звездного часа автократии. Этот ошейник циклического развития Руси (по Янову) на нас бы не замкнулся. И не Петр бы занимался вестернизацией Руси, а все это спустилось бы вниз с новгородских стен и распространилось совершенно свободно и ненасильственно. Уничтожив Новгород, Иван Третий уничтожил последнее семя свободы, и после этого опускается по-настоящему железный занавес. Тогда он опустился, а не при Сталине, Советам ничего не надо было делать. Надо было просто его кое-где заштопать и задвинуть поплотнее. Он уже существовал тогда, в XV в. Железный занавес опустится над Русью, начиная с Иоанна Третьего. Так что, видите, до большевиков еще будут пять веков автократии.

И главное, что было в Новгороде, чего мы не нашли на Руси, что мы с такой тоской искали: то, без чего не может быть свободной страны, - это независимые земледельцы - фермеры. Не наймиты, у которых и орудия были господские, и земля была господская. Не смерды, у которых была государственная земля и личные орудия, а земцы, у которых и земля была своя, и орудия были свои, которые никому ничего не были должны, которые участвовали в новгородском ополчении на равных и сами распоряжались плодами своих трудов.

То есть весь Север был реформаторским, потому что в Пскове было то же самое. Только в Пскове было еще меньше холопов. В Пскове было заметно большее влияние Литвы. Он был еще больше вестернизирован. И в Пскове было тише. Там Вече было организовано в более европейских правилах, там больше было моментов тайного голосования и меньше было крика. Никого там не

предавали потоку и разграблению, никого там в Волхов не бросали, тем более, что Волхов протекал через Новгород, а не через Псков. То есть спокойная, договорная европейская структура; и вместо вдачей и рядичей, к которым мы привыкли на Руси, там были изорники, что-то типа европейских вилланов. То есть если даже человек очень хотел поступить к кому-то в холопы, его не брали. Не было холопов ни в Новгороде, ни в Пскове.

Псков был младше Новгорода. Новгород был сильнее. Новгород владел серебряными копиями. Все серебро на Руси было новгородским. Новгород был безмерно богат от торговли, и поэтому Псков вел себя очень скромно, и роковая ошибка новгородцев была в том, что они все время выясняли отношения с Псковом. Они не пытались дать ему равные права и не пытались хотя бы оставить его в покое. Поэтому, когда им понадобится сильный союзник, вместо того, чтобы их поддержать, замученный постоянными сварам, претензиями, унижениями, попыткой ободрать его, взять лишнее, Псков возьмет да и поддержит врагов Новгорода, вместо того, чтобы поддержать саму идею свободы. Никто не знал, чем это обернется. Шелонская битва - это 1470 год. А Псков стали дергать еще в X веке.

Эти земцы - это и есть наши бонды, наши свободные фермеры. Идеальное гражданское устройство, которое доказывает, очень убедительно и неопровержимо, что разговоры о том, что свобода славянским племенам противопоказана и не дана, что они не способны к либеральному гражданскому устройству, что рождены мы рабами, чтобы сказку сделать былью - и ничего не попишешь, - все это ложь. Вот оно, доказательство. Вот скандинавский дух, помноженный на славянскую традицию - без традиции Дикого поля. Традиция Дикого поля не попадает в Новгород. Византийской традиции там тоже нет. Конечно, с Римом у них отношения были, прямо скажем, иллюзорные. У Пскова было больше реальных отношений с Римом, хотя латынь упрямо никто не принимал. Но тем не менее, епископ или митрополит во-первых, от князя независим, во-вторых, он - член Совета Господ. Он независим и от посадника. Он независим от Сеньории. Он вообще независим от всего, кроме Бога. И эта дифференциация в X в. уже существует. Просто она пока еще не нужна. Ее не было необходимости применять. Потому что структура абсолютно скандинавская: свободный воин - это свободный или ремесленник, или землепашец, и он сам может за себя постоять с мечом в руках. Он ни перед кем не преклоняет головы. Если бы это сохранилось, пожалуй, финальный свисток прозвучал бы над совсем другими результатами соревнования.

Знаменитые города Ганзейского права - европейские города - ничего подобного не имели. Да, там тоже была Сеньория. Там тоже были купцы, там тоже были дворяне, но на континенте не было земцев, не было йоменов, то есть не было свободных землепашцев. Это первое. Это было только в Норвегии, в Скандинавии. Во-вторых, приходилось искать покровительства феодалов. От одного феодала защищал другой. Вы помните знаменитую формулу Шварца:

"Если ты хочешь избавиться от какого-нибудь дракона, заведи себе своего собственного". И все заводили себе своих собственных драконов. А это исключает формулу гражданской свободы. И потом, города Ганзейского права не были военными демократиями. Никакого Вече. Никакого самоуправления. Ремесленники могли решать только цеховые проблемы. Лишь то, что касалось непосредственно их ремесел. В управлении городом они не принимали никакого участия. Никаких князей и феодалов они не приглашали. Никакого посадника они не избирали, потому что бургомистр абсолютно не имел тех прав, которые имел посадник. И, конечно, хотя судьи были достаточно независимыми (не забудьте, все западное прошло через Рим, а Рим дает независимый суд, эту дифференциацию властей), и церковные феодалы были тоже независимыми, но часть населения не имела никаких гражданских прав. Черные люди, а они действительно были черные, то есть простые, в Новгороде были свободны и политически равны знатным, несмотря на то, что они были гораздо беднее новгородских бояр, то есть новгородских сенаторов.

Но к сожалению, эта структура была очень хрупкой и постоянно колебалась на волнах бушующего народного моря, на волнах охлоса.

Демократия постоянно рискует превратиться в охлократию. Это понимали греческие философы, это понимал и Монтескье, это почти всегда происходило. Не демократия Афин казнила Сократа. Сократа казнила торжествующая охлократия. Социальная рознь и сознание своего якобы социального интереса, а также и неумение признать социальное неравенство незыблемым, вечным и необходимым для существования человеческого общества, поиски какого-то иного варианта, попытки продлить человеческое развитие за рамки капитализма - все это приводит к тому, что низы начинают ненавидеть верхи и начинают искать способ, как бы от них отделаться. Возникает зависть, возникает ревность. Никто не довольствуется тем, что он сам заработал, и он начинает считать, (этот самый новгородец!), что все бояре - коррупционеры. Что они что-то у него украли, и что вообще такое социальное устройство несправедливо. Возникает глухой ропот. Возникают партии, неоформленные партии, не такие, как в Норвегии. Партии какого-то одного боярина. Поскольку бояре любили в те времена политику и использовали недовольство масс для того, чтобы ликвидировать, скажем, голоса своего соперника в Совете Господ, для того, чтобы их решение было принято в Сеньории. И они делают вещь непозволительную. Они начинают натравливать народ на своих коллег по Сенату. Народ делает выводы, и, как всегда, это доходит до полного абсурда.

Начинается самоуничтожение Новгорода. А ведь на юге не совсем пусто. Когда у нас наступит XV или даже XIV век, на юге уже будут сидеть московские князья. Талантливые, алчные, сильные, такие протофашисты, которые готовы воспользоваться всем чем угодно, употребить любые дипломатические ухищрения, только бы им подобраться к Новгороду. Этот островок свободы их несказанно раздражал, к тому же им нужны были серебряные копи, им нужна

была новгородская торговля. Ведь приключилась большая беда. Киев перестает быть торговым городом. После крестовых походов путь на юг открыт. Гроб Господень никто не завоевал, да, по сути дела, он никому и не был нужен. Другое дело - пути на Восток, безопасные пути по Средиземному морю. Богатеет Италия. Богатеют южно-французские города. Вот здесь и начинается тот самый западный капитализм - Генуя, Венеция, Марсель. И народная тропа к Киеву зарастает травой, никаких больше караванов. Киев никому не нужен. Никто из варяг в греки не идет.

Другое дело - Новгород. Города Рейна процветают. Новгород входит в это созвездие городов Ганзейского права. За счет своей гражданской структуры он становится еще сильнее. У него великолепное войско. Но наступает момент, когда это самое войско начинает роптать против своих командиров, и теряется чувство опасности. Новгород был слишком долго первым на Руси. Он слишком привык к мысли, что ему ничто не угрожает. А ухо надо всегда держать остро и ходить надо всегда опасно. Угроза, не важно какая, имперская, коммунистическая, московская, византийская - есть всегда. И тот, кто забывает о ней, тот всегда проигрывает. Тот, у кого закружилась голова, тот перестает стоять на страже. Тот, кто перестал стоять на страже, оказывается побежден.

Москва очень хорошо всем воспользовалась. Новгород не умел договариваться. Вы это помните. Он с Псковом не сумел договориться, а ведь у Пскова была та же структура, что и в Новгороде.

Новгород не захочет спасти Русь от татар. Он сочтет, что это не его дело, он откупится, у него есть серебро. Татары никогда не дойдут до Новгорода. Есть чем откупиться. Татарам нужны деньги. Они покладистые. Давайте деньги - и дальше не пойдем. Новгород, который так великолепно расправляется с псами-рыцарями, с которыми, может быть, вовсе и не нужно было расправляться, а надо было заключить союз, будет платить отступное Орде. Хотя это и не будет выражаться в унижительных формах. Новгород будет далеко от этих унижений, но новгородские князья (эти демократически выбранные князья!), будут ездить в Орду, будут вносить деньги, будут заниматься народной дипломатией и интригами. Они смирятся с этим положением вещей и, когда Тверь призовет, Новгород не пойдет воевать. Не пойдет против Москвы, не пойдет против Орды. Новгород даст уничтожить Тверь. Даст уничтожить второй центр собирания Руси. Если бы Твери было суждено объединить Русь, если бы это была не Москва, судьба Руси была бы совершенно иная. Возможно, мы бы вылезли из нашей с вами ситуации. У нас был шанс прорваться. Мы не прорвались. Новгород не помог.

И когда Новгород останется наедине с Москвой, и столкновение станет неминуемым (Москва не могла долее его терпеть), тогда начнется самое страшное - социальная рознь. Охлос Новгорода сыграет свою роковую роль. Новгородцы, совершенно обезумев, начнут жаловаться на своих бояр в Москву.

Они начнут апеллировать к московским князьям. Уж очень они ненавидели этих самых богатых бояр. И вот из-за этого социального ложно понятого чувства, из-за неумения смириться с социальным неравенством, из-за неумения его полюбить, потому что социальное неравенство - это двигатель прогресса, все и произойдет.

Московский князь постепенно, по шагу, вонзит свои коготочки в Новгород. Он начнет играть роль посредника. Он начнет как бы вершить справедливый суд. Выяснять, кто здесь прав, а кто виноват. Начнет мирить новгородцев. Еще немножко, и возникнут голубые каски из московских гарнизонов. Такие посредники, как в карабахском конфликте. Давайте мы вас всех помирим, мы скажем вам, кто прав, кто виноват. Пошли только за посредником и считай, что ты пропал.

В этот момент московский князь сделает потрясающий шаг. Он присвоит звание бояр московских новгородским боярам. Это все равно что орден дать. Как Жаку Шираку дали за заслуги перед нашим Отечеством (Первой степени!), вот точно так же дадут звание новгородским боярам. Им будет это очень лестно, все-таки иноземный орден. Мало того, что они у себя бояре, они еще бояре на Москве. А знаете, чем это кончится? Это кончится тем, что их сопротивление будет сочтено государственной изменой, когда начнется война между Новгородом и Москвой.

Иван Третий был великим государственным деятелем. Это был автократор первого класса. Иван Третий уничтожит Новгород его же руками. Иван Третий употребит на милитаризацию Москвы все лишние средства. Он создаст роскошную армию. А новгородцы будут жалеть денег на военные расходы, поскольку социальные программы им покажутся более привлекательными. И когда они останутся наедине с милитаристской Москвой, выяснится, что давно уже московское войско, то есть эти их железные имперские легионы куда лучше, чем новгородское ополчение. Потому что новгородцы давно ни с кем не воевали. Они расслабились, на них никто не нападал. А Москва к тому моменту уже успеет покорить всех. Москва будет воевать целый век. Поэтому с Новгородом она справится достаточно легко.

И когда состоится битва при Шелони в 1470 году, все будет кончено. Ивану Четвертому нечего было делать в Новгороде. Все совершится руками Иоанна Третьего. Он уничтожит свободу. Совершенно необязательно после этого топить население. Надо просто закрыть Вече, увезти в Москву вечевого колокол. Первое, что Москва делала, это отовсюду увозила ненавистные ей вечевые колокола. Заметьте, и из Твери, и из Новгорода. Она просто коллекционировала эти колокола, потому что сама идея, что кто-то может говорить без ее разрешения, была ей ненавистна.

И достаточно было казнить всего-навсего нескольких человек: Дмитрия Борецкого, Василия Губу-Селезнева, Киприяна Арзубьева, Еремея Сухощека. Выбранных представителей: от бояр, от сенаторов - Дмитрий Борецкий и Василий Губа-Селезнев; от купцов - Еремей Сухощек; от дворян - Киприян Арзубьев. И достаточно. Достаточно вывезти в Москву в ссылку (Сибирь тогда была не наша, не могли в Сибирь сослать, приходилось в Москве держать всех ссыльных), лучшие боярские роды, обезглавить Новгород и сделать его таким же обыкновенным городом с холопами и с господами, да еще и под московской эгидой, то есть под московским управлением, как все города на Руси. Когда закрывается эта страница, когда захлопывается эта книга, можно уже сказать, что Русь приговорена. Но приговор еще не прозвучал, то есть судьбы уже отмерены, судьбы уже известны, - но кто может их прочитать?

А тут еще одно несчастье. Переселение на финно-угорские земли. Русь уходит на Север. Ей кажется, что она спасается от кочевников. Но на самом деле это добровольное изгнание, такое же, как во времена сарматов, как во времена печенегов, то, что случилось после Траяна, то, что случилось после союза с эллинами, как всегда, когда наступали эпохи упадка и затмения. Русь уходит на Север в финно-угорские края. Она теряет этот широкий оком, она теряет огромный Днепр, который течет в какие-то неведомые страны. Она теряет историческую перспективу. Она теряет то минимальное чувство общности с человечеством, с Ойкуменой, которое было у киевских князей. Она теряет широту и беспечность природы. Она теряет богатство, потому что не будет черноземов, не будет такого количества мехов.

И вместо богатых, щедрых и беспечных князей-витязей, сильных князей (даже в Чернигове, даже в каком-нибудь маленьком Ростове Великом!) она получит князей слабых. Они все попадут на север, где за темным лесом ничего не видно. Где реки крошечные, где области в силу географической структуры очень маленькие. Да вы и сами помните, что они еще все раздробились. Раздробились так, что остались одни молекулы. Бедный князь - зависимый князь.

Бедный князь не может быть гордым, он не может себе позволить никакой гордости, он не может себе позволить никакой независимости. Пока ему еще некому отдать свою независимость. Но когда появятся желающие, эта независимость упадет желающему в подол, как спелое яблоко.

Начинается эпоха первого Сталина на Руси - Андрея Боголюбского.

Мой Карфаген обязан быть разрушен

Лекция № 4. Страна рабов, страна господ

Рынок князей возник на тощей суздальской почве.

Но уже не тех широких витязей, потомков викингов, а других, почти забывших про скандинавскую традицию, у которых было мало богатств, была очень маленькая дружина. Рынок князей, которые готовы были прислониться к любому сильному плечу, пойти под любую сильную руку.

А когда есть товар, обязательно появляется купец. И купец появился. Юрий Долгорукий не только основал Москву. Юрий Долгорукий родил очень своеобразного князя Андрея Боголюбского, того, кто основал Владимир. 1111-1174 год. Как рано. XII век. Тем не менее, в XII веке впервые была сделана попытка править на Руси по вполне авторитарной формуле, через голову абсолютизма. Еще абсолютизма никакого не было. Была попытка авторитаризма, попытка с ходу свергнуть страну, которая еще не была, по сути дела, единой державой, в звездный час автократии.

Юрий Долгорукий был чистым носителем византийской традиции. Ему нравились кесари Византии, давно сошедшие во тьму. Может, он начитался византийских хроник, а может быть, это были природные способности. Но так как правил он, не правил никто. Он был внуком Мономаха. Того самого Владимира Мономаха, который сделал после Ярослава первую робкую попытку вестернизации Руси. Вестернизации авансом, потому что тогда, по сути дела, Русь от Польши и от Литвы не отличалась ничем. Отставания не было заметно ни по сравнению с Чехией, ни по сравнению с Францией. А с Британией сравнивать было невозможно, потому что в Британию никто из русских не ездил. У нас не было общих дел. По сравнению со Скандинавией тоже не было материального и культурного отставания. И по сравнению с Западной Европой, не считая Италии.

Испанию считать не будем. Восточная мавританская культура дала себя знать. Там очень много всего было намешано: традиции древней Иудеи, традиции Востока, больше знания, больше математики, больше изощренности и прихотливости культуры, больше цивилизации. Поэтому Испанию и Британию не считаем, а считаем то, что было на самом континенте. В этот момент мы не отставали. Все это было глухо, все это было в потенци. Тем гениальней Владимир Мономах, который понял, что надо догонять, пока мы не отстали. Может быть, он те традиции, о которых мы говорим, вычислил на месте. Может быть, он понял, что такое лестничное право. Он пытался ввести майорат. У него не получилось. Князья просто взбунтовались. Они не приняли этого уклада. Он

пытался даже встречаться с католическими священниками. Тоже не получилось. В этот момент Русь не была склонна к теологическим спорам. Никто не понимал, что такое есть в католицизме, чего нет в православии, почему, собственно, нужно веровать по этой формуле, а не по той.

Дело было не в вере. Христос один и для католицизма, и для православия. Дело было не в Христе. Дело было в формуле жизни.

Мономах не успел. А внуком его был Андрей Боголюбский. Он сделал одну ужасную вещь, до которой потом додумается Иосиф Виссарионович.

Он не просто правил авторитарно, он перестал советоваться с боярами. Он разрушил формулу социально-политического властвования, политического консенсуса на Руси. Считалось хорошим тоном советоваться с боярами. И боярам было приятно. И князь получал какую-то квалифицированную экспертизу, потому что бояре у него были с разных концов Руси. Один - тверской, второй - московский, третий там - владимирский, четвертый - киевский. Информация о регионах шла от этих бояр. Бояре не ходили за князем по пятам, они переходили на службу к удачливому князю. Была большая территориальная дифференциация. У отроков и у бояр, если князь был беден, если он был неудачником, если его область хирела, если там не было хороших ремесленников, от которых богатеет земля, если он не мог ничего добыть в походах на Византию, если он дань не мог собрать, т. е. если у него налоговая инспекция не работала, если бюджет у него был какой-то кособокий, всегда был выход: уходили к другому князю. Просто писали заявление об уходе, рассчитывались и отъезжали. Они были абсолютно свободны. Они выбирали себе князя. В это время Юрьев день был перманентным. Он существовал и для бояр, и для младшей дружины, для дворянского первичного ополчения - для отроков.

И с ними надо было советоваться. Это был такой первичный Сенат, Протосенат; конечно, с очень большим изъяном, опять без договора, опять на традиции, опять без законов. Но эта традиция могла быть оформлена законодательно. Но не судьба! Андрей Боголюбский перестал советоваться с боярами. Зачем ему было советоваться с людьми, которые были независимы от него материально? Зачем ему было советоваться с теми, кто не кланялся в ноги? Зачем ему было советоваться с теми, кто считал его первым среди равных? Зачем ему было советоваться с теми, кто высоко держал голову? Он перестал советоваться с боярами и окружил себя отроками. А бояр он стал казнить задолго до Иоанна Грозного. Он и сам погиб от руки Кучковича. Для начала он приказал казнить брата собственной жены, а все остальные родственники собрались и в малых масштабах повторили то, что в XVIII в. будет сделано с Павлом. Помните?

"Молчит неверный часовой, опущен молча мост подъемный, Врата отверсты в тьме ночной рукой предательства наемной".

То есть возник заговор, и Андрей Боголюбский, что было очень нетипично для князей Киевской Руси, погибает от рук собственных бояр. Террор, заговор, гибель князя - и начинает править Всеволод Большое Гнездо.

А с кем же советовался наш Андрей Боголюбский? А ни с кем он не советовался. Он окружил себя отроками, которые глядели ему в рот, которые не смели сказать слова, которым можно было приказать и, которые не то что равными себя не считали, но были знатными холопами, по сути дела. Эта была будущая сталинская гвардия. Иосиф Виссарионович тоже не мог вынести ленинских сподвижников, которые хотя были типичными дьяволами (ни совести там не было, ни сострадания, ни гуманности, ни экономических знаний, за исключением одного Сокольников), тем не менее, привыкли к подпольной вольнице, привыкли, что вождь - такой же революционер, беглый каторжник, как и они. Они привыкли быть на равных, они привыкли держать какие-то департаменты и управляться в них достаточно независимо. И вот он очень грамотно убрал все это, для того чтобы создать полный, железный, безнадежный тоталитаризм, тоталитаризм холопов, растертых в лагерную пыль. Это же пытается сделать Андрей Боголюбский. Формула одна и та же, что в середине XX века, что в середине XII-го: опираться на слабых, опираться на незнатных, опираться на не равных тебе, опираться на низших, только на низших, которые ничего не смеют, кроме как исполнять приказы. Эта попытка длилась недолго.

За это время Андрей Боголюбский кое-что все же успел. Он успел штурмом взять Киев и разорить его. До Андрея Боголюбского никто и не подумал бы это делать, никто бы не посмел. Рука бы ни у кого не поднялась.

Киев был любим на Руси. Киев был колыбелью славянской цивилизации. Киевский стол, даже когда он утратил свое экономическое значение, был чем-то заветным, вроде чаши Святого Грааля. Было престижно подняться на Киевский Стол. Даже в XV веке Новгород призовет к себе уже абсолютно никому не нужного киевского князя, находящегося под покровительством Литвы. Это много значило - звание киевского князя. Только он располагал Святой Софией, пока Новгород ее себе не выстроил. Там, в Киеве, было много традиций, много воспоминаний, там были мифы и сны. В конце концов, славянская мечта жила в Киеве. Пока Киев никто не смел тронуть, к нему стремились все сердца: и княжеские, и простые, и лестничное право еще сохраняло нам какое-то чувство общности. Ведь в коммунальной квартире, кроме безумного, предельного унижения, кроме духоты, спертости и тесноты, по идее, должны были еще существовать добрососедские отношения. Так вот, с Андрея Боголюбского Русь становится коммунальной квартирой без добрососедских отношений. А когда вы у коммунальной квартиры отнимаете добрососедские отношения, что такое тогда эта коммунальная квартира? Тогда коммунальная квартира становится лагерным бараком. Русь становится лагерным бараком (в смысле ее социальной структуры) с XIII века. Потому что Киев не просто взяли, чтобы кого-то оттуда

можно было выгнать и сесть самому. Это еще можно было понять, и это постоянно случалось. То Владимир - Святополка, то Ярослав - Ярополка, то Болислав - Ярослава... Выпихивали из Киева старшего брата и сами садились, чтобы хоть немножко посидеть на киевском столе.

Но самое-то упоительное в этой ситуации было то, что Андрею Боголюбскому не нужен был Киев. Он взял Киев, и он не оставил там камня на камне. Удивительно, как Святая София уцелела. Иконы ободрали, рукописи пожгли. Лавру чуть не разрушили, людей вязали и в рабство продавали, своих же славян. Татар никаких не было нужно. Это середина XII века. Татар еще нет на Руси, вернее, монголо-татар.

Мы скоро узнаем, почему некорректно говорить о татарах, почему татары не имеют никакого отношения к монголо-татарскому нашествию. Вот этот дефис и второе слово: татары, - идут от невежества историков. Все было наоборот.

После того, как он это проделал с Киевом, Андрей Боголюбский ушел обратно на Север: в Суздаль и во Владимир. Киев перестал быть стольным городом. Стольным городом был какое-то время Суздаль, но очень недолго; потом стольным городом становится Владимир. Киев был сожжен, как что-то лишнее, ненужное. В княжеском правлении Андрея Боголюбского нет традиции, нет лестничного права. Братьев он считал холопами, подданными.

Все человеческое уходит из лестничного права, когда начинается битва при Липице. Это 1216 год. Можете считать, что лестничного права больше нет. Девять тысяч пали в этот день из-за какого-то пустяка. Из-за того, что один брат пожелал отнять Владимирское княжение у другого. Ожесточение дошло до предела. Так бывает всегда. Тот, кто основывает свое царство на утопии, тот основывает его на песке. Тот, кто рассчитывает на человеческие отношения, в конце концов оказывается в тупике. Как правило, утопические царства, которые не от мира сего, по жестокости превосходят холодное правление, основанное на законе. Люди должны между собой держать дистанцию. Потому что силы отталкивания настолько велики, что после того как люди бросаются друг к другу в объятия и некоторое время тесно прижимаются друг к другу, между ними возникают такие силы взаимного отвращения, что они делаются врагами. Это произошло (и можно было предсказать, что это произойдет), в результате не договорного, традиционалистского лестничного права.

Пересол. Пересол, как вы понимаете, - на шею. Это недосол - на стол. Там, где есть холодные, договорные, законные отношения людей между собой, может возникнуть человеческое чувство. Но там, где нет договора, рано или поздно человеческие чувства закончатся дикими сценами, взаимным истреблением. Что на Руси и произошло.

Уже 1216 год. До нашествия оставалось не так уж много времени. До нашествия оставалось четверть века, но главное уже было сделано. Силы отталкивания были такие, что сам Ключевский пишет, что без монгольского нашествия князья разнесли бы Русь на клочки. Единого государства не возникло бы; силы отталкивания были такие, что по всей Вселенной это разносилось, по всей тогдашней Ойкумене. Один - к Польше, другой - к Литве, на Востоке не к кому было присоединиться. То есть полная аннигиляция цивилизации, полная аннигиляция государства. Дикая взаимная ненависть, которая возникла в результате братских отношений.

Три века братских отношений как государственной формулы - и вот вам результат. А ведь хотели как лучше. Ведь это было так красиво: правители-братья. Вот чем кончаются братские чувства! После этого было ясно заранее, к чему приведет социалистическая утопия о братстве и равенстве, но никто не учит историю, никто не смотрит на стадион. Никто не считает эти следы на дорожках, считать начинают, когда уже поздно. Хотя в XII веке мы уже делали попытку. Считайте, что лестничное право - это была первая попытка установить советскую власть, княжескую советскую власть, когда правил сам народ в лице князя, потому что действительно структура была во многом горизонтальная. Города, градские старцы, очень много самоуправления, дружина князя (двухпалатная), Протосенат, Протопарламент, очень слабая княжеская власть. Много возможностей для самоуправления, для самоорганизации.

В результате не возникло ничего, кроме хаоса и дикой взаимной ненависти.

В этот момент появляется еще одна очень интересная вещь: люди длинной воли. Что же за люди такие? Люди длинной воли - это были нонконформисты. Сначала это монахи, которые будут передвигаться дальше на Север и на Юг, чтобы основывать монастыри. Отнюдь не из-за благочестия! Просто им было тесно, им было душно. Они уходили на свободу. И поскольку вся формула жизни, единственный связующий состав, цемент - это было христианство, то, конечно, основывался маленький монастырь. Вокруг монастыря начинали пахать землю, ставить дома.

Потом это будут казаки. Люди длинной воли - это люди, которые не могли вынести государственного насилия, люди, которые искали большей свободы, но они ее искали не у себя на земле. Они не пытались изменить государственную формулу (как в XII веке, так и в XVIII-ом не попытаются). Они будут уходить от государства в сторону. Государство будет развиваться по формуле колючей проволоки, т. е. закручиваться в эту страшную спираль, а люди длинной воли будут уносить в степи и леса свое чувство свободы, свой анархизм, который мог бы разбавить вольностью железное насилие государства.

Они будут уносить свободу на рубежи и будут там основывать разные интересные вещи, вплоть до Запорожской Сечи. Если хотите, Запорожская Сечь

была проникнута польской формулой государства: предельной свободой, самоорганизацией снизу доверху. В Запорожской Сечи было очень много шляхетской вольности. Поэтому и Украина впитала в себя такое свободомыслие. Уже к XIII веку Украина, как таковая, возникает, но не как государство и даже не как некая территория, а как край, в который можно уйти и в котором можно быть свободным.

Потом такие края возникнут в Сибири, на Волге. Разин пойдет на Волгу, Емельян Пугачев будет околачиваться где-то под Оренбургом. Возникнет воля, не ограниченная законами, и эта воля будет сталкиваться с государством и расширяться всмятку. Или уничтожить государство. Бесплодное столкновение. От этого не будет меняться страна. Она будет только больше костенеть в своей нержавеющей стали. От этого не будет меняться воля. Она не будет приобретать государственных навыков. Воля будет уноситься, как перекасти-поле, как торнадо, как ураган куда-то на рубежи. Эти ураганы, которые станут проходить над Русью, не будут ее оплодотворять свободой. То есть это будет чистый сквозняк. И из этих столкновений, из этих туч и молний никогда не выпадет никакой дождь. Люди длинной воли были внутренними эмигрантами, до того как стать ими вне страны. Они уносили себя, они не пытались ничего основать.

Гражданин - это шелковичный червь, который из себя вырабатывает шелковую ниточку гражданской вольности, гражданской структуры. И он создает вокруг себя определенную среду. Человек длинной воли - совершенно не гражданин, ему проще уйти. Брякнуть на стол ключи и, не попрощавшись, уйти куда-нибудь в ушкуйники, в разбойники, в запорожцы, в бандиты. Лучшее всех сказал об этом Эдуард Багрицкий, в котором очень сильна была традиция Дикого поля. Это русский поэт, который лучше всех понял, что это была за традиция. У него есть, кроме знаменитой поэмы "Песня про Опанаса", еще пьеса про Опанаса, которая развивает эту тему. Это и есть та самая традиция Дикого поля, носителями которой были люди длинной воли. "Не прощайся! За туманом сгнуло

былое,

Только птичий визг тачанок, только поле злое,
Только запевают сабли, только мчатся, кони,
Только плещется над миром черный рой вороний.
И тачанки наши стонут, и рокочат бубны,
И повстанцев нагоняет дикий голос трубный.
И с бичом, летящим косо в синеву и пламя,
Я несусь простоволосой, и взрываются колеса где-то под ногами.
Эй, весна! Гремят копыта! Ветер, ветер, ветер!
Все пропето, все пропито, никого на свете".

Все махновцы и сам Нестор Иванович были типичными людьми длинной воли. Никто из исследователей не может понять, что это такое было. Откуда взялись эти зеленые, которые жили в зеленом лесу? Кто они, в конце концов? Какие-то последователи Робин Гуда, партизаны? Кто они такие были? А это были люди

длинной воли. Слишком долго они были стиснуты рамками Империи. Империя распалась. Обруч треснул, и люди длинной воли вырвались на свободу. И все эти люди, безусловно, пошли не к белым и не к красным. Они пошли к зеленым. Вся махновская армия - это люди длинной воли. Все они ушли туда. И то, что происходило во время гражданской войны, - это неслыханная коллизия столкновения традиций в диком виде. Пять традиций Руси схлестнулись в смертельном бою. Это была типичная шизофрения: обратное расщепление Руси на пять традиций. Каждая традиция взялась за оружие, и все традиции стали оспаривать друг у друга формулу создания будущего государства или право вообще никакого государства не создавать.

Анархисты были теоретиками людей длинной воли. Наши анархисты, а не западные. Именно наши анархисты, те, которых Махно за собой возил в штабе, были интеллектуальным обеспечением, были политическими представителями людей длинной воли.

В XII же веке люди длинной воли не знали, кто они такие. Их называли скромно: разбойники. Людьюми длинной воли их потом назовет Лев Гумилев. Это его термин. Они уходили на рубежи, ничего на Руси не оставалось; и вот случилось самое страшное: набег. Массированный набег, не просто какая-то там волна: седьмой вал, восьмой или даже девятый, - но цунами. Цунами набега докатилось до Руси. Лев Гумилев довольно спокойно смотрит на эти вещи. Он даже высчитал, что волны кочевников возникают чуть ли не каждые несколько столетий, потому что в степях кончаются корма. Он писал, что это неизбежно. Такова историческая закономерность. Но эта историческая закономерность создает на Руси ордынскую традицию. Эта историческая закономерность ломает Руси позвоночник. Нас прикончила эта историческая закономерность. Очень советую вам прочитать всего Льва Гумилева, потому что это единственный историк, который считал столкновение Руси с Ордой благотворным. Задним числом он предлагал Руси воспользоваться этим столкновением для того, чтобы возвыситься, стать мощной и победить Литву.

Только самое занятное из того, что произошло, - это тот факт, что сам Лев Гумилев попал на 25 лет в лагерь именно потому, что случилось монгольское нашествие. Ему-то от этого точно никакой пользы не было. Чистая ситуация! Он пишет, что у кочевников была сила, было чувство чести, что надо было с ними объединиться. Ну да мы с ними и объединились (идеальный вариант!), это и произошло. Никто на них первым не нападал. Русь не нападала на кочевников. Всегда бывало наоборот. Князья в шатер Батыя поначалу пришли с дарами, для того чтобы установить дипломатические отношения (верительные грамоты вручить), и зачем при этом надо было убивать Федора Рязанского? Об этом надо спросить Льва Гумилева, хотя он на этот вопрос уже не ответит. Нельзя объединиться с мощью, которая превосходит твою мощь, которой ты не нужен, и которая хочет только тебя подавить. Здесь не может быть ни партнерства, ни

сотрудничества. Надо просто знать историю монголов, чтобы понять, что, собственно, на Русь пришло.

Это были не типичные кочевники. Они не были похожи даже на скифов, на сарматов, на знаменитых печенегов, на хазар. Это было нечто другое. Те были представителями Дикого поля. Они набегали, хватали что-то и уходили обратно. Им нужна была дорога. Они были этакими конными цыганами, только без медведя и без гаданья. Им нужна была воля - и набег. Они приходили ненадолго, они непременно уходили назад. Они не хотели никого давить, в крайнем случае, могли в рабство продать, ограбить.

Ну, а монголы имели формулу империи, своей собственной империи. Очень советую вам изучить фундаментальное руководство Исаия Калашникова "Жестокий век". По сравнению с Яном и его трилогией ("Чингисхан", "Батый", "К последнему морю"), которую нам скормили в детстве, это, действительно, научный труд. А Ян - это лубок, это комикс, это веселые картинки. Он ничего не объясняет, а вот Исай Калашников объясняет очень многое. В частности, тот, кто читал Исаия Калашникова, никогда не обвинит татар, что они-де пришли на Русь и нас завоевали. Из "Жестокоего века" становится ясно, что ни те татары, которые жили в Крыму, ни те, которые жили на Волге в Казани, ни сном, ни духом никакого отношения к этому нашествию не имели, и первыми стали его жертвами. Монголы при захвате степи по очереди уничтожали этносы, которые им противились, а поскольку татары, которые жили в степях (не те, которые жили у нас на Волге и вообще здесь были ни при чем), сопротивлялись особенно ожесточенно. Чингисхан отдал приказ уничтожить их всех, кроме детей, которые головой не достигали до ступицы колеса. То есть двухлетнего ребенка уже полагалось уничтожить. Они оставили, по сути дела, только младенцев. Уничтожили все племя.

Поэтому татары были одной из самых несчастных жертв монгольской экспансии.

Монголы пришли не только на Русь. Монголы захватили Китай. А эта была очень древняя цивилизация, слабая, полностью лишенная духа свободы, но роскошная и утонченная. Они захватывали всех: и найманов, и татар, и тайчиутов. Все, кто жил в степях, были подавлены до того, как они пришли к нам. Потом был Хорезм, теперешняя Средняя Азия. Тоже раздавили. Зачем они все это делали, какой был в этом смысл? Они ведь не уходили, захватывая земли. Они ставили своих наместников. Они заставляли выплачивать постоянную дань, налог, у них тоже была налоговая полиция. Они получали людей для войска. Они создавали систему местной власти. Они ставили своих людей всюду. И единственно, кого они не трогали, это служителей местных богов. Причем они очень грамотно объясняли, почему они не трогают служителей богов. Они говорили, что трусы утешаются общением с богами. Надо оставить трусам возможность плакать и скулить. Поэтому мы не будем

трогать их богов. А если мы их тронем, то, чего доброго, они останутся без утешения, возьмут мечи и начнут нас истреблять. Они не понимали, для чего нужны слуги богов и боги. И они невысоко ставили тех, кого побеждали.

Они считали, что настоящий воин должен пасть в бою. В этом смысле, если хотите, они исповедовали скандинавские ценности. Но скандинавы никого не обращали в рабство. Им была противна сама идея рабства. Ведь скандинавов в рабство никогда не продавали. На невольничьих рынках Востока продавали многих, но никогда не продавали будущих норвежцев, будущих шведов, будущих датчан. Там такого не было. Они живыми не сдавались в плен.

Монголов, в принципе, тоже не продавали. Чингисхан создал этнос, который стал этносом победителей, рабовладельцев. Потом уже Золотая Орда познает роскошь, потом уже начнет действовать чужими руками, в основном нашими руками, руками Руси. Это потом уже они станут слабыми. Это будет в XIV-XV-XVI вв. Но в XIII веке они были очень сильны. Они были как стрела, выпущенная из лука, но эта стрела летела мимо свободы. Зачем они это делали, понять трудно, потому что им нечего было предложить миру. Цивилизация, которую они успели узнать, была взята взаймы у китайцев, в Хорезме. Сами они ничего не имели, кроме сабель, коней и древней "Яссы" Чингисхана. Эта "Ясса" - свод законов, он очень отличается от "Салической Правды" и от "Правды Ярославичей". Это воинский устав. Идеальный воинский устав. Как должен вести себя воин? Там есть нормативы. Это такой древний кодекс бусидо, только не для самураев, а для монголов. Чтобы понять, зачем они это все делали, нужно послушать хотя бы одну их песню.

"Вспомни, вспомни степи монгольские, голубой Керулен, золотой Онон, Трижды тридцать монгольским войском втоптанно в пыль непокорных племен. Мы бросим народам грозу и пламя, несущие смерть Чингисхана сыны, Пески сорока пустынь за нами кровью убитых обагрены. Рубите, рубите молодых и старых! Взвился над Вселенной монгольский аркан, Повелел, повелел так в искрах пожара чернородый бич неба - батыр Чингисхан.

Вперед, вперед, крепконогие кони, вашу тень обгоняет народов страх, Мы не сдержим, не сдержим быстрой погони, пока распаленных коней не омоем В последних Последнего Моря волнах".

Вот она, ордынская традиция, вот она, формула и Российской Империи, и Советского Союза. Зачем? Нет ответа на этот вопрос. Зачем? А вот ради удовольствия. Зачем должен взвиться над Вселенной чей-то аркан? А в этом кайф. Зачем нужно мыть сапоги в Индийском океане? Затем же, зачем они хотели омыть распаленных коней в последних Последнего Моря волнах. Захватить всю Вселенную! Желание желудка. Пустого желудка, жаждущего что-то переварить, даже без всякой пользы. Никакой пользы не было ни Российской империи, ни Советскому Союзу, ни монголам. Не было никакой

пользы от этих завоеваний. Монголы вели аскетический образ жизни. "Ясса" Чингисхана запрещала роскошь. Они не копили тогда золото. На коне много не увезешь. Иначе это будет не боевой конь. Зачем? А вот затем: втоптать в пыль. Как объясняет это представитель Внутренней партии О'Брайен в "84-ом" Оруэлла. Зачем нужно было создавать такую форму Океании? Зачем должен сапог наступить на лицо человечества? У сапога нет идеологии. Сапог чувствует удовольствие от того, что наступают на лицо человечества. Самая страшная в мире традиция - это ордынская традиция. Традиция совершенно бесполезного, бесплатного, платонического угнетения, платонического подавления, платонического захвата. Захват ради захвата. Это страшно, поэтому непонятно. Даже гитлеровцы лучше объясняли свои действия. "У немцев, мол, не хватает жизненного пространства, у нас пшеница не растет, мы хотим спасти судетских немцев-фольсдойчей, мы хотим новые богатые земли раздать своим штурмовикам. Лучше хотим сделать собственному немецкому народу. Пусть другие народы сгинут и пропадут, но свой народ мы обустроим. Мы - избранная раса. Мы лучше всех, и наши порядки мы установим на всех континентах".

Здесь этого нет. Ордынская традиция абсолютно бескорыстна: ни себе, ни людям. Уничтожим все во имя уничтожения. Захватим всех во имя несвободы. Несвобода становится целью. Этой традиции суждено было с нами столкнуться в самый неблагоприятный для нас момент.

Когда происходит это столкновение, поначалу есть Сопротивление. Остатки скандинавской традиции. Они где-то слабо барахтаются. Но, заметьте, к этому моменту из славянской традиции уже возникла великорусская традиция. Готовность пойти под сильную руку, скардность ума, отсутствие кругозора - все это великорусская традиция. И эта традиция была благодатной почвой. Сопротивление долго не длилось, хотя сопротивляться можно было и дальше, ситуация абсолютно не была безнадежной. Это был не 1941 год. Никакие танковые армии на Русь не шли. Она не столкнулась с превосходящей ее цивилизацией. Она столкнулась с очень мощным, но всего-навсего очередным набегом. Были леса, была возможность не подчиниться, была возможность совершать вылазки, т. е. ничего фатального не происходило. Объединив силы всех городов, можно было сопротивляться, можно было заставить их остановиться. Они не обязательно встали бы на западных границах Руси. Они могли остановиться на ее восточных границах.

Они ведь остановились, когда дошли до поляков. Они там тоже попробовали пройти, еще как попробовали. По сути дела, проникновение монголов в Польшу было очень массированным, вплоть до бифштекса по-татарски. Опять по-татарски! Несчастливые татары, без вины виноватые... Но тем не менее, поляки узнали это блюдо. И оно стало достаточно частым гостем на столе. Сколько городов они пытались взять? И в конце концов поляки сами нанимали татар. У них были специальные военные подразделения, многие монголы потом принимают католическую веру и становятся шляхтичами. То есть это явление

было повсеместным. Они проникают в Польшу, но они проникают как наемники, а не как хозяева. Что произошло? Почему они взяли Русь, почему они не взяли Польшу? Ведь разница в уровне цивилизованности тогда не бросалась в глаза. Польша не была сильнее. Она была точно так же раздроблена, даже больше была раздроблена. Степень самоорганизации была меньше, потому что была культура свободы. Тем не менее, Польша не подчинилась. Не подчинилась - и все. А Русь подчинилась. Никогда не верьте тем, кто говорит, что не было сил противиться. Всегда есть силы противиться.

Есть пример Нуманции. Когда Сципион завоевывал для Рима Испанию, ему встретился один городок. Испания так и не была никогда до конца завоевана, хотя она считалась римской провинцией, но это не была та глухая провинция у моря, где уютно жить. Бродский имел в виду другую провинцию; там же, в Испании, просто так старшего Плиния на скамейке было оставить нельзя. Там все время нужно было защищаться от этих будущих испанцев, которые тогда не назывались испанцами.

Городок Нуманция. Казалось, совершенно невозможно было сопротивляться. Римляне со всех сторон. Шесть месяцев осады, кончилось продовольствие, кончилась вода, римляне завтра войдут в город. Они уже все стены подкопали, разрушили своими великолепными машинами. Все завтра свершится. И что делают жители в эту последнюю ночь? В эту последнюю ночь они складывают костер, кидают туда все сокровища города до последнего золотого браслета. Все сгорает. Дальше они закалывают своих жен и детей и убивают друг друга. Остается в живых один мальчик. Его специально оставили в живых, чтобы утром, взойдя на полуразрушенные крепостные стены, он рассказал Сципиону, что в городе произошло. Сципион был культурным человеком, благовоспитанным. Он начинает ломать руки, рвать на себе волосы, ему уже и город этот не нужен. Мальчика умоляет остаться в живых, говорит, что его усыновит, будет воспитывать, как собственного сына. Мальчик на его глазах бросается с крепостных стен, убивается насмерть. Есть, оказывается, и такой вариант. Этот вариант потом будет применен иудеями в Массаче, во время Иудейской войны, которую вели римляне. Там такая же история, только они пять лет сопротивлялись (там были большие запасы воды). А когда римляне построили вровень с этой скалой стены, чтобы взять город, тогда они все друг друга перебили, и римлянам никто не достался. Нет оправдания тем, кто захотел жить в рабстве. Оправдания нет для тех, кто не готов умереть за Отечество.

И тем не менее это произошло. Это произошло, и самое ужасное - это то, что, похоже, некоторые князья даже обрадовались тому, что это произошло. У них появилась возможность подавить других князей с помощью этих новоявленных союзников. Начинается самое постыдное. Начинается охота за ярлыком на Великое Княжение. Начинается всеобщая сервильзация Руси. Князья Руси становятся холопами. С нами два века никто не будет разговаривать как со свободными людьми. С 1238 года по 1480-ый мы будем считаться холопами

монголов, несвободным народом, да еще народом, который гордится своим рабством. Господин Великий Новгород будет откупаться данью. Знаменитый Александр Невский не попытается пойти на монголов и разбить их. Он будет платить камским серебром дань. И единственный, кто восстанет, будет Тверь. Но еще до того, как это произошло, до того как это свершилось, были некоторые примеры, которые говорят, что носители скандинавской традиции сопротивлялись, и так сопротивляться мог бы каждый.

Сергей Марков написал нам маленькую поэму "Слово об Евпатии Коловрате". То, что происходило в этот момент на Руси, лучше всего понято Сергеем Марковым. Он будет нашим Вергилием, так же, как Алексей Константинович Толстой.

Такая вот ариаднина нить... Евпатий Коловрат - это ведь чистая скандинавско-славянская традиция.

* * *

После того, как Коловрата (так считается в летописях), победили с помощью волшебства, с помощью какой-то техники некоего хазара, потому что ратным искусством победить его было невозможно, в ханском шатре происходит следующее:

Шумит у ханского шатра позорный праздник вероломства,
Волшба, прелестная игра, сестра насилия, похвальба
Сошлись у жаркого костра, где пляшут похоть и алчба
К стыду и ужасу потомства.
Там льнет блудница к палачу. Руками, скользкими от жира,
Он делит слитки и парчу купца из дальнего Каира.
И, растолкав бесовский круг, пройдя сквозь белый дым огнища,
Хазар вползает, как паук, под своды ханского жилища.
И хан сказал: "Побудь со мной. Ты, верно, ждешь моей награды?
Я все могу. Я бог земной. Но нет в могуществе отрады.
И сердце - как пустой сосуд, вся жизнь моя - вино без пены,
А судьбы наши стерегут драконы злобы и измены.
Велик не я, а Коловрат. О страшной зависти проклятье!
Хазар, ты ждал моих наград? Возьми палаческое платье!"

Почему он так убивается? Дело в том, что волшебство - это были те знаменитые снаряды, которые употребляла Византия против наших княжеских ладей, то есть глиняные сосуды или глиняные шары, наполненные горячей смолой, греческий огонь, который сжигал, который разрывался. Такая первобытная артиллерия. Естественно, в Древнем мире считалось престижным побеждать в рукопашном бою. Батый в XIII в. убивается оттого, что победил Коловрата не в честном бою, не в поединке. Пришлось к артиллерии прибегать.

Впоследствии Советский Союз убиваться не будет из-за того, что победил Венгрию и Чехословакию незаконными способами. Честь, что была у тех, кто читал "Яссу" Чингисхана, из ордынской традиции быстренько выветрится. "И в горести Батый умолк, но вновь позвал к себе гордыню, И встал, и ринулся как волк, чтоб земли обращать в пустыню. Он мнил: вокруг снега горят, и лед плывет кипящей лавой. В стране родимой Коловрат сиял неугасимой славой. То сполох был, его лучи неисчислимой чередой Как русской доблести мечи, прошли над темною Ордою".

И когда князья уже начали делить ярлыки и получать некий мандат на княжение, только не в ВЧК, а у монгольского царя в шатре, за этот ярлык надо было хорошо заплатить. Такой своеобразный рынок ярлыков: кто больше даст, кто больше унижется, кто ниже согнется, кто понравится ханским женам, - тот и получит ярлык. Поэтому великими князьями на Руси в этот момент становятся самые подлые; идет отрицательный естественный отбор. Самые подлые, самые хитрые, самые корыстные получают ярлыки. Князья - носители скандинавской традиции не имеют никаких шансов получить их.

Вот именно в этот момент Михаил Черниговский и решает дать урок, показать, как надо себя вести. Он специально является в Орду и делает там следующую вещь. Это 1248 год. (Все еще только начиналось). Он заявляет хану, что явился не за ярлыком, а чтобы сказать все, что он о нем думает.

И он ему говорит (причем на глазах приспешников, на глазах у всей Орды, на глазах у других русских князей, которые уже стоят там униженные), что ему не нужен никакой ярлык, что он плевать хотел на него, и на Орду, и на самого хана, что он держит свое княжение от предков, что он специально сюда приехал, чтобы сказать хану, что он унижаться перед ним не будет, и что, если тот явится в его княжество, то получит такой отпор, что добавки просить больше не будет. И он плюет ему под ноги в прямом смысле слова. То есть приехал, чтобы плюнуть, - и плюет. Понятно, чем это кончилось. Это кончилось мучительной казнью. Но это был пример! Если бы все великие князья последовали этому примеру, то никакого ига не было бы. Никто не искал бы эти ярлыки.

В конце концов начинается процесс экономический и совершенно необъяснимый. Русь обогащает Орду. Орда делается могущественной именно благодаря русским мехам, русским деньгам, камскому серебру: ведь каждый старается дать побольше, чтобы купить себе ярлык. Откуда взялись богатства у ордынцев? Ну, конечно, Китай. Но на Руси они удвоились! Враг делается все сильнее. Стоило два века умножать его богатства и его силу, чтобы потом бить его же на Куликовом поле. Это была совершенно дикая, безумная, порочная практика. В этом не было не то что доблести, в этом даже логики не было. Если бы все те средства, которые были употреблены на подкуп царских жен, пошли

бы на Соппротивление, не было бы никакого ига. Но Михаил Черниговский был причислен к лику святых, а князья продолжали биться за ярлыки.

Новгород был сам по себе. Новгород сиял на севере, как Полярная звезда. Очень высокомерный, очень свободный город. Он считал, что всегда откупится. Дела Руси его не касались, он и вид делал постороннего. Новгородцы даже не давали себе труд искать великокняжеских ярлыков. Они ни во что не ставили Русь и княжение над ней. Это был Рим, который пренебрегал экспансией. И как выяснится потом, зря пренебрегал.

В этот момент возникли некие Весы. Почти созвездие Весов, и мы входим в его расположение. Кто будет собирать Русь, кто станет великим князем? Кто даст свое имя будущему государству? И чаши весов уравнились между Тверью и Москвой. Возникают два центра тяжести. Тверь была в этот момент гораздо богаче Москвы. Тверь была древнее. Вы не поверите, на что тогда была похожа Тверь. Этот маленький городок, где-то там на северо-западе. Маленький, районный, заштатный, который сейчас меньше Нижнего Новгорода раз в десять. Да он сейчас меньше и Новгорода Великого. А тогда это был город, равный торговым городам Италии. Это была наша Генуя. Это был город сплошного капитализма, раннего протокапитализма. Город купцов и ремесленников.

И этот город имел все права (по лествичному праву) на Великий стол. Князья Тверские принадлежали к старшей ветви, т. е. сила традиции была на их стороне. К тому же в Твери были очень интересные князья, как на подбор. Идет целая генерация князей, наследников скандинавской традиции, типичных викингов. Храбрых, добрых, благородных. Без инстинкта самосохранения. Абсолютно лишенных инстинкта самосохранения. С великой государственной мыслью победить монголов. Сделать Русь свободной. Всюду ввести законы, такие, как в Твери. В Твери ремесленники не облагались налогом первые несколько лет, в Твери защищали купечество, в Твери поощряли предпринимательство.

В Твери создавали Вече. Оно не было там органично. Это был не Новгород все-таки. Но сам князь старался создать городское самоуправление сверху. Представителей от купцов, представителей от горожан он призывал раз в неделю и вместе с дружиной их выслушивал. Он пытался создать Палату Общин.

Михаил Тверской был исключительной личностью. Он был реформатором, природным реформатором. И, кстати, он чему-то учился. Он прочел много книг, он владел латынью. Это был исключительный случай на Руси. Князь, владеющий латынью! Не новгородский князь, который был близок к центрам "латинства": к Литве, к Польше. Это XIV век. В XIV веке - князь, владеющий латынью!

Михаил Тверской был военным реформатором. Он провел военную реформу, и никакие рекруты не понадобились больше. Он создал регулярную пехоту. Первым на Руси он создал пехоту, ту самую пехоту лучников, которые помогли англичанам бить французов весь первый этап Столетней войны. Пешцы. Пехота тогда была в полном пренебрежении. Считалась только конница: дворянская, княжеская конница. Дружинники. Что такое были пешцы? Пешцы, смерды какие-то, крестьяне, что они могли? Разве могли они воевать? И вот из этих пешцев он готовит пехоту типа римской или типа македонской, фалангу. Он учит их владеть копьем, он учит их владеть луками, он учит их владеть мечом. Он же римскую историю знал. Он знал, что такое будет пехота для неподготовленного противника. Он создал пехоту.

Михаил Тверской задолго, за век, даже за полтора века до Куликова поля начинает бить монголов. И ни разу в открытом бою монголы против него не могли выстоять. Он их просто бил. И самое обидное - это то, что он их бил с помощью пехоты, с помощью пешцев. Монголы этого вообще вынести не могли.

У него были великолепные сыновья. У него много денег, купцы несут эти деньги на оборону Руси. И Михаил Тверской пытается объединить Русь не для того, чтобы быть первым, а для того, чтобы выгнать монголов. Он начитает делать первые листовки и рассылать их по всей Руси с призывом объединиться против общего врага. Он шлет гонцов в Новгород. Новгород отказывает ему. Не дает даже закамского серебра. Новгород не понимает, зачем ему это нужно - освободить Русь.

Что же в это время делает Москва, которой было суждено дать свое имя новому государству? Это было большое несчастье для Руси. Самое худшее, что могло с ней в этот момент случиться, - это победа Москвы. И это произошло. В Москве все было очень плохо. Москва была носителем чистой ордынской традиции. Первый князь московский был приличным человеком, но ничем себя не прославил. Михаил Хоробрит. 1248 год. Ну сидел - и сидел. Москву создает князь Даниил, его сын. Князь Даниил был не просто приличным человеком, он был хорошим князем. Из крошечного городка, который занимал одну треть теперешней территории Кремля, он создал большой город. Как? Так же в общем-то как Михаил Тверской. Та же формула. Князь привлекает купечество, привлекает ремесленников. Дает льготы, дает возможность богатеть, дает защиту. Он не создает самоуправления. Этим он, собственно, и отличается от Михаила Тверского. Он не пытается вводить какие-то западные новшества, но он мягко правит. Традиционно правит. Так, как правили русские князья. Он ничего лишнего не берет. И защищает. Он делает Москву вполне приличным богатым городом, но, конечно, с Тверью Москва в этот момент состязаться не может. Даже колокол (необыкновенный колокол!) есть только у Твери. Искусством лить колокола в Москве никогда не владели. Поэтому и Царь-Колокол раскололся.

В Новгороде были замечательные колокола, не считая Вечевого. А тверские колокола славились, их покупали, даже из Литвы за этими колоколами приезжали.

Все на стороне Твери, кроме политики.

Слово "политика" тогда на Руси было никому не известно. Понятия, введенные Макиавелли, т. е. политическая интрига, искусство разделять и властвовать (*divide et impera*). И Сатана, а не Бог, конечно, послал Москве двух первоклассных политиков, первых политиков на Руси. Первые политики на Руси были законченными негодями. И, тем не менее, гениями в политической сфере, нашими Макиавелли. Это сыновья Даниила: Юрий Данилович и Иван Данилович - будущий Иван Калита. Эти два политика начинают буквально с нуля создавать могущество Москвы. Экономическое могущество есть. Нет политического могущества. Что они делают, эта сладкая парочка? Юрий был поглупее. Он предпочитал употреблять насилие, не старался прятать нити и узелки. Он делал все слишком явно, напоказ. Иван Калита вообще был гением. У него нигде ничего не торчало. Он старался все делать так, чтобы никто не знал, что он делает. Он создает политическую школу. Ему вообще-то политологию надо бы преподавать. Но поскольку, кроме московских князей вообще никто не знал, что такое политология, они, не имея права на Великий стол, его получают. Они получают всю Русь. Исключительно из-за искусства политики. Они начинают ссорить князей. Они это делают очень грамотно и целенаправленно. К Можайскому князю посылают и говорят, что вот мы о тебе печемся, ты такой хороший человек, но если бы ты знал, что замышляет против тебя рязанский князь! К Рязанскому князю посылают и говорят, что вот мы-то тебе сочувствуем и понимаем, что ты хороший человек, а Можайский князь - такой гад, и мы, как порядочные люди, не можем тебя не предупредить. И вы знаете, все покупаются на это. Телевидения нет, радио нет, газет нет, Минкин ничего не напишет. Что делать? Вот приехал к тебе нарочный, как не поверить? Лестно, сам Московский князь о тебе печется. Москва все-таки побогаче была Рязани, побогаче Можайска.

Князья все перессорились; они и до этого были в ссоре, но теперь они просто становятся врагами друг друга. Князья идут друг на друга, и Москва становится неким прибежищем, и даже не прибежищем, а плацдармом голубых касок.

Москва начинает всех мирить. Не бесплатно. И она же в конце концов оказывается самой мудрой и самой правой. У одних берет деньги - и у других берет деньги. За примирение. Ратников тихо дает и тому, и другому. И в конце концов она же назначает победителя, она же ослабляет соседей.

С Тверью только ничего не получилось. Михаил Тверской был слишком могущественным, чтобы кто-то к нему пытался подъехать с этим.

И самое ужасное, что делает Москва - это то, что она покупает Орду. Этот замечательный большой мешок Калиты - откуда он взялся? Об этом не пишет советская история. Об этом написано у Карамзина, об этом написано у Щапова, об этом написано у Соловьева. Большой мешок получается от того, что московские князья становятся законченными коллаборационистами. Полицаями. Москва в течение двух веков, до Куликова поля, играет роль полицаев Орды. Таких после Великой Отечественной войны вешали за сотрудничество с врагом. Во Франции очень много коллаборационистов казнили, Лавалля, например; хозяев заводов Рено прямо на воротах повесили. Вот этим и занимается Москва. Она берет лицензию на сбор налогов. На сбор дани. И выколачивает она эту дань из собственных соплеменников, из русских, из славян. И когда не платят, она с этим мандатом от Орды просто берет силой, т. е. убивает и порабощает своих, для того чтобы получить деньги для Орды. И выколачивает больше денег, чем нужно для Орды. Половину кладет себе в карман. Копится богатство, несправедливое богатство, грязные деньги. Этих грязных денег становится очень много, а деньги не пахнут. Орде нужны деньги. В Орде начинаются распри. В XIV веке возникают какие-то протопартии. Один хан, второй хан. Один наследник, второй наследник. Нужно серебро, золото. Можно все это получить от Москвы, но не даром. Москва дает деньги и требует абсолютной власти над другими городами. Она требует карт-бланш. Чтобы ей позволили делать все, что она захочет. А хочет она абсолютной власти. Москва начинает преследовать диссидентов. Можно считать, что Иван Калита и Юрий Данилович учреждают КГБ или гестапо от имени монгольских завоевателей.

В Рязани издают книгу "О разорении Рязани Батыем". Самиздат. Первый Самиздат появляется в XIV веке в Рязани. Ее переписывают, книгопечатание тогда хотя и существовало уже, но на Руси оно не применялось. Переписывают много раз. Читают, как-то утешаются. Про этот Самиздат узнает московский князь. Немедленно Юрий Данилович и Иван Данилович посылают донос в Орду. Вот смотрите, как оскорбляют замечательных ордынцев, что о них пишут! Пишут, что они оккупанты, что они церкви ободрали и жителей в рабство угнали. Естественно, в Орде все в ярости. Спрашивают у московских князей: "А что же нам теперь делать?" И московский князь учит их, что им делать. И во второй раз уже Москва берет Рязань. Берет русскую Рязань, которая почти сопротивляться не может! И рязанский князь будет отвезен в наручниках и кандалах в Орду и будет казнен из-за московских князей. То есть они занимаются конфискацией Самиздата, совсем как кагэбэшники. Вот до чего они дошли. Хотя казалось бы, что Орде до книг, которые они прочитать все равно не могут! Если бы не этот донос, они бы и не узнали, что делается в Рязани и что там пишут. Для монголов письменность была каким-то волшебством. Они поверить не могли, что то, что запишешь, может соответствовать тому, что ты скажешь. Они даже опыты проводили с китайскими мастерами слова. Одного за дверь выгоняли, второму велели записывать, а потом первый читал. Вот так они проверяли, есть ли

письменность, или им лапшу на уши вешают. Москва делает свое страшное дело. И вот наступает день прямого столкновения.

Когда терпеть дальше просто невозможно, когда Москва становится ненавистной всем на Руси, когда она становится просто подлой, тогда сыновья Юрия Даниловича уходят в Тверь, уходят к Михаилу Тверскому. Это был единственный случай в истории Руси. Тогда старших почитали. Тогда отца очень уважали. И вот уйти от своего отца к чужому отцу, к врагу своего отца!

Это было после попытки осадить Тверь вместе с монголами. Это делалось по инициативе Ивана Даниловича: первая попытка взять Тверь штурмом. Ничего не удалось. Монголы постояли, пограбили. Пехота у Михаила была хороша. И все пошли обратно. И трое сыновей Юрия Даниловича уходят в Тверь, уходят к Михаилу, становятся его соратниками. Они больше не могут жить в этом подлом городе. А подлый город продолжает делать свое подлое дело и доведет его до конца.

Мой Карфаген обязан быть разрушен

Лекция № 5. Государства жесткая порфира

Москва прирастала числом, а не уменьем, если, конечно, не считать уменьем интриги, коварство и примитивное разбухание: не вглубь, а вширь.

А теперь переведите все это в масштаб очень большой страны, помножьте на 150 миллионов, и вы получите необходимое отставание от Западной Европы.

Ивана Калиту принято считать собирателем Руси. На самом деле здесь напрашивается несколько иная терминология. Я бы его назвала подбирателем Руси. Он очень хорошо подобрал Русь, то, что успел, все кусочки - под себя. Я знаю, что в этот момент летописцы работали достаточно регулярно, а не фрагментарно, и они пишут, что там даже не было еще государственной идеи. Скажем, так. "Мы хотим создать третий Рим. Мы правы, Михаил Тверской неправ. Наше дело правое, мы победим. Вот у нас есть великая государственная мысль. Поэтому мы имеем право идти на моральные издержки." Увы, даже не это. Там был какой-то безусловный рефлекс. Не условный, а безусловный: хватать. Хватать и грести под себя. И вот в этом деле московские князья проявили неистощимую изобретательность. И я думаю, что Макиавелли, если бы мог с ними познакомиться (конечно, когда он писал свою книгу о Государе и о государстве, он явно не был знаком с опытом Русской державы, тогда вообще в Европе плохо знали об этом), был бы доволен и поставил бы эту парочку (Юрия Даниловича и Ивана Даниловича) в пример.

От Михаила надо было как-то избавляться. Это была фигура слишком большого масштаба, чтобы можно было как-то управиться с ним с помощью интриг, с помощью мелких пакостей, с помощью булавочных уколов. Все это не проходило. Военное противостояние не давало никаких результатов, потому что он был еще и великим полководцем. Значит, надо было все так рассчитать, чтобы безоговорочно убрать этого человека. И здесь Юрий Данилович и Иван Данилович в очередной раз показывают себя великими политиками, то есть великими подонками. Это синонимы. Они придумали вещь, которая подействовала безотказно. Сначала они донесли на Михаила в Орду, что он собирается освободить Русь от монголов. Это было весьма справедливое подозрение; он это, действительно, собирался сделать, но московские князья сумели этот проект представить в Орде как какую-то имманентную угрозу, как заговор, как козни ЦРУ против страны Советов, и потребовали немедленных действий. Ну а дальше что было делать? Ведь взять Михаила было практически невозможно. Что, если он уйдет в Литву или еще куда пойдет? Лови его потом! Надо было получить Михаила. И тогда они придумывают следующую интригу, абсолютно неотразимую. Михаил был благородным человеком, очень

благородным - и жизнью своей не дорожил. И тогда его стали шантажировать тем, что вся монгольская Орда двинется против Твери.

Могло это случиться в XIV веке или нет, выяснить мы не сможем. Да и тогда это было крайне сложно выяснить, потому что Орда уже чуточку подразложилась. Они там хорошо окопались на Волге, построились, обустроились, привыкли получать серебро оттуда и отсюда. Привыкли уже к этому моменту пользоваться услугами московских князей. Конечно, теоретически они могли еще поднять все войско, оно еще было боеспособно. Конечно, при самом героическом сопротивлении Тверь была бы сожжена дотла, там просто в живых никого бы не осталось, если бы вся Орда пошла на Тверь. Это не московское войско, это серьезно. Михаилу предложили этот вариант. Все было классно разыграно, прибежали какие-то благожелательные перебежчики, рассказывали, что Орда вышла на рубежи, что там идут военные приготовления, что там уже план кампании начертан.

И Михаил сделал то, что впоследствии заставило Церковь, которая тогда еще не была похожа на нынешнюю, причислить его к лику святых. Он попал не только в галерею великих полководцев и великих государственных деятелей. Он решил пожертвовать собой. А ему предложили два варианта на выбор: или он немедленно является в Орду держать ответ, на суд, или вся Орда идет на Тверь. Для того, чтобы спасти свою область, он является в Орду. Больше ничего и не было нужно ни Ивану Даниловичу, ни Юрию Даниловичу.

Причем Иван Данилович был гораздо умнее Юрия Даниловича. Поэтому он не попадет в скверную историю. Сделав все, что нужно, он спокойно сидит в Москве. А Юрий Данилович является на место, там чуть ли не заседает в составе военного трибунала, смотрит на казнь, а потом вызывает даже замечание изумленных монголов, что что же вы, русские, за люди, валяется ваш казненный соплеменник, родственник, а вы даже его наготу не прикроете. Даже монголы этого не одобрили. Они не могли понять такое полное отсутствие корпоративного духа, полное отсутствие национального единства. То есть Михаил погибает, но не погибает еще Тверь. Его династия - это династия участников Сопротивления. У Михаила был сын Александр. У Александра был сын Федор. Впоследствии будет еще один Михаил, с которым покончит только Дмитрий Донской. Александр был таким же, как Михаил, но еще в большей степени флибустьером и авантюристом. Ему не хватало основательности и спокойствия, нужных для великого государственного деятеля, но он был из того теста, из которого делают Юлиев Цезарей и Александров Македонских. (Вацлав Гавел был такой же). Он был типичный диссидент. И то, что начинает делать он, просто представить себе было невозможно: это были совершенно фантастические действия. Он устраивает чуть ли не типографию. А в Литве он бывал регулярно. Был знаком с современными формами книгопечатания. Он начинает просто листовки делать. И его люди по всей Руси распространяют эти листовки, которые содержат призывы к борьбе с монголами, с Ордой, к

национальному протесту, т. е. он пытается поднять Русь. И это не одна листовка, не десять. И это в полном смысле слова листовки, хотя выглядят они необычно. С цветными заставками, с типичным церковно-славянским начертанием букв, но тем не менее, это листовки. Уже тысячи, уже десятки тысяч. Создается очень нетипичная ситуация. А тут еще в Твери останавливаются баскаки. Монгольская налоговая полиция. Шевкал, брат самого Сарайского царя (они тогда до Казани не доходили, выше по Волге была Золотая Орда).

И эти ребята, баскаки, мало того, что останавливаются в лучшем доме, начинают насиловать окрестное население. Начинают грабить, пытаются забрать женщин. В общем, Александр решил, что этот момент - самый благоприятный. Он становится во главе восстания. Они убивают всю эту налоговую полицию и посылают соответствующий документик, крайне наглый и остроумный, в Орду. Мол, приходите еще и получите те же налоги и в той же форме. Пишут, что у нас еще осталось, чтобы заплатить в том же духе.

В Орде обомлели. Мало им было Михаила, еще у них и Александр появляется. И они дают поручение своему любимому Ивану Даниловичу, поручают ему разобраться. Вполне на мафиозном уровне. Начинается разборка, причем руками русских по воле монголов. Совершенно постыдная ситуация. Стоит ли удивляться тому, что в этот момент Запад перестает общаться с Русью на равных и начинает ее презирать, и что это презрение в XV веке так быстро пройти не успеет, а тут еще будет установлена автократия и появятся новые мотивы для остракизма, и презрение будет переходить по наследству из поколения в поколение и докатится до XX века? Ничего удивительного в этом нет. Были основания для презрения. Были основания для железного занавеса. Поскольку этот железный занавес начали устанавливать изнутри, то снаружи возник такой маленький санитарный кордончик, ровом окопанный. То есть уже в этот момент мы не котируемся как цивилизованный народ, как народ, с которым можно вступать в какие бы то ни было договоры, потому что то, что Русь признала над собой монгольского царя, эти их ярлыки на княжение - это холопство, это рабство. Не было тогда Организации Объединенных Наций, не было ни Лиги Наций, ни Совета Европы, но негласно Совет Европы существовал. И негласно Совет Европы свой вердикт вынес. И то, что Блок потом напишет, что мы держали щит между двух враждебных рас, монголов и Европы, - это полный бред. Потому что расценено это было той же самой Европой совершенно иначе. Это было расценено ей как предательство, как измена общеевропейскому делу, как измена общеевропейским стандартам. Это подчинение монголам не стоило благодарности, потому что как можно благодарить того робкого оленя, который становится добычей хищника, наполняет ему желудок, дает ему новые силы, для того, чтобы он мог кого-нибудь еще задрать. Кто же благодарит падаля за то, что она стала чьей-то добычей.

В этот момент Европа, не собираясь ни на какие конгрессы, ни в Страсбурге, ни в Мюнхене не заседаю, не имея никакого Гаагского суда, единогласно решает, что несчастная Русь - это историческая падаля. Нас вычеркивают из списка цивилизованных государств. XIV век настал - и мы из него вычеркнуты. В XIII веке приговор был как бы отложен. Могло быть еще Соппротивление Року. Могли быть разные варианты. В этот момент Европа борется тоже. С этим нашествием боролись и Венгрия, и Польша, но они-то сумели отстоять свою независимость. Они не пошли на сделку с совестью. И поэтому нас осудили. И никакому историческому обжалованию в XIX веке, даже с помощью поэмы "Скифы", этот приговор не подлежал.

Иван Данилович бодро является под Тверь. А Александр делает очень не типичную вещь, оставляя в Твери сильный гарнизон (Михаил научил их биться с татарами, а уж с Москвой справиться им было не сложно) и отправляясь в Псков. Новгород отказался тогда следовать за делом и стягом свободы. А Псков, или как его тогда называли, Плесков, не отказался. Плесков присоединяется к Твери и становится новым центром Соппротивления. Плесков - это почти уже заграница, это почти уже Литва. Александр думает о том, чтобы употребить объединенные силы Запада против монгольской Орды. Если бы это состоялось, он бы вытащил нашу историю из той могилы, куда ее уложили. Это была бы совершенно иная история. Это было бы великое деяние. Не вышло. А замысел был хорош. Употребить силы Запада против монгольской Орды! Но ничего не получилось. Запад в этот момент не понял, зачем нужно жертвовать людьми, большими деньгами. Новгород ни копейки не дал, хотя у него были деньги. Зачем все это ему было нужно? Точно так же, как Соединенные Штаты на определенном этапе своего развития не поняли, зачем им нужно отстаивать Южный Вьетнам от Северного. Это они, наверное, сейчас понимают, видя, что происходит во Вьетнаме. Слава богу, что еще не бросили Южную Корею. Но уговоры и аргументы Александра выглядят примерно так же, как уговоры и аргументы Владимира Буковского в наши дни. Что это общее дело, что свобода умалется, когда где-то существует тирания, что Западу не выгодно иметь у себя под боком новую Московскую Орду. В это время, кроме Золотой Орды, существует еще одна, самая ужасная: Московская Орда. Потому что Москва становится частью Орды. Она становится вспомогательной столицей Орды, т. е. Орда и Москва сливаются воедино.

Возникает ордынская традиция уже не оккупационного характера. Она проникает внутрь, она становится национальной особенностью. Но Запад решил, что игра не стоит свеч. Что ему абсолютно безразлично, что будет с этими варварами, затерянными где-то на Востоке. Итак, Александр помощи не получил. Иван Данилович стоит под Псковом и пытается бороться с ним следующим способом. Способ совершенно умопомрачительный. Митрополиты, те самые носители византийской традиции, привязанные как клерки из министерства к московскому князю, полностью ему подчиненные, в этот момент делают все, что он захочет. И Митрополит обещает, что если Плесков не

выгонит Александра и не прекратит тиражирование листовок против монголов, на город будет наложен интердикт, т. е. нельзя будет никого хоронить, нельзя будет никого венчать, нельзя будет нести утешение больным и умирающим. За что интердикт будет наложен на русский город русским Митрополитом? За то, что этот русский город противится иноземному вторжению.

Это совершенно шизофреническая ситуация, но тем не менее это было. Это наша шизофреническая история. И в этот момент Александр даже просит плесковцев: давайте я уйду, чтобы не было никакого несчастья. Тогда для людей все это значило очень много. Это сейчас, может быть, всем было бы наплевать. Накладывай, не накладывай, но тогда это много значило. Плесковцы его удерживают. Но Александр, тем не менее, уходит, возвращается в Тверь. И Иван Данилович понимает, что так он не покончит с ним никогда. И он употребляет точно такой же метод, какой употребили они с Юрием Даниловичем для отлова Михаила. Был только один способ: поднять всю Орду и предложить альтернативу. Или Александр обрекает на гибель лично себя, потому что явиться в Орду - это было самоубийство после всего, что он сделал, или он обрекает на гибель Тверь. И это было безошибочно, потому что Александр был сыном Михаила. И он со своим старшим сыном Федором является в Орду. Они тоже были казнены. И Иван Данилович остается на хозяйстве (на какое-то время) в полном моральном и политическом удовлетворении. Он ведь не ограничился тем эффектом, которого, он достиг. Ему мало было ярлыка на Великое Княжение, который он получил. Был ведь период, когда оказалось два ярлыка на Великое Княжение. Один ярлык был у Твери, а второй ярлык - у Москвы. Сейчас один ярлык, один мандат, одна Москва останется. У Твери этот ярлык отнимают вместе с жизнью ее князей. В этот момент город уже не берут штурмом. Город не в состоянии сопротивляться после всего, что произошло. В этот момент из города увозят колокол. В город ставят гарнизоны, московские гарнизоны; даже монгольские гарнизоны уже не были нужны.

Начинается первая в истории кампания гражданского неповиновения.

Когда невозможно военное сопротивление, методы ненасильственного гражданского сопротивления могут оказаться очень эффективными. На пути увозимого колокола люди ложатся в снег прямо под полозья. И московским войскам приходится, ругаясь, растаскивать тверитян, чтобы эти сани могли проехать.

В Москве начинает создаваться коллекция чужих колоколов. Коллекция поработанных городов, коллекция чужой поработанной свободы. Но эти колокола, как ни странно, в Москве не издают никакого звука. Новгородский вечевого колокол решительно отказался в Москве звонить. Такое чудо произошло. Его не повредили по дороге, он не треснул, его очень хорошо повесили на почетное место. Хотели послушать. А он молчал. То же самое было

с тверским колоколом. Москва получает предварительную небесную кару, первый звоночек, первое предупреждение, первую двойку в дневник, в моральный дневник государства. В ней не звонят колокола, и то, что случилось с Царь-Колоколом, это в какой-то степени, конечно, возмездие за Тверь и за Новгород. Потому что так, даром, колокола не раскалываются. Здесь есть какой-то перст Провидения, какая-то вышняя рука.

Итак, Тверь обезглавлена. Младшие дети Михаила не могут еще даже сесть в седло. Младший брат Михаила, великого Михаила Тверского, Константин, женат на московской княжне. Ее в Твери называют "московка" - с презрением, с негодованием. И этот слабый, безвольный человек не похож на тверских князей, он подчиняется воле Москвы, и на какое-то время все затихает.

Вместе с ордынской традицией мы приобрели ряд имманентных признаков. Мы получаем наследство, получаем шкатулку Пандоры, из которой выходят следующие исторические качества. Русь начинает применять пытки - это наследие Орды. Научилась. Унизительные наказания вроде порки кнутом. Падая ниц перед монгольским каганом, то есть перед монгольским царем, народ утрачивает чувство собственного достоинства. Очень скоро они будут падать ниц перед собственными царями. Они научились - на примере иноземных. Постоянно задабривая жен монгольского хана, разных чиновников в Орде, если можно так назвать, в общем, клевретов, приближенных особ, мы научаемся давать взятки. И, кажется, очень хорошо научились. До сих пор не можем отучиться от этого. Это единственный способ общения с монгольскими авторитетами, это было повсеместно и даже слишком хорошо усвоено. Это все оттуда. Более того, скандинавское начало оказывается полностью подавленным.

Скандинавская традиция, традиция свободы, традиция упорства, традиция человеческого достоинства уходит вглубь, как Китеж под воду, надолго. Потом уже начинают бить ручьи, появятся капли, появятся струйки. Она никогда не иссякнет, но она будет уходить в песок. Она перестает быть равноправной по отношению к другим традициям. Она становится подпольной традицией. Лучшая национальная традиция становится традицией подполья. Ее загоняют в подвал, потому что обнаружить ее в себе означает немедленную гибель. Можно еще укрыться куда-то от Золотой Орды, но от московских князей никуда не укроешься.

И любимый нами Алексей Константинович Толстой изображает этот совершенно кошмарный период, этот фильм ужасов, в виде фарса, как будто бы со стороны. А ведь другие, посторонние, и видели это как фарс. Это чужая трагедия, поэтому они не плакали, они смеялись. Вот как они это видели, начиная со смерти Владимира:

Умре Владимир с горя, порядка не создав.
За ним царить стал вскоре великий Ярослав.

Оно, пожалуй, с этим порядок бы и был,
Но от любви он к детям всю землю разделил.
Плоха была услуга, а дети, видя то,
Давай тузить друг друга, кто как и чем во что.
Узнали то татары. Ну, думают, не трусь!
Надели шаровары, приехали на Русь.
От вашего, мол, спора пошла земля верх дном.
Постойте, мы вам скоро порядок заведем.
Кричат: "Давайте дани!" - хоть вон святых неси,
Тут много всякой дряни настало на Руси.
Что день, то брат на брата в Орду несет извет.
Земля была богата. Порядка ж нет как нет.

И вот представьте себе эту одиночную камеру, в которой оказывается Русь, этот смрадный карцер. На Востоке - страшная угроза. На Востоке - черная туча, и уже непонятно, чей это Восток, свой собственный или иноземный. Посланцами от этого Востока являются не чужие люди на конях, страшные, с необычной речью. Конечно, они тоже являются, но рядом с ними гарцуют собственные князья славянской национальности. На Востоке страшно. Туда хода нет. Дикая угроза. На Юге - то же самое.

А что на Западе? Что в этот момент видно на Западе? Когда железный занавес опускается, и создается этот санитарный кордончик, этот ров, чтобы вода стекала, русичи перестают понимать, что там, на Западе. Информации никакой нет. Интернета нет. Путешественники туда и отсюда перестают ездить. Еще Новгород торгует, но Новгород далеко. Тверь обезглавлена. Литва и ляхи становятся чем-то вроде антиподов или людей с песьими головами. Примерно два или три века никто на Руси не видит посланцев Запада. Никто не знает, что это такое.

Более того, случается такое несчастье, что при посредстве Запада, то есть одного из западных городов, идет на Юге интенсивная работоторговля. Кафа. Что такое Кафа? Это нынешняя Феодосия, это одна из колоний Генуи. А Генуя - это один из оазисов раннего либерального капитализма в Европе. Там для них все началось, а для нас все кончается в этой Кафе. Именно туда тащат монголы обращенных в рабство славян и именно там их продают на невольничьем рынке. То есть то, что делается при этом с национальным сознанием, просто трудно себе представить. Поэтому лучше почитаем, как это выглядит у Валентина Устинова. Поэт умеренного националистического толка. Интересно, что он, рисуя сознание затравленного россиянина XIV-XV вв., ухитряется показать нам и свое сознание, такое же затравленное до сих пор. Начинается глухая вражда. Может, она начинается с Кафы. Сознание, что весь мир против тебя, что Запад против тебя. Что всем на тебя плевать, что все желают воспользоваться твоей слабостью.

Возникает сознание осажденной крепости. Очень опасное сознание, озлобленное сознание, когда повсюду видишь ловушки и уже не разбираешь ни друзей, ни врагов. Когда перестаешь видеть свою вину и видишь только чужую. Этот импринтинг, это чувство обиды он очень ярко, даже гениально выразил в своем стихотворении. Это стихотворение не западника, но оно объясняет, почему большинство населения Руси стало антизападниками.

Этот каменный дом на угоре
Наливается гулом в ночи,
Словно море штормит, словно горе
Кандалами по плитам стучит.
Феодосия. Золота полный.
Виноградный курортный бедлам.
Но лишь только приблизится полночь -
Всхлипы ветра и гул по углам.
- Эй хозяин, с чего бы тоска мне?
- Спи отважно! В тебе не тоска.
Просто камни кричат. Эти камни
Я из стен крепостных натаскал.
Но поднявшись с отважной постели,
Я ступил в этот каменный гул,
И ордынские стрелы запели
Про набег и полонный разгул.
Сотни верст по муравскому шляху
Гнал меня бритолобый ездок,
Не жалел плетюганов для страху,
Но отдал мне баранью папаху,
Чтоб под солнцем товар не издох.
В белой Кафе, где черное лето
Липло мухами злобно к лицу,
Он продал меня за три монеты
На торгу генуэзцу-купцу.
Перед тем как купить, генуэзец
Тыкал пальцами в груди и в пах,
Нос изогнутый, как полумесяц,
Все вынюхивал порчу в зубах.
Он ворчал на татарина. - Нега
Вас погубит. Сойдете во тьму!
Вы кого привели из набега?
Эта падаля нужна ли кому?
Все же оптом купил нас без счета.
И в рогатках, в ярмах, как волы,
Мы влеклись в крепостные ворота,
Чтоб в темнице возлечь на полы.
Желтой жаждой дышала округа.

Так нас жгла, что в безумных ночах
Стали пить бы мочу друг от друга,
Да иссохла в нас даже моча.
Через ночь, восхваляя не скучно,
И торгуясь во поте лица,
Продал нас генуэзец поштучно
За динары восточным купцам.
Кто сочтет наши судьбы и муки?
Даже бич христианской земли,
Янычары и мамелюки
Через кафские торги прошли.
Я тонул на скрипучих галерах,
Я хозяев и страны менял,
Только оспа, чума и холера
Выкупали из рабства меня.
Вот за эти и прочие вины
Я следил из дозорной травы
Как с Мамаем пехоту надвинут
Генуэзцы на земли Москвы.
Вот за то огнепальное слово
Разнабатив народный пожар,
Я рубил на полях Куликовых
Генуэзцев первее татар.
И державой из рабства вздымаясь,
Наблюдал исполчающий взор,
Как бежавшего в Кафу Мамаю
Отравили купцы за разор.
Но и сами пропали. Лишь камни -
Крепостей не за совесть, за страх,
Повествуют о тех, кто веками
Наживался на синих слезах.
Феодосия Кафу не помнит,
Брызги рыб, виноградный бедлам,
Но лишь камни окутает полночь -
Всхлипы чьи-то и гул по углам.

Это отложилось в национальном сознании, и люди перестали понимать, с кем они дерутся. Они дрались со всем миром. Они вменили свое горе в вину всему миру. И что у незападника Валентина Устинова, что у западника Александра Блока одинаковые мотивы звучат и в стихотворении "Кафа", и в "Скифах". Обида. Когда обижаешься не на себя, а обижаешься на весь свет. Через кафские стены прошли многие, но там же не было ни норвежцев, ни шведов, ни датчан. Их нельзя было продать в рабство, они не сдавались живыми. Об этом надо было думать, но об этом не думал никто.

Выстраивается цепочка постепенного исчезновения русских земель, которые становятся московскими землями. Это был последний оплот гражданской и политической свободы - дифференциация земель. В Москве не остается никакой политической дифференциации. Как некогда это хорошо смотрелось: князь, бояре, старцы градские, отроки, обязанность советоваться со старшими в дружине, полная возможность уйти от плохого, бездарного или жестокого князя и для ремесленника, и для купца, и для боярина.

И вот наступает время Дмитрия Донского. До него прибрали к рукам несколько областей. Уже и Можайск прибран. Москва постепенно округлялась и округлялась. Но дело не в этом. Нас должна интересовать эпоха Дмитрия Донского, который сам по себе был неплохой человек, и ему дано было достаточно много лет правления. Он с 11 лет был в седле, то есть участвовал уже в государственных делах. А правил он с 1362 года по 1389-ый. 27 лет. Это очень много для тогдашних князей.

Нам эта эпоха должна запомниться не по "памятной" дате 1380 года. Произошло более важное событие, которое и предопределило судьбы и Москвы, и Руси. Произошло оно за два года до Куликова поля, в 1378 году. В 1378 году в Москве случилось ужасное. Состоялась первая казнь за измену Родине. Впервые вводится такая 64-я статья. "Измена Родине". И жертвой оказывается Иван Вельяминов. Боярин Иван Вельяминов. Имя его сохранила история. И он был виновен только в том, что ему чем-то не понравился Дмитрий Иванович, чем - мы теперь не узнаем. Он захотел сделать то, что до него делали многие и не несли никакого наказания. Он захотел перейти к другому князю. Его схватили как государственного преступника и казнили за измену Родине. С этого момента измена Москве становится изменой родине. Бояре, отроки, купцы, ремесленники более не могут никуда переходить. Они лишаются права выбора. Дифференциация областей, которая еще держит российскую свободу, исчезает. Российские княжества - это такие миры, которые соприкасаются только формально, уже как иноземные государства. От лестничного права не осталось ничего. После этой казни не братом, а врагом становится каждый соседний князь. Права выбора в пределах Москвы уже нет. Если тебе повезло, ты родился где-то в другом городе и умер до 1523 года, потому что в 1523 году к Москве присоединяется Чернигов. До этого подберут всех остальных. Всех по очереди. Пермь, Рязань, Ярославль. Знаменитый Псков-Плесков, после того, как возьмут Новгород в XV веке, будет получен без боя.

В 1510 году Псков без боя будет присоединен к Москве. Всех разобьют поодиночке. В свое время обиженный на Новгород Плесков не пришел ему на помощь. А когда настала его очередь (через 30 лет), он даже сопротивляться уже не мог. Москве уже нельзя было сопротивляться, военные силы были несопоставимы. А то, что сделает Новгород в последние дни своего свободного существования, Псков сделать не посмеет.

Новгород все понял, когда уже все было кончено, новгородцы поздно поняли, где им надо искать спасения. Они стали искать спасения на Западе, в Литве. Кстати, это будет очень серьезная статья обвинения - опять же в государственной измене, в сепаратизме. Они призвали к себе киевского князя. Киев был тогда формально под властью Польши. Новгородцы призвали Михаила Олельковича. Он не смог их защитить, он был никчемный полководец, и они хотели обратиться за помощью к Литве. Они не успели. Но они хотели! Они поняли, что Новгород должен быть частью Европы. С этим сознанием они и ушли в ссылку в Москву, те, кто остался в живых после последнего взятия Иваном Третьим Новгорода. Все, кто был хоть как-то уличен в мятеже, все, на кого донесли тогда уже имевшиеся стукачи, пошли в ссылку и на плаху.

Москва ведь что делает? Она заводит во всех городах (к XV веку, к последней четверти XIV века) филиалы КГБ, и появляются стукачи. Москва щедро их оплачивает, а они сообщают о "настроениях". Кто из бояр, или положим, бывших старцев градских, кто из именитого купечества дурно отзывается о Москве, кто еще любит свободу, кто еще не готов от нее отречься. Поэтому когда войска Ивана III входят в Новгород, они все уже прекрасно знают. Им не нужно проводить массовые репрессии. Они проводят репрессии избирательно. Что Борецких надо убирать - это понятно. После истории с Дмитрием, Василий Борецкий также погибает в Москве. Они даже Марфу Борецкую с внуком на месте не оставляют. Увозят в Москву. Это ясно. Но они же знали, кто из купечества настроен против них, они даже знали, кто из ремесленников - явный диссидент, и кто способен организовать сопротивление... Именно эти люди будут вывезены в Москву и посажены там по тюрьмам. Теперь уже тюрьмы на Руси есть. Когда-то был только поруб. Теперь уже есть тюрьмы. Все как у людей на святой Руси. Часть новгородцев умрет там. Одни будут уморены, другие будут негласно казнены. Третьи навсегда попадут в ссылку, они никогда больше не вернуться в Новгород. То есть Иван Третий все сделает очень грамотно.

И вот осажденная крепость, карцер, в котором существует Русь, вырабатывает собственную идеологию. Именно в этот момент понадобилось самооправдание.

Именно в этот момент возникает идеология третьего Рима. Ну а то, что произошло на Куликовом поле, на самом деле означало не только какую-то веку. Эта битва в военном смысле ничего не означала. Еще при Иване Грозном Орда будет сжигать Москву. Еще отец Ивана Третьего, Василий Темный, будет платить дань в Орду. Только Иван Третий прекратит выплачивать эти деньги. Еще долго после Куликова поля это будет продолжаться... На Куликовом поле нас другое будет интересовать. Безусловное подчинение князей авторитету князя московского. И это совсем не временное явление. То, что Дмитрий Донской собрал всех этих князей на Куликовом поле и то, что не было никаких разногласий, свидетельствует о том, что уже сформированы механизмы ранней автократии.

...Все решилось само собой к XVI в.

Москвичи ничего не просили. Они не говорили: - Придите и поклонитесь нам, тогда мы вас защитим от монголов. Не было уже никаких условий. Тогда не понимали, что дифференциация земель - это элемент гражданской свободы. Поскольку не было внутренних парламентов, не было внутренних Конституций, эта самая дифференциация земель исключала тиранию. Можно, конечно, создать тиранию в одной маленькой области, но все остальные останутся сохраненными, и эта маленькая область, в конце концов, будет изгоем, и другие области сумеют с ней управиться. Потому что свободные области сражаются лучше, торгуют лучше, и до поры до времени эта формула действовала. Пока Москва не начала уничтожать дифференциацию земель.

Дмитрий Донской уже никого из князей не приглашал. Им некуда было деться. Они пришли. Вот, кстати, что такое внешняя угроза. Она предопределила автократическую формулу создания Руси. Внешняя угроза уничтожает демократические институты в зародыше. Внешняя угроза диктует формулу, ту знаменитую формулу этатизма, которая так наглядно и рельефно была создана в Риме. Пучок розог - и из них торчит топорик. Это то, что ликторы носили за консулами. Что означает эта формула? Она означает, что обязательно должно быть единство, ибо этот пучок нельзя переломить, а розгу одну по себе переломить можно. Но что означает розга? Это же двойной символ. Розга - это орудие наказания. Это орудие унижения и подавления свободы. Топорик, который торчит сверху, - это не символ власти, это символ палачества и тирании. То есть этатизм, какими соображениями (даже выживания) он не был бы продиктован, на самом деле всегда означает умаление человеческого достоинства. Он всегда означает тиранию. Он всегда означает несвободу.

Эти две вечных подружки - тирания и этатизм - не ходят одна без другой. Если пучок, то из этого пучка торчит топорик. Это и происходит с Русью. Страшный враг есть: Орда. Действительно, нужно объединение. Но если бы Русь нашла формулу государственных отношений помимо лествичного права до нашествия, до вторжения, это было бы не так опасно, как тот консенсус, который был отыскан под угрозой неминуемого национального исчезновения. Угроза была страшна, поэтому страшна оказалась и тирания. Люди шарахались от этой Кафы, где их ждали торги и галеры. Они шарахались в другую сторону. Маятник совершил полный размах и оказался в другой точке. Точке отрицания внутренней свободы во имя выживания и во имя того, чтобы тебя не продали в рабство чужие. Поэтому люди, испуганные рабством у чужих, становятся рабами своих же. Они не ушли от рабства, они просто поменяли хозяев. У нас есть уже Московская Орда, полностью тождественная Золотой Орде. Можно сказать, что и выбора между хозяевами у нас не было.

Ордынская традиция - это не внешняя традиция. Это, к сожалению, традиция внутренняя, и все, что несла в себе Орда - желание выйти к Последнему Морю -

появляется вновь и вновь и доживает до XX века. Я не думаю, что Владимир Жириновский очень хорошо знаком с монгольским эпосом, учился он понемногу, чему-нибудь и как-нибудь. Он изучал другие науки. В его институте не занимались ни Ордой, ни этими монгольскими легендами. Наверняка не читал он и Исаю Калашникова. Откуда возникла тогда вся эта история с Индийским океаном? Откуда выплыло желание сапоги там помыть? Что это за образ? Владимир Жириновский здесь является типичным носителем ордынской традиции. Он сам этого не знает - откуда этот Индийский океан, - на котором он наверняка никогда не был. Это то самое Последнее Море. "Пока распаленных коней не омоем в последних Последнего Моря волнах". Зачем? Непонятно. Это не нужно ему лично, на самом деле. В XX веке есть другие способы обладания океанами, кроме "омытия" в них сапог. И он не может этого не знать, потому что чему-то учился. Но все это у него - подсознательное, исконное, рефлекторное. "Пока распаленных коней не омоем в последних Последнего Моря волнах". Желание захвата. Уничтожения чужой свободы. Подбирания всего под себя. "Вашу тень обгоняет народов страх". Это ордынская традиция, которая становится национальной традицией. И она, к сожалению, становится традицией приоритетной, довлеющей.

Это все произошло и, может быть, это непоправимо. И вот у нас есть карцер, в котором живем мы все. С зарешеченным окошечком. Где-то там лучики появляются, и непонятно, что это - то ли свет, то ли инфекция. А может, это зараза?

А на Западе лежит диаметрально противоположная страна. Как будто бы она находится на другой планете. Польша. Польша - это крайность идей либерализма. Нигде больше в Европе - ни на юге, ни на западе, ни на востоке - никто не попытался полностью осуществить формулу приоритета прав личности перед интересами государства. Всегда был какой-то баланс. Немножко интересов государства - и много интересов личности. Личность старается войти в интересы государства. Сама она от этого что-то приобретает. Государство щадит ее и печется о личности. Холит ее и лелеет, понимая, что ему будет лучше, если личности у него будут такие умные, сытые, холеные, откормленные. То есть консенсус между личностью и государством. Формула западной демократии.

А что происходит в Польше? В Польше осуществляется чистая идея абсолютного приоритета личности перед интересами государства. Это, может быть, самый интересный в человеческой истории эксперимент, который привел к полному уничтожению польской государственности на определенном этапе. Но это было красиво. Это было чертовски красиво. За такого рода эксперименты не жалко заплатить даже национальной независимостью. Потому что действительно этого не делал никто. Это сделали одни только поляки. Почему они? Славянская традиция? Да, в чистом виде. Традиция скандинавская? Да, в очень большом количестве. Традиция Дикого поля?

Немножко, она к ним проникла не так, как к нам. Маловато там было половцев, печенеги вообще туда не дошли. Они познакомились с традицией Дикого поля, только когда приручили часть монголов, в отличие от нас. Нас монголы приручили. У них было все наоборот, они приручили часть монголов, и те стали польскими шляхтичами, и стали на них работать. Тогда поляки немножко познакомились с законами Степей. И сочетание, по сути дела, только двух традиций - скандинавской и славянской - родит совершенно необыкновенный сплав. Свобода становится во главу угла. А всего остального не жалко.

Что делается в Польше? В Польше создается парламентская формула, исключаящая, по сути дела, принятие решения, против которого может протестовать хоть какая-то личность. Перманентная демократия снизу доверху. Конечно, на уровне шляхтичей. Вот интересная особенность. В Польше в то время фактически нет купечества. Купцы презираемы. Это не Италия. В ходу и в цене только воины. Торговля предполагает какой-то консенсус, какой-то договор. Свобода, неукротимая свобода поляков разбивает все договоры, и государство настолько не печется о пользе, государства до такой степени нет, что купцы ищут себе какие-то другие места. Другие зоны благоприятствования. Германские города, например. В Польше же они базируются в Кракове. Но не в масштабах государства. Формула польского законодательного собрания - Сейма (причем есть один общий Сейм, и есть еще маленькие сеймики в каждом городе и в каждой области) - была фантастической: решение не принимается, если на него накладывается личное вето. То есть полный отказ от какой бы то ни было идеи подчинения меньшинства большинству.

Наоборот, здесь большинство меньшинству подчиняется. И не только меньшинству подчиняется, но и "одному отдельному" человеку. Достаточно любому шляхтичу, этому носителю дворянской свободы (а шляхтичей в Польше было видимо-невидимо), неважно, богатый он или бедный, есть ли у него один кафтан или имения и целая область, встать с места и сказать: "Не позволяю", - и закон не принимается. Личность может завалить закон, потому что она не согласна. И никто не вправе перешагнуть через мнение этой личности. Если что-то и принимается, то только полным консенсусом, только единогласно. Более того, в Польше к XV- XVI вв. перестают действовать династии. Династия Пястов кончает свое существование, и королей начинают выбирать. То есть, по сути дела, они переходят к дворянской республике. К коло. Коло - это собрание вроде тинга, как в Норвегии, как в Швеции, как в Дании, когда собираются все воины, все шляхтичи, все благородное сословие, и оно провозглашает короля. Неважно какого: своего или иноземного. Могли послать за королем и к французам, могли послать куда угодно. Но король выбирается. Ему предлагают корону. Как вы понимаете, повиновение такой исполнительной власти будет очень ущербным и только формальным, а иногда даже формального не будет. Пароксизм, апофеоз свободы кончается тремя разделами Польши. В принципе, все могло кончиться уже в XVII веке. 1650 год. На Польшу набрасываются сразу и Русь, и Швеция, и немцы. По сути дела, государство оккупировано

снизу доверху, но они как-то выбрались из этого кошмара. А потом начинаются разделы. Три раздела. Весь XVIII век уйдет под разделы. Почему три раздела? Потому что поляки никак не успокаивались. Их поделили между Пруссией, Австрией и Россией, и не помогло! Они все равно восстают, они все равно сопротивляются. Эта собственность ни к черту не годится. Пользы от нее никакой. Одни несчастья. Поэтому ее еще раз делят, еще кромсают на части. Не помогает. Каждая часть берет в руки шпагу и начинает сопротивляться. И даже после всех трех разделов, когда кажется, что вообще все кончено, начинаются восстания.

История польских восстаний - это особая история. Восстание Костюшко конца XVIII века. Костюшко так подействовал на императора Павла (который был большим чудаком, хотел быть рыцарем, и действительно был Мальтийским рыцарем), настолько изумил его этим иррациональным, безрассудным сопротивлением, что он даже освободил Костюшко. То есть он был потрясен всем этим. Вопреки государственным интересам его освободил! А восстание 1830 года, а 1863 год! Не было никаких шансов. Силы Польши и России были настолько несопоставимы, что, кажется, и пискнуть было нельзя. Они заставляют Россию держать там постоянные гарнизоны. Польский вопрос становится главным вопросом на весь XIX век. Невозможно переварить этот крошечный кусочек, потому что от него несварение желудка. Они отбиваются, не позволяют, чтобы их на лопатку посадили и в печь отправили. Чего стоит только ответ полковника Савинского, который, кстати, сражался при Бородине (на стороне французов, конечно). 1830 год. Варшава. Восстание. Окружен варшавский гарнизон. Никаких шансов нет. Естественно, предлагают сдаться. А он отвечает, что поскольку русское ядро оторвало ему ногу при Бородине, он больше никуда двинуться не может. Естественно, они все погибли. Но они не сдались.

Это очень вредно подействовало на русское национальное сознание. У нас возникает апологетика оккупации, апологетика захвата. Лучшие люди России начинают выступать и действовать против этой свободы. Потому что это контраст. Нестерпимый контраст. У нас карцер, душный карцер, черный, с замком, - и ни одного дуновения воздуха. Ничего, ни луча света. Такая черная бархатная ночь... Рабы снизу доверху, страна рабов. А там живет свобода. Поле, ничего больше нет. Поле, ветер, ничего не жалко, люди все отдали за эту свободу, государственность отдали. Жизнь не дорожат и восстают все время. И это очень болезненный контраст. Я думаю, что Пушкин все это понимал. Он был гений понимания. Не думаю, что ему что-то было нужно в государстве и от государства. Пушкин - это же не Булгарин, Пушкин - это не Макашов, не Бабурин. Пушкин невысоко расценивал государство. Он слишком много о нем знал. Но я думаю, что болезненный укол, приступ желудочных колик на него мог подействовать. Невыносимо было видеть этот костер свободы. Они встали в этот костер. Они облились бензином и себя подожгли. Из поколения в поколение. Три века подряд поляки это делали и ничем не дорожили.

А здесь все есть - огромная территория, невероятные богатства, государство есть, даже Петербург уже есть, и нет свободы! Вообще никакой. Есть регламент. А там одна свобода - и больше ничего нет. Но при этом - и цивилизованность и рафинированность. Польша была частью Запада. Не забудьте, что первая наша масштабная вестернизация, вестернизация Григория Отрепьева, придет оттуда. То есть там был полноценный Запад: и семейные отношения, и положение женщин, и балы, и маскарады, и легкий светский необременительный католицизм. Фаустианский католицизм. Польша становится оплотом фаустианского Запада, фаустианской религии, фаустианского христианства. Христианства, которое тянется к звездам, христианства, которое говорит с Богом на равных.

Поляки пытаются Луну с неба получить. Каждый раз они срываются и вновь тянутся за этой Луной.

И тогда Пушкин пишет эти ужасные стихи - "Клеветникам России". Начинает оправдывать Суворова. То, что Суворов перешел через Альпы и кого-то там разбил, все это ничто по сравнению с подавлением польского восстания. Бывают вещи, которые уничтожают славу, набрасывают на нее черный плащ. Вот это как раз то самое, о чем Лермонтов напишет: "слава, купленная кровью". Поляки становятся вечным укором и вечным примером. И не только до XX века, они и сейчас служат в какой-то степени точкой приложения темных сил, которые сравнивают и которые до сих пор ненавидят этого Леха Валенсу, эту "Солидарность", эту негласную попытку восстания 1980 года. Подспудно эта борьба идей идет весь XX век. Варшавский договор формально заключен в Варшаве, но на самом деле все время идет его тихий и громкий подрыв. Эта сегодняшняя ненависть, это единогласное решение поляков вступить в НАТО - следствие нашей распри. Почему именно поляки? Почему чехи голосуют фифти-фифти, даже еще меньше? Почему у венгров еще и референдума не было? Почему полякам приспичило в НАТО? Ведь они беднее чехов, они беднее даже венгров.

В экономическом плане Чехия могла бы себе позволить гораздо больше, чем Польша (в смысле военных расходов). Почему поляки туда так рвутся? Потому что НАТО - это Запад. Потому что это тот самый магнит, к которому повернута вся их история. Полный консенсус там и у полусоциалистического президента, и у его оппонентов из либерального лагеря, и у социал-демократов Леха Валенсы, потому что на самом деле они же не Мазовецкие, не либералы. Но они поляки, и они идут за этим магнитом. Лучше всех, кто они такие, понял, конечно, Булат Окуджава. У него есть песня, которая очень хорошо объясняет сущность Польши. Вот что такое польский дух, вот чем отличается Польша от России:

Мы связаны, поляки, всегда одной судьбою,
В прощанье и в прощенье, и в смехе, и в слезах,

Когда трубач над Краковом возносится с трубою,
Хватаюсь я за саблю с надеждою в глазах.
Потертые костюмы сидят на нас прилично,
И плачут наши сестры, как Ярославны, вслед,
Когда под крик гармоник уходим мы привычно
Сражаться за свободу в свои 17 лет.
Свобода бить посуду, не спать всю ночь свобода,
Свобода выбрать поезд и презирать коней,
Нас с детства обделила иронией природа,
Есть вечная свобода, и мы идем за ней.
Кого возьмем с собою, вот древняя загадка.
Кто станет командиром, кто денщиком? Куда
Отправимся сначала, чья тихая лошадка
Минует все преграды без бед и без труда?
Прошу у вас прощенья за позднее прощанье,
За ранние обиды, за горькие слова.
Нам с детства надавали пустые обещанья.
От них у нас, Агнешка, кружится голова.
Над Краковом убитый трубач трубит бесменно,
Любовь его безмерна, сигнал тревоги чист,
Мы школьники, Агнешка, и скоро перемена,
И чья-то радиола наигрывает твист.

Трубач над Краковом - это древняя легенда. Когда к городу подступали враги и уже фактически подошли, у трубача был выбор: либо не трубить, либо затрубить и быть убитым на месте. Потому что он уже был в пределах досягаемости выстрела. Он затрубил и он погиб, но горожане были подняты этой тревогой, и они спасли город. Вот это и есть формула польской свободы. Обязательно затрубить, даже когда лично тебе это ничего хорошего не сулит, и хвататься за саблю с надеждою в глазах. Три века они хватались за саблю, когда, казалось, это ничего им не сулило, и в конце концов у них получилось. В отличие от нас.

Мой Карфаген обязан быть разрушен

Лекция № 6. Везде царит последняя беда

Итак, свободе на Руси больше не за что зацепиться. Исчезла территориальная дифференциация, - и отныне единственный и последний оплот свободы - человек. Диссидент. Первым нашим диссидентом был Иван Берсень.

При Иоанне III в Москве был "кружок". Он не мог влиять на порядок дел в государстве. Там обсуждалось все, в том числе и Великий Князь, и дела престолонаследия, и Софья Палеолог, и новгородский захват. И самым заметным человеком в этом кружке был Иван Берсень. Дьяк. А дьяки вообще были интеллектуалами. На них держался весь государственный порядок. Они знали и дела управления. Они знали финансы. Они были чем-то вроде президентской администрации и правительства одновременно. Они выполняли реальную работу. А бояре в этот момент, в основном, уже сидели и только щеки надували. Великий князь мог что-то знать, мог и не знать. Иван Третий знал все эти дела. Василий Третий не знал. Можно было и не знать, можно было положиться на дьяков. Они все делали сами. И вот Иван Берсень начал рассуждать о том, что в иноземных странах порядки лучше, чем на Москве. Он произнес это священное слово: "свобода". Может быть, оно впервые тогда было произнесено на Руси. Он осуждал захват Новгорода, ликвидацию территориальных вольностей. Конечно, в своеобразной форме, возможно, даже на древнеславянском языке, но мнение об Иване Третьем было весьма нелестным. Деспот и тиран.

Мог ли это терпеть Иван Третий? И первый диссидент в истории России был за это казнен. Исключительно за это. За частное мнение, высказанное в частной беседе, на частной кухне, то есть в частной избе, за частной кружкой кваса; не на площади, даже не в боярской Думе. Не было дела. Отныне Слово становится делом. Пройдет несколько столетий, и Герцен сформулирует эту замечательную мысль: "Там, где не погибло слово, дело еще не погибло". Первой до этого додумалась власть: за словом должно последовать дело. Хотя оно фактически никогда не следовало. Не давали возможности дойти до дела, уничтожали за слово. Тем не менее, власть получила некий навык бороться со словом так же, как с делом, потому что дел не было никаких. Иван Берсень был первым, но не последним.

Когда у нас приходит к власти Иван Четвертый - законно, легитимно, без всяких вопросов, - впервые возникает ситуация, когда, кажется, будущие россияне спохватываются и смотрят на дорожки стадиона. Что-то дорожки опустели. Они остались одни. Все остальные давно убежали вперед. Они долго не глядели на эти дорожки. Было не до того. То Орда, то собственные гражданские войны. И в

XVI веке мы обнаружили, что даже Польша убежала далеко вперед и в смысле политическом, и в смысле гражданском, и в смысле технического развития - тоже. Везде идет какая-то интересная, свободная жизнь. А Русь погрязла в варварстве, в дикости.

Русичам становится страшно, и они начинают искать противоядие. На грани двух веков, на грани прихода к власти Ивана Четвертого, в 1530 году рождается первая идея вестернизации России. Василий Третий оставляет трон своему малолетнему сыну, и Иван становится, по сути дела, царем в 4 года. Когда ему будет 8 лет, погибнет его мать - Елена Глинская. Мать у него была из Литвы. Может быть, этому мы обязаны первым периодом его царствования. Отец завещал ему не только престол, но и Избранную Раду. Что такое была Избранная Рада? Избранная Рада - это были вельможи, бояре, наиболее образованные, просвещенные лорды, которые имели или вотчины на границе с Литвой, или как-то с ней породнились. Они знали, как развиваются дела в иностранных государствах, и могли и хотели ввести какие-то новшества. Они приглашают специалистов. Это тоже было умно с их стороны. Если кто-то способен пригласить специалиста, это значит, что он очень просвещенный человек, потому что только законченный профан считает, что сам знает все. Они приглашают, можно сказать, своего Гайдара и своего Чубайса. В этой роли выступают Сильвестр и Адашев. Адашев был окольниковым, он не был боярином, но это очень высокая дворянская степень - окольниковый. Он был допущен и в почивальню царя, и в Думу. Фактически, можно даже считать, что он был вице-премьер. Не первый. Но все-таки что-то в этом роде. А Сильвестр был монахом, и очень просвещенным монахом. Собственно, монахи тогда и были на Руси просвещенными людьми. Но он не только древние летописи читал, он читал латинские книжки. Он знал, что такое Запад и с чем его едят. И вот вся эта компания - Избранная Рада, украшенная

тогдашними Чубайсом и Гайдаром, - начинает придумывать планы реформ.

Земельная реформа. Церковная реформа. Реформа государственного управления. Вот как впоследствии это будет на Руси. Они садятся и пишут подробный трактат о том, как надо менять течение дел. С церковной реформой они, похоже, преуспели. Было проведено очень много церковных Соборов. И на этих церковных Соборах какую-то имущественную независимость церковь себе обеспечила. Потому что была еще дикая идея нестяжателей Нила Сорского. Идея состояла в том, что монастыри не должны владеть землей, чтобы у них ничего не было, чтобы они только молились. Вы понимаете, к чему бы это привело. Это бы привело к тому, что они получали бы пропитание из рук Великого Князя и впали бы в полное политическое ничтожество. А так они оставлены были на своей земле, благодаря позиции других, более разумных иерархов Церкви. У них была возможность переманивать к себе крестьян. Юрьев день в основном-то и служил для того, чтобы крестьяне могли перебежать на монастырские земли. Они бежали на монастырские земли,

потому что там было легче. Меньше барщины. Больше оброка. Более передовые методы ведения сельского хозяйства. То есть там больше доставалось тогдашнему крестьянину. Естественно, он бежал на монастырские земли, потому и был отменен Юрьев день (по просьбе бояр, для того, чтобы крестьяне не перебежали). Это уже Федор будет его отменять в 1597 году. Не один день, конечно, был. Две недели до Юрьева дня и две недели - после. Время перехода. Но для дворян и для бояр уже нет возможности перехода. Переход - это государственная измена. При Иване Четвертом за бегство в Литву (хотя, казалось бы, не хочешь служить - поезжай на здоровье и служи кому-нибудь еще) ловили, пытали и казнили.

Судьба Ивана Вельяминова повторялась многократно. Это идет еще с XIV века. С 1597 года крестьяне это послабление тоже иметь не будут. Некуда больше бежать, каждый остается. Возникает крепостное право для всех.

Крепостное право началось не с крестьян. Это начинается с дворян. 1378 год - год казни Ивана Вельяминова - это установление крепостного права на Руси, но не для крестьян, а для первого сословия, для бояр, для дворян. Крестьяне получают крепостное право только в конце XVI века, в 1597 году. Первыми будут закрепощены именно дворяне. С Церковью это тоже произойдет. Но с ней это произойдет позднее всех. Сначала бояре, потом - крестьяне, потом - Церковь.

Иван Четвертый какое-то время пользуется советами Избранной Рады. Самое занятное, что он начнет властвовать как реформатор. Он много читает, у него великолепная библиотека. Он дружит со свободомыслящими людьми. Он был очень близок с Курбским, гораздо ближе, чем Ельцин с Коржаковым. Тем более, что Курбский был отнюдь не Коржаков. Он был князем, он был независим имущественно, ни в каком жалованье от царя он не нуждался. У него были свои земли, свое состояние. Он был человеком смелым, с чувством собственного достоинства. Сапоги царю он чистить не стал бы, он никогда не пресмыкался.

Начинаются победоносные походы. Завоевание Казани. Москвичам это страшно нравилось. Вот тогда будет воздвигнут Казанский собор - в честь захвата. Берут Казань. Блестящая победа, звонят колокола. Зачем берут? Непонятно. Реально никакой угрозы не было. Сегодня довольно трудно объясниться с Татарстаном на эту тему. Зачем вы взяли Казань? Остается только отсылать их к Ивану Четвертому. Никакой Орды там не было. Уж скорее надо было Крым брать, чтобы выбить из него Крымскую Орду, но никак не Казань. А этим только потом Потемкин займется, да и когда? При Екатерине II.

Просто Волга была очень плодотворным районом: водная артерия такая, Волга, и очень удобное судоходство. Она вела в Иран, в тогдашнюю Персию. Приятный судоходный путь. Лакомый кусочек. Почему бы не взять? Вот взяли и завоевали. Никаких протестов не было. Не было тогда никаких

антимилитаристских поползновений на Руси. Наоборот, все кидали шапки и деньги на военные нужды. Прославляли православное воинство. Молились в Казанском соборе. Несли икону Казанской божьей матери. Все были в восторге. Особенно Курбский, который руководил, по сути дела, этим походом, как стратег. Он был очень неплохим стратегом и получил от царя много лестных слов, много наград. Деньги же ему были не нужны, он служил не за деньги, как многие бояре.

В результате у нас церковная реформа худо-бедно пошла. Земельная реформа даже не началась, потому что с какой стороны ее начинать, было неизвестно. Никто не додумался до того, что надо просто освободить крестьян. Тем более, что крестьяне в этот момент никакой свободы не требовали. А требовали доброго господина. Это потом, при Екатерине Второй, возникнет такого рода челобитная со стороны украинских крестьян, да и то только на Украине. А если бы их стали освобождать при Иване Васильевиче, они бы сочли это злодеянием. Никто, мол, не хочет о них заботиться, никто не хочет их кормить. Они у нас не привыкли к самостоятельности. Они не были никогда самостоятельными. Жаловались бы, что никто их не защищает ни от хана, ни от неурожая, ни от холодов. В общем, какая при этом земельная реформа могла произойти?

Вот в порядке управления кое-что происходит. Создаются приказы, или министерства. Казанский приказ, приказ Большого дворца. Создаются губные избы для борьбы с разбойниками. Создается что-то подобное местному самоуправлению с целовальниками. Сильвестр и Адашев хотят иметь что-то вроде местных судов. Это те самые мировые судьи, которые будут потом в XIX веке при Александре II, но реформаторы столкнутся с тем, что дико неграмотное население не может никого избрать, никого назначить. Тотальная неграмотность народа мешает проводить реформы. В этот момент уже мало кто умеет, к сожалению, читать и писать. Это не Новгород. Новгород уже давно завоеван и тоже доведен до полного ничтожества. Все смыло общей волной тоталитаризма. Тем не менее, завязываются приятные отношения с Западом, смягчаются отношения с Польшей и Литвой.

И вдруг происходит катаклизм. Умирает молодая жена Ивана IV Анастасия, и царь резко меняется. Может быть, ему просто надоели реформы. Может быть, ему вожжа под хвост попала. Может быть, византийская традиция заговорила в нем. Может быть, просто время пришло.

А поскольку это автократия, даже звездный час автократии, то царствование Ивана IV - это предел и беспредел, апофеоз. Если Иван III был Лениным, который устроил государство так, чтобы никто не мог выступить против, не мог даже быть против, и все уже вращалось, как смазанные колеса, то Иван Васильевич сделает много лишнего. Точно так же, как Иосиф Виссарионович. Совершенно ведь не обязательно было расстреливать тех, кто кричал: "Да здравствует Сталин!". Это было лишнее. Совершенно не обязательно было

казнить тех, кто был царю предан всей душой, не замышлял никакую государственную измену, казнить только по доносу. Начинается, можно сказать, 37 год, и начинается он в 1564 году. Это 37-й год минус красные звезды, серпы и молотки, минус идеология, но он фактически повторяет 37-ой по своим главным параметрам, вплоть до создания Внутренней партии. Иван IV, хотя он и не читал Оруэлла, поступает, как учил О'Брайен. Создает Внутреннюю партию. Как вы понимаете, все животные равны, а есть те, которые равнее. Скотский хутор. Вспомните положение свиней в "Скотском хуторе" Оруэлла, и положение Внутренней партий в "84" в Океании. Она одна могла позволить своим членам пить вино, есть настоящий шоколад, они пользовались широкими правами, жили в лучших помещениях.

Иван IV создает опричнину.

Опричнина имеет гораздо большие права, чем земщина, хотя формально соблюдается некий консенсус. Ключевский считает, что это было единственным способом как-то ужиться с боярами. Потому что вовсе без бояр было нельзя, всех же не казнишь. Вместе с тем с боярами он жить не мог, а это был способ существовать отдельно. Но Ключевский - это ведь XIX век. Он не видел настоящего звездного часа автократии. Он не знал, что такое тоталитаризм. Мы-то со своей колокольни это видим лучше.

Конечно, дело было не в боярах. Царю нужна была опора, которая стояла бы над обществом, которая помогла бы уничтожить это общество, топтать его как угодно. Та же потребность ордынской традиции. Сапог, который наступит на лицо человечества. И этим сапогом в XVI веке были опричники. Опричники набирались из боярских детей, это был низший дворянских чин, но иногда туда шли пропащие князья, которым терять было нечего, нигилисты типа князя Вяземского; могли туда пойти и вовсе безродные люди, иногда очень талантливые. Старший Басманов был талантливейшим полководцем. Он мог бы честно карьеру сделать, но делал ее в опричнине. Младший Басманов, конечно, таких дарований не имел. А вот Малюта Скуратов, тот самый инквизитор, палач, Держинский XVI века, тоже был незаурядным полководцем. Он мог бы и в Риме сделать карьеру, в свободном обществе, при республике, но республики не случилось. И он делает карьеру в опричнине. Что такое опричнина, я вам рассказывать не стану, вы все ее знаете по фильму Эйзенштейна. Ее права были всеобъемлющи. Против опричника не принималось никакое свидетельство. Это все равно как если бы несчастный советский гражданин, где-нибудь в 38 году, пошел куда-нибудь жаловаться на НКВД. Нетрудно себе представить его судьбу.

Они могли делать все, что угодно. На них жаловаться было никому нельзя. И хотя формально в опричнине было не так много земельных владений, всего какие-то 34 волости, вроде бы царский удел, царь быстренько их переделал, и земщина оказалась на положении колонии.

Впервые тогда была применена массовая ссылка. Зимой, пешком, без теплой одежды, тех земцев, которые оказались на опричных землях, переселяли в другие места, чтобы освободить для опричников эти владения. Буквально по этапу. Возникает первый этап. Все это случилось во время царствования Ивана Грозного. Потом это во время коллективизации будет повторяться. Первое переселение народов, пока еще в малых масштабах, это переселение из опричнины обратно в земщину (из тех волостей, которые Иоанн себе выделил). Это XVI век, 1564 год. И если о Иване Третьем наш Алексей Константинович Толстой отзывается сдержанно, то он очень ядовито пишет об Иване Васильевиче, благо это все во времена Александра Освободителя уже было можно.

Иван явился Третий. Он говорит: "Шалишь!
Уж мы теперь не дети" - послал татарам шиш.
И вот земля свободна от всяких зол и бед,
И очень хлебородна, но все ж порядка нет.
Настал Иван Четвертый. Он Третьему был внук.
Калач на царстве тертый и многих жен супруг.
Иван Васильевич Грозный ему был имярек
За то, что был серьезный, солидный человек.
Приемами не сладок, но разумом не хром,
Такой завел порядок, хоть покати шаром.
Жить можно бы беспечно при таком царе,
Но ах! Ничто не вечно! И царь Иван умре.

На самом деле это была очень страшная эпоха, потому что именно тогда человек на Руси доходит до полного ничтожества. Иван Васильевич в звездный час автократии так втоптал человека в грязь, что он не опомнился до сих пор.

Если Иван Третий создал основы этатизма и тоталитаризма, то аура тоталитаризма, его духовная сущность, конечно, создаются страхом. Иван Четвертый создает страх, вечный страх, что ночью к тебе кто-то постучится. Сначала - опричники, потом - ВЧК, потом - НКВД, потом - КГБ и дальше прибавляйте сами, кто еще может постучаться. Рождается совершенно новая формула власти. Рождается она в знаменитой переписке Иоанна с Курбским.

Прежних друзей Иоанн не сохранил, когда решил идти по пути автократии. Никакой Избранной Рады не осталось, Сильвестр и Адашев были сосланы; слава богу, что они были сосланы достаточно рано. Иван просто о них забыл. Если бы он о них вспомнил, они были бы казнены самым ужасным способом. А они тихо умирают своей смертью. Он уже и не помнит о них.

А вот идеи диссидентства получают на Москве новое развитие.

Здесь развилка. Здесь рождается западничество, и здесь рождается славянофильство. Здесь рождаются Соппротивление и Эмиграция. Два диссидента XVI века, два блестящих диссидента - митрополит Филипп Колычев и Андрей Курбский - идут совершенно разными путями. Они оба были умными людьми, и оба понимали, что рассчитывать не на что. Но они выбирают разные дороги. Когда Курбский видит, что начинается на Руси, и что жить на Руси больше нельзя, не будучи холопом, он понимает, что надо или просто бежать, или идти на казнь. На казнь идти не хочется, нет смысла. Он считал, что нет смысла, он не был трусом. Он думал, что кроме рабов, никто это не увидит и не оценит. Никто не поднимется. Ему не хотелось доставлять удовольствие Иоанну. И тогда он перебегает вместе со всеми своими полками (теми, которые захотели с ним идти: кто не захотел, те были разбиты, потому что он привел их в литовское окружение). Он перебегает в Литву. Конечно, его с большим удовольствием принимают вместе с войсками. Он пишет историю царствования Ивана Четвертого. И начинается эта переписка. Четыре письма Курбского и два письма Иоанна. Совершенно замечательные свидетельства. Там есть формула власти: московской власти, будущей советской власти, формула московской Орды: "Я, князь и великий царь всея Руси, в своих холопах волен". Вот отныне формула власти. Все на Руси холопы. Все - собственность, все - прислуга Великого Князя или царя, но не граждане. Нет граждан, есть холопы. И он в них волен. Нет законов, нет ограничений, нет никакого общественного договора, нет никакой Конституции. Вообще ничего нет. Кстати, его переписка с Елизаветой Английской тоже наводит на очень грустные размышления.

Когда Елизавета ему через посредников передает, что ее брак с Иваном Васильевичем должен быть не только ею решен и заключен, но еще нужно, чтобы на это согласились палата Общин и палата Лордов, чтобы купечество не было против, - Иван чувствует себя оскорбленным в своих лучших чувствах. Он ей пишет: "Я-то думал, что ты полная государыня в своих волостях, а ты, как пошлая девка, советуешься со своими подданными". То есть идея общественного консенсуса и некоего ограничения власти даже его шокирует. Никакого ограничения дальше не будет до самого конца. А когда оно возникнет, уже некому будет воспользоваться этим ограничением, потому что привычка - это душа державы. И если кто-то вырос в рабстве, и отцы его, и деды выросли в рабстве, то пока не известны механизмы, способные насильно освободить раба, который своим рабством доволен и увлечен. Здесь вольную написать мало. Вольная не делает раба свободным человеком, она делает его вольноотпущенником, и он далеко от клетки не уйдет, к сожалению. Мы это все сполна сейчас переживаем.

Но тогда, в XVI веке, никого и не собирались из клетки вы пускать. Тогда, в XVI веке, Курбский бежит в Литву и, между прочим, поперек его пути становится мой предок Михаил Новодворский. Он был воеводой в Дерпте. По сравнению с Курбским он был незнатным человеком. Он был простым служилым дворянином. Он не был князем. Дворянство котировалось ниже, у

него не было такого состояния. Хотя независимость состояния Курбского тоже была проблематична. Ведь это автократия, это не абсолютизм. При желании царь мог отобрать вотчины. Но он просто не успел. Курбский ушел в Литву. Вотчины царю достались, а Курбский не достался.

Михаил Новодворский был очень своеобразным человеком. Он знал, что князь замыслил по тогдашним стандартам (да и, наверное, по современным тоже) государственную измену. Потому что он же не сам ушел, он увел войско, и он поставил войско в литовское окружение, так, чтобы литовцы могли его разбить. То есть по нашим нынешним представлениям он был Власовым. Что-то вроде этого. Проще было донести. Но Новодворский не пошел доносить. Он отправился уговаривать князя, чтобы тот одумался. Князь даже разговаривать с ним не стал. Тогда Михаил Новодворский достал шпагу и вызвал его на дуэль. А поскольку он был более слабым фехтовальщиком, чем Курбский (и он это знал), то Курбский его убил и ушел в Литву. Так он разрешил эту коллизию. Доносить не пошел, но лично воспротивился. Вспомнил ли потом об этом Курбский, неизвестно. Но в Литве ему не было сладко. Он там не прижился. Он не нашел там себе места, хотя это была свободная страна. Ему были пожалованы земли, уж эти-то земли никто не мог отобрать. Он не был там счастлив, потому что он все время думал о том, что происходит на Руси. Уж какое там счастье, если дома Содом и Гоморра. И эта переписка, все четыре письма, доказывает, что счастлив он не был. Наверное, большее счастье выпало на долю Филиппу Колычеву, который никуда не поехал, а в Казанском соборе, среди массового скопления народа, просто оскорбил Иоанна. Обличил его публично. Чуть ли не отлучил его от Церкви. Произнес немыслимые тогда слова. Он ведь тоже был просвещенным человеком, таким же, как Курбский. Курбский по своим убеждениям был законченным западником, он знал латынь, он и говорил больше на латыни и по-польски. Он знал французский язык. А Филипп Колычев у себя на Соловках устроил некоторое государство в государстве. Он там создавал библиотеки, парники, книгохранилище. Он дыни стал выращивать на Соловках. Он вдобавок был мичуринцем. Он реформу монастыря провел. Там стали выбирать экономов, выбирать иерархов. Он тоже был республиканцем. Но он выбрал путь Сопротивления. Поджечь что-нибудь скорее - и погибнуть. Понятно было, что произойдет. Но он действительно на следующий день попадает в заключение. Так просто казнить Митрополита было нельзя. Уже тогда были некоторые ограничения. Народ был безумно набожен, до остервенения. И на глазах у всех казнить святителя Церкви, бывшего к тому же главного иерарха, - это было бы плохо для самого Иоанна. Он на это не пошел. Поэтому Колычева казнят позже, когда Малюта Скуратов отправится брать Новгород по второму разу, хотя там брать уже было нечего. По дороге он заедет и убьет Филиппа Колычева, причем сделает это так, как будто он угорел, то есть его задушат. Такой бюллетень для народа издадут, что он угорел, печку перетопили. Сначала Малюта выяснил, не одумался ли Митрополит, нельзя ли вернуть его на Москву, попросил его благословения. Филипп ему отказал. Он сказал, что для доброго дела он готов дать благословение, а для злого - нет.

Поскольку царь московский и все его клеветы никогда не ходят по добрым делам, то никакого благословения он не получит, а проклятье - пожалуйста. После этого ответа понятно, что было.

Филипп Колычев, по крайней мере, погиб быстро. Он не увидел того, что было с Русью. А смотреть на это действительно было прискорбно и очень тяжело. Легче было сразу умереть.

Этот протест не имел абсолютно никакого резонанса. Другие иерархи Церкви не стали подписывать письма в защиту Митрополита Филиппа. Не возникло никакого Движения, как после ареста Даниэля и Синявского. Никто не попытался за него заступиться. Народ московский восстания не устроил. На манифестацию не пошел. Глухо и просто. Удушили - и круги по воде даже расходиться не стали. Как в омут. Отныне все протесты на Руси будут падать в омут, и эти волны будут смыкаться. Волны этатизма. Но глоток свободы, личный глоток свободы он получил. Он, кстати, не хотел быть Митрополитом, он много раз отказывался. Он понимал, что за личность Иоанн. Он только с тем условием согласился, чтобы тот оставил за ним право печалования, то есть право заступничества, право помилования, как за комиссией Анатолия Приставкина. Это право было очень быстро у него отобрано.

Конечно, поступок Курбского более спорный, чем поступок Филиппа Колычева, и он вдохновил Олега Чухонцева на совершенно замечательное стихотворение, которое так и называется: "Повесть о Курбском".

Еще Полоцк дымился от крови и смрада,
Еще дым коромыслом стоял в слободе,
Еще царь домогался злодейств и разврата,
А изменник царев, как на Страшном Суде,
Уже смелую трость наострил на тирана:
"Аз воздам", - и пришпорил язвительный слог,
И на угольях, дабы озлить Иоанна,
Как на адском огне, пламя мести зажег.
О, так вспыхнула речь, так обрушилось слово,
Что за словом открылся горящий пролет,
Где одни головешки чернеют багрово,
Да последняя голь на избитье встает.
Вот он, волчий простор! Месть людей да людишек,
Но безлюдье гнетет, как в нагайских степях.
Тот испанский сапог натянул, аж не дышит,
Этот русский надел, ан и тот на гвоздях.
Все остро, нет спасенья от пагуб и пыток,
Все острее тоска, и бесславье, и тьма,
А острее всего этот малый избыток
Оскорбленной души и больного ума.

Но да будет тирану ответное мщение,
И да будет отступнику равный ответ,
Чем же, как не презреньем, воздать за мученья,
За мучительства, коим названия нет.
Ибо кратко воздается за помыслы наши,
В царстве том я испил чашу слез и стыда,
А тебе, потонувшему в сквернах, из чаши
Пить да пить, да не выпить ее никогда.
О тебе говорю, потонувшему в сквернах,
Слышишь звон по церквам? Он сильнее да сильнее,
За невинно замученных и убиенных
Быть позором Руси до скончания дней.
Князь глядит, а в лице у него ни кровинки,
И такая зола, что уж легче бы лечь
Головой на неравном его поединке,
Чем живым на бесчестие душу обречь.
Только вздрогнув, взмахнула дурная ворона
Опаленным крылом, и указывал взмах:
Уповать на чужбину, читать Цицерона,
Чтить опальных друзей и развеяться в прах.
А когда отойти, то оттуда услышать,
А когда не услышать, то вспомнить на слух,
Как надсадно кричит над литовскою крышей
Деревянный резной ярославский петух.

То, что в Польше издаст Курбский, можно считать первой частью "Архипелага ГУЛАГ". Царствование Иоанна Грозного - это в какой-то степени предвосхищение Архипелага. Только имена другие, количество жертв другое, но методы те же - и стилистика та же.

Зачем Иоанн Грозный брал Новгород, который был ему вполне покорен? Ему донесли, что там измена? Какие действия предпринимает царь? Он что, наряжает следствие, кого-то допрашивает? Нет! Туда являются войска. Он просто берет свой собственный город и начинает расправу. Без различия гибнут бояре, купцы, простые горожане. В течение недели Волхов течет кровью. Фактически половина горожан будет утоплена, замучена, сожжена прямо на берегу Волхова при царе. Тактика выжженной земли. Геноцид. Первый геноцид на Руси - это Иван Васильевич Четвертый.

То же самое произойдет с Тверью. Там не осталось ни одного старинного собора. Вы спрашиваете, почему? А потому, что в XVI веке Тверь была взята собственным царем. Зачем ему это было нужно?

Он хорошо понимал, что такое автократия. Он хорошо понимал, что такое этатизм. Человека не должно было быть. Должно было остаться одно

государство. И он добился своего. Когда во время одной из московских казней понадобились зрители, зрителей не нашлось, ни одного человека. Царь страшно возмутился, почему никто не хочет на такие интересные вещи смотреть. И он послал гонцов. Оказалось, что москвиты забились в погреба, в сараи. Они решили, что царь хочет извести все население Москвы. Вот чего они от него ожидали. И царю пришлось чуть ли не давать им поручную записку, посылать гонцов, обещать, клясться, что он им зла не желает, что он просто хочет, чтобы они посмотрели на то, как он казнит своих изменников, что их на этот раз казнить не будут. Вот какие отношения возникают между человеком и государством в это царствование. И так будет до самого конца, потому что такие вещи не проходят бесследно.

Государство внушает панический страх. И неповиновение этому государству невозможно.

Ведь он как возвращается из Слободы? Он мог бы оттуда и не вернуться. Это был рискованный выбор. Пан или пропал. В свободной стране он бы лишился престола. Вот царь ушел, отрекся. Взяли бы и Земской Собор учредили, выбрали бы кого-нибудь еще, того же Курбского. Но они же его принимают - и на каких условиях? Что он волен казнить, кого хочет. Своих изменников. Карт-бланш. Тех, кого он сочтет изменниками. Право на 37 год было дано обществом. Общество разрешило себя душить, казнить и грабить. Самое страшное из того, что произошло, - это то, что общество участвовало в звездном часе автократии. Общество становится собственным палачом. И лучше всех понял то, что произошло, тот же Алексей Константинович Толстой. Редкий, очень редкий человек, который в XIX веке понял то, что человечество сообразило только в конце XX века, после фашизма и коммунизма. Он создает фреску. Фреску национального русского характера, такого, каким он стал при Иоанне Грозном. Как бы государственного характера. Будут исключения, конечно. И Андрей Курбский, и Филипп Колычев. Но будет правило, и это правило станет действовать. Поэма называется "Василий Шибанов".

Князь Курбский от царского гнева бежал.
С ним Васька Шибанов, стремянный.
Дороден был князь, конь измученный пал.
Как быть среди ночи туманной?
Но рабскую верность Шибанов храня,
Свое отдает воеводе коня:
- Скачи, князь, до вражьего стана.
Авось я пешой не отстану.
И князь доскакал. Под литовским шатром
Опальный сидит воевода,
Стоят изумленно литовцы кругом,
Без шапок толпятся у входа.
Всяк русскому витязю честь воздает,

Недаром дивится литовский народ,
И ходят их головы кругом:
Князь Курбский нам сделался другом.
Но князя не радуем новая честь,
Исполнен он желчи и злобы,
Готовится Курбский царю перечесть
Души оскорбленный зазнобы.
- Что долго в себе я таю и ношу,
То все я пространно царю опишу,
Скажу напрямик, без изгиба,
За все его ласки спасибо.
И пишет боярин всю ночь напролет,
Перо его местию дышит,
Прочтет, улыбнется - и снова прочтет,
И снова без отдыха пишет.
И злыми словами язвит он царя,
И вот, уж когда занялася заря,
Поспело ему на отраду
Послание, полное яду.
Но кто дерзновенные князя слова
Отвезть Иоанну возьмется?
Кому не любя на плечах голова?
Чье сердце в груди не сожмется?
Невольню сомненья на князя нашли...
Тут входит Шибанов, в поту и в пыли:
- Князь, служба моя не нужна ли?
Вишь, наши меня не догнали!
И в радости князь посылает раба,
Торопит его в нетерпении:
- Ты телом здоров, и душа не слаба,
А вот и рубли в награжденье.
Шибанов в ответ господину: "Добро,
Тебе здесь нужнее твое серебро,
А я передам и за муки
Письмо твое в царские руки".
Звон медный несется, гудит над Москвой,
Царь в смиренной одежде трезвонит.
Зовет ли обратно он вечный покой,
Иль совесть навеки хоронит?
Но тяжело и мерно он в колокол бьет,
И звону внимает московский народ,
И молится, полный боязни,
Чтоб день миновался без казни.
В ответ властелину гудят терема,
Звонит с ним и Вяземский лютый,

Звонит всей опрични кромешная тьма,
И Васька Грязной, и Малюта,
И тут же, гордяся своею красой,
С девичьей улыбкой, с змеиной душой,
Любимец звонит Иоаннов -
Отверженный богом Басманов.
Царь кончил. На жезл, опираясь, идет,
И с ним всех окольных собранье.
Вдруг едет гонец, раздвигает народ,
Над шапкою держит посланье.
Тут прынул с коня он поспешно долой,
К царю Иоанну подходит пешой
И молвит ему, не бледнея:
"От Курбского князя Андрея".
И очи царя загорелися вдруг:
- Ко мне, от злодея лихого?
Читайте же, дьяки, читайте мне вслух
Посланье от слова до слова.
Поддай сюда грамоту, дерзкий гонец! -
И в ногу Шибанова острый конец
Жезла своего он вонзает.
Налег на костыль и внимает:
- Царю, прославляему древле от всех,
Но тонушу в сквернах обильных,
Ответствуй, безумный, каких ради грех
Побил еси добрых и сильных?
Ответствуй, не ими ль средь тяжкой войны
Без счета твердыни врагов сражены?
Не их ли ты мужеством славен,
И кто бысть им верностью равен?
Безумный! Иль мнишишь бессмертнее нас,
В небытную ересь прельщенный?
Внимай же! Приидет возмездия час,
Писанием нам предреченный.
И аз, иже кровь в непрестанных боях
За тя, аки воду, лях и лях,
С тобой пред Судьею предстану, -
Так Курбский писал к Иоанну.
Шибанов молчал. Из пронзенной ноги
Кровь алым струилася током.
И царь на спокойное око слуги
Взирал испытующим оком.
Стоял неподвижно опричников ряд,
Был мрачен владыки загадочный взгляд,
Как будто исполнен печали.

И все в ожиданье молчали.
И молвил так царь: "Да, боярин твой прав,
И нет уж мне жизни отрадной.
Кровь добрых и сильных ногами поправ,
Я пес недостойный и смрадный.
Гонец, ты не раб, но товарищ и друг,
И много, знать, верных у Курбского слуг,
Что продал тебя за бесценок.
Ступай же с Малютой в застенок".
Пытают и мучат гонца палачи,
Друг другу приходят на смену:
"Товарищей Курбского ты уличи,
Открой их собачью измену".
И царь вопрошает: "Ну, что же гонец,
Назвал ли он вора друзей наконец?"
- Царь, слово его все едино:
Он славит своего господина.
День меркнет. Приходит ночная пора.
Скрипят у застенка ворота.
Заплечные входят опять мастера,
Опять началась работа.
"Ну что же назвал ли злодеев гонец?"
- Царь, близок ему уж приходит конец,
Но слово его все едино:
Он славит своего господина.
"О князь, ты, который предать меня мог
За сладостный миг укоризны!
О князь, я молю: да простит тебе Бог
Измену твою пред отчизной.
Услышь меня, Боже, в предсмертный мой час,
Язык мой немеет, и взор мой угас,
Но жажду всем сердцем прощенья.
Прости мне мои прегрешенья!
Услышь меня, Боже, в предсмертный мой час,
Прости моего господина!
Язык мой немеет, и взор мой угас,
Но слово мое все едино:
За грозного, Боже, царя я молюсь,
За нашу святую, великую Русь,
И твердо жду смерти желанной". -
Так умер Шибанов, стремянный.

Мой Карфаген обязан быть разрушен

Лекция № 7. Море неясности

Идет XVI век. Век нашей национальной катастрофы. Мы попадаем в наезженную колею и едем. Едем по порочному циклу, по яновскому циклу развития России. Цикл состоит из трех стадий. Иногда стадии коротенькие, иногда - длинненькие, иногда это десятилетия, иногда это дни. Как повезет. Вернее, как не повезет. Потому что попасть в этот цикл, в астральное кольцо - большое невезение, а выбраться из него нам пока еще не удалось. Циклы отсчитываются с царствования Иоанна Грозного, хотя, в принципе, их можно отсчитывать с царствования Иоанна Третьего. Тогда у нас просто удлиняется первый цикл, первичный. Называется он "Звездный час автократии". Это апофеоз насилия, апофеоз несвободы. Это классика сначала авторитаризма, потом - тоталитаризма. В принципе, можно считать, что Иоанн Четвертый - это уже не авторитаризм. Авторитаризм - это Иоанн Третий.

Чем отличается авторитаризм от абсолютизма? Абсолютизм станет хрустальной мечтой российских реформаторов. Они будут видеть абсолютизм во сне. И когда Европа отвергнет абсолютизм в конце XVIII века, яростно взбунтуется против абсолютизма и будет брыкаться, лягаться и делать очень много лишних и ненужных вещей, чтобы избежать этого самого абсолютизма, для России абсолютизм будет недостижимым, сказочным сном. Потому что у нас будет не автократия, у нас будет тоталитаризм. Можно считать, что, начиная с Иоанна Четвертого Васильевича, у нас классический тоталитаризм, паровой каток.

Полное отсутствие экономической свободы. Полное отсутствие политической свободы. Можно считать, что это продлится до Александра Освободителя, то есть начиная с XVI века по XIX-ый (три с половиной века). Подольше, чем иго, похуже, чем иго.

Звездный час автократии сменяется Смутным временем. Когда перекутишь часы, пружина имеет сильный откат, она вылетает, скрежещет, все ломается. Другой полюс. Маятник в силу своего огромного размаха останавливается на полнейшей анархии, даже не на той, какую имеет в виду Монтескье, когда описывает стадию развития якобы персидского государства, а на самом деле европейского. То есть какие там персидские письма, какие там эллинские тирании на год-другой...

Итак, следующая стадия - Смутное время. То первое, которое считается тоже классикой - с 1598 года по 1613-ый. Первое, но не последнее Смутное время. И в общем-то даже не первое, если строго говорить, а просто самое длинное. Вплоть до пугачевского варианта в масштабах всего государства.

Если представить себе, что пугачевщина или разинские эксцессы охватили всю страну, как это было во время гражданской войны, то мы будем иметь классическое Смутное время. Двоевластие. Троевластие. Четверовластие. Дикое насилие. Полное отсутствие права. Полное отсутствие и экономической, и политической свободы. Очень много разных насилий на локальных территориях в сумме не дают одну свободу.

Это то же самое, что произошло с несчастными государствами СНГ. Когда порезали одного дракона на ломтики, оказалось, что ломтики, отрезанные от монстра, от Советского Союза, сохраняют все ведущие качества этого монстра. Никто никуда не ушел. И свобода не воцарилась ни в Средней Азии, ни в Белоруссии, ни даже в несчастной Чечне. Только те, кто не был частью монстра, страны Балтии, обрели свободу. А те, кто ее изначально не имел, путем нарезки на бекон никак свободу обрести не могли.

Это уж кому как повезло. Россия обрела максимальное количество воли, минимальное - обрел Туркменистан. Получилось то же, что и было, только порезанное на кусочки.

Это не решение вопроса. Смутное время не дает большего градуса и большей степени политической свободы.

Смутное время всегда кончается самым интересным, самым глухим, самым неясным периодом, в котором могут запутаться историки и политологи, в котором так же трудно ориентироваться, как в тумане. Смутное время не спутаешь ни с чем. Звездный час автократии - тоже. ВЧК спутать не даст.

А вот псевдоабсолютизм, последняя стадия, самая заманчивая, может показаться чем-то иным. Псевдоабсолютизм - это такая ситуация, когда кажется, что все идет на лад, что устанавливается правовое государство, появляются какие-то экономические гарантии, что вот-вот расцветет политическая свобода. Иногда даже появляются ее элементы (этой самой политической свободы). Кажется, распаивается астральный круг, и мы из этой колеи уже почти вылезаем.

Но это псевдоабсолютизм. Что-то захлопывается. Те самые кафкианские врата Закона, и мы попадаем обратно в это кольцо, в звездный час автократии, потому что псевдоабсолютизм - это иллюзорный выход. На самом деле в нем нет выхода. И опять поехали - до следующего псевдоабсолютизма.

Вот такой аттракцион в Парке Культуры имени Горького. Янов считает, что лучше всего выходить из астрального кольца где-то на уровне псевдоабсолютизма. А накапливать теоретические предпосылки и практические средства удобнее всего в Смутное время. Но почему-то никогда ничего у нас не получалось.

Итак, мы едем по первому кругу: Иван Третий, Василий Третий, Иван Четвертый - это у нас звездный час автократии. Очень сильно затянуты гайки. Должна быть какая-то разрядка, должна быть гроза. Слишком много в атмосфере накопилось электричества. И вот все спускается на тормозах. Очень короткое царствование Федора, причем для того, чтобы Федор был утвержден, хотя он был вполне законным наследником престола, пришлось собирать Земской Собор. Старшего сына Грозного, царевича Ивана, уже не было... Картина Репина "Царь Иоанн убивает своего сына Ивана" достаточно четко рассказывает о том, как прекратилась династия, как царь Иван сам подорвал основы своего же династического правления. Как Самсон, который завалил на себя храм. Но здесь он завалил на себя все государство. Несмотря на то, что и царевича Димитрия уже не было, пришлось прибегнуть к Собору. У нас остается один Федор. Вроде бы законный наследник. Но власть уже поколебалась. Авторханов. "Загадка смерти Сталина".

Наступает временное замешательство. Умирает тиран. Слухи, шепоты, козни, интриги, надежды. Можно считать, что Смутное время началось.

Первое Смутное время - это период, который наступает после царствования Иоанна Грозного. Янов берет крупные исторические блоки, он мелочами не занимается. Это не Ключевский и не Карамзин, чтобы так вылизывать историю. Он несколько схоластичен, поэтому такие мелочи, как несколько лет или несколько месяцев, он не берет в расчет.

Первое Смутное время - это еще и царствование Федора. Земской собор его утверждает. Можно считать, что Земской собор - это что-то вроде Генеральных Штатов, но именно что-то вроде. Это имитация Генеральных Штатов. Во-первых, на Земских соборах не присутствует население Руси и, впоследствии, - население России. Во Франции все это было очень четко продумано. Я уж не говорю про Британию, про представительство в Палате Общин, я не говорю о тех краях, где были выборы. Генеральные Штаты - это собрание нотаблей, это представительство от всей страны: из Лиона, из Тулона, из Тулузы приезжали в Париж депутаты. Железно отлаженный механизм. С бюрократией во Франции все было в порядке. Острый галльский смысл, организация. Римляне научили.

А у нас одно только московское народонаселение собиралось на Земской собор. Это Екатерина впоследствии созывает депутатов из всех краев. Можно считать, что наше первое Учредительное собрание - это тот форум, который соберет Екатерина для принятия своего Уложения, потому что и представители от национальных меньшинств, от народов Севера, как бы мы их теперь назвали, от этих самых пушкинских "ныне диких тунгусов и друзей степей калмыков", даже представители от эвенков появляются на этом Собрании. То есть отовсюду были созваны представители, и за этим строго проследили. Но Екатерина - это уже XVIII век. У нас же пока кончается XVI-й. Приглашают тех, кто под рукой. Москва - это все государство. Это, кстати, очень характерно для строения

Московской Орды: когда все решается в Москве, а регионы не имеют ни малейшего значения и не требуют пока никакого значения. В крайнем случае, взбунтуются, отложатся, кому-то передадутся, но легитимным путем требовать своих прав не могут и не умеют. Потому что этот легитимный путь вообще непонятен и не очевиден.

Происходит следующее. Представители разного населения Москвы, из тех, кто у нас есть под рукой: бояре, князья, дворяне, купцы, горожане московские судят о делах государства. Крестьян, естественно, не будет. Крестьяне к этому времени уже почти все закрепощены. Представительства от крестьян потребует Екатерина. Спасибо ей большое за это. Она первая додумалась до таких свобод, задолго до Александра Освободителя.

В общем, Земской собор - это такая тусовка, вроде заседания ОКДОРа, который у нас заседал в Мэрии из наличных демократических организаций (194 набралось в одной Москве!), перед ельцинским Указом 1993 года. ОКДОР - это в общем-то Земской собор.

Земской собор должен был прекратить шатание умов. Ну как же, умер Иван Васильевич! Это же конец света. Хорошо, что не было в это время никаких грузовиков, никакого Колонного зала, а то, если бы тело государя было принято публично выставлять, то наверняка задавили бы энное количество граждан, как на похоронах Иосифа Виссарионовича Сталина.

Возникает аналогичная ситуация. Что будет дальше? Конец света. Был государь, такой замечательный. Такой завел порядок, хоть покати шаром. Дальше-то что будет? Как жить будем? Потому что Федор имел в народе плохую репутацию. Добрый-то он добрый, но ведь добрых на Руси не слушались. Слабый царь. Это же страшно - слабый царь. Кто будет на нас ездить? Кто будет нас взнуздывать? Ведь ходили же в Александрову слободу, умоляли, хлопались там лбом оземь, умоляли, чтоб Иоанн обратно пришел. Нет, чтобы выбрать себе немедленно республиканское правление. Ушел - и слава Богу. Да нет, Иван Васильевич знал свой народ. Он знал, что будут плакать, будут рыдать и будут ломать руки.

Это потом повторится с Борисом Годуновым. О, Господи, кто будет нами править? Жить же нельзя, если нет какого-нибудь сатрапа. Привычка к рабству укоренилась до такой степени, что без рабства наступает ломка, как у наркоманов.

Доза наркотика необходима, без этой дозы наступает гибель организма. Полное политическое истощение - дистрофия, шизофрения, как в "Обитаемом острове" Стругацких. Помните, что было, когда отключили эти башни после взрыва, который устроил Максим. Когда отключаются башни с идеологическим пойлом, 20% населения вообще вымирает. Потому что это потребность организма, иначе они не выживают. И то же самое происходит у нас.

Итак, Федор утвержден. Федор править не мог. Добрые люди - это как раз та самая византийская традиция. Вторая половина византийской традиции. Из чего же состоит вторая половина византийской традиции? Мы ее мало видели на своем веку. Мы в основном видели того Кесаря, который вместо Бога. Мы видели насилие, пышность, несвободу, но у византийской традиции есть другая сторона медали, более привлекательная, та сторона медали, на которой - Борис и Глеб. Святые, но ни к чему не способные. Не способные защитить ни себя, ни других. Федор был как раз таким. Он вполне годился в святые, но абсолютно не годился в государи. Магическая религия. Магическое христианство. Когда для человека мирское уже не в счет. Главное - душу спасти. Ну а когда царь спасает свою душу, вместо того, чтобы спасти свою державу, - это ужасная ситуация. Пока Федор спасал свою душу, государством правил Годунов. И это был не худший вариант, он был отличным регентом. Это был наш Ришелье - и даже поболее Ришелье.

Можно считать, что после Избранной Рады второй период вестернизации наступает с Борисом Годуновым. Борис Годунов прекрасно понимал, чего на Руси недостает. Он отлично видел, что мы на стадионе остались одни. Все давно убежали вперед. Он хотел догнать. Он лихорадочно начинает устанавливать связи с Западной Европой. Просватывает свою дочь. Посылает туда посольство. Даже каких-то специалистов хочет пригласить. Он начинает даже народ задабривать. Начинает срочно его кормить, отдавать ему запасы. Заботится о народе, социальные программы создает. На уровне типичной классической социал-демократии. Годунов хочет реформировать дела правления. Войско хочет реформировать. Планов - море.

Скверное войско у Руси в этот момент, оно очень сильно отстает от западных, и это будет скоро заметно. В общем-то это проявилось уже при Иоанне Васильевиче. Военная мощь, которая во времена Дмитрия Донского была неоспорима, да и во времена Ивана Третьего - тоже, очень быстро куда-то пропала. Если уж воевода Семиградский Стефан Баторий, талантливый администратор и талантливый полководец, с крошечной Речью Посполитой, не имеющей фактически никаких материальных ресурсов, ухитрился разбить все российские полки, наголову разбить, до такой степени разбить, что бедный Иван Васильевич должен был писать ему покаянные письма и ссылаться уже не на военную силу (это трогательно, когда тираны ссылаются не на военную силу!), а на некое право и на Бога. "Ты поступаешь, мол, не по-христиански, посмотри, как ты нас бьешь, тебя Бог за это накажет". Правда, то, что до этого он в Ливонской войне пытался завоевать то, что Руси не принадлежало - Ливонию - да и ту же самую Польшу, он не учитывает. Но когда ему крепко дали по рукам, он немедленно сослался на Бога и на демократические категории. "Я держу свое государство, а ты держи свое, и это европейское право. А если ты к нам лезешь, то получается полное наше бесправие". Это классическая черта всех автократов, тиранов и всех национал-патриотов: когда им крепко дают по рукам, они срочно начинают любить демократию.

Когда они не у власти, они ее любят. Но как только они власть получают, у них немедленно любовь к демократии куда-то девается. Разбив Ивана Грозного наголову, Польша делает большое приобретение. Речь Посполитая отстояла не только свое, но чуть Смоленск не захватила. Он переходит из рук в руки. А мне это очень близко, поскольку мои предки имели имения именно в Смоленской губернии, именно в Смоленских областях. Так что мы то были подданными польского короля, то служили русскому царю.

Словом, в XVIII веке у Руси уже нет нормального войска. Нужна военная реформа. Вон когда еще она понадобилась... При Борисе Годунове! Он хотел ее провести. Только одно маленькое несчастье: Борис Годунов, возведенный на трон Земским собором, не чувствует себя исконным государем и очень нервничает, что и дает основание предположить разным драматургам, скажем, Пушкину, что он мог зарезать маленького царевича. Ибо если человек никого не зарезал, если за ним нет никакой крови, то почему он так нервничает? Почему он так не уверен в себе? Зачем Борису Годунову понадобилось портить реформаторское начало своего царствования - второй период реформ, вторую вестернизацию - зачем ему понадобилось учреждать охранку, нанимать шпииков, которые с утра до вечера вынюхивали, достаточно ли любят царя? Это была просто мания преследования. Ему казалось, что его не любят. И те меры, которые он предпринял, чтобы его любили, окончательно ликвидировали остатки любви к нему и в народе, и в боярах. Мыслимое ли дело посылать по домам специальную молитву, для того чтобы подданные, после того как они помолятся Богу на ночь или перед трапезой, молились в обязательном порядке за государя - именно по данному тексту? И чтоб всюду ходили шпионы и выясняли, а не говорят ли что-нибудь, не рассказывают ли анекдоты... Преследование за анекдоты ведется, начиная с Бориса Годунова. Дальше - больше. Подозрительность, мания преследования. Потом аресты сталинского характера, на всякий случай. А вдруг он изменит, а вдруг он собирается изменить. А вдруг этот боярин обиделся на то, что я его брата казнил, и тоже собирается изменить... В конце концов, никто уже не чувствует себя в безопасности, изменять собираются все, потому что жизни с реформатором Борисом Годуновым никому не стало. Конечно, когда человек ищет у себя под кроватью врагов народа, ему не до реформ.

Военная реформа сделана не была. Административная реформа замерзла на полпути. Земельная реформа тоже на этом закончилась. Мы ищем врагов. А поскольку соответствующие традиции уже были, после Ивана Третьего и Ивана Васильевича, то специалисты для этого охранного отделения находятся. Годунов учредил КГБ.

А тут вдруг Самозванец возникает. Кто он был такой, это вопрос для историков, а не для тех, кто занимается философией истории страны. Это совершенно неважно. Был ли он Димитрием? Скорее всего, Димитрием он не был по одной простой причине: характер Димитрия в детстве, отмеченный всеми

летописцами, был такой, что это не давало оснований предполагать, что он будет реформатором. У него был характер, как у Ивана Васильевича, и представление о своих божественных полномочиях - аналогичное.

Григорий Отрепьев, как удалось разнюхать, был совсем другим человеком. Это была наша Жар-птица. Это было бы огромное счастье для Руси. Потому что впервые планы реформ и намерения проводить реформы совпадают с соответствующей личностью, которая реально может и хочет их провести. Личность Иоанна Грозного никак не благоприятствовала планам Избранной Рады. Надолго его хватить не могло. Да и личность Бориса Годунова не подходила тоже. Недаром он был зять Малюты. А вот личность Григория Отрепьева, типичного западника, законченного прогрессиста (хоть сейчас его принимай в "Демократический выбор России"), благоприятствовала проведению реформ, причем самых глубоких. То, что он собирался сделать, могло бы спасти страну, если бы страна могла воспринять эту реформу. Но, к сожалению, отторжение чужеродных механизмов, организмов, органов было уже настолько сильно в те времена, что никакие пластические операции, пересаженные почки, западные сердца, печенки и селезенки прижиться уже не могли.

Григорий Отрепьев получил всестороннее образование, причем получал его сознательно: он знал, что ему нужно, чтобы вестернизировать Россию. Начитавшись разных хороших книг в монастыре, изучив греческий и латынь, он отправляется в Запорожскую Сечь, чтобы ознакомиться с военной демократией запорожских казаков и научиться военному искусству. Надо сказать, что он неплохо усваивает эти уроки. Затем он, совсем как молодой Петр, едет учиться на Запад. Это изначальный путь всех реформаторов. Без Запада уже невозможно было вытащить страну. Нужно было проходить эту начальную школу. Он изучает латынь, кончает что-то вроде тогдашней гимназии, он изучает историю, изучает право. И только тогда, когда он готов, когда он получил всестороннее образование, он открывается полякам. Это, конечно, была гениальная идея. Как умно и цинично он это все объясняет у Пушкина! Он был предлогом для ссор и войны. И поляки не упускают этот предлог. Он понимает, что без войны не обойдется. Но это издержки производства. Он на эти издержки идет. Даже если бы поляки получили кусок российской территории, все остальное огромное пространство было бы спасено. И, безусловно, этот кусок можно было бы потом получить назад. Потому что реформированная, богатая и цивилизованная страна получила бы право на свои законные пределы. Здесь нет никакой национальной измены, которую ему потом вменяют в вину московские горожане и московское купечество, Минин, Пожарский, казаки и черт еще знает кто. Это был холодный политический расчет, и этот расчет оправдался бы.

А наш Алексей Константинович Толстой описывает все это опять же очень жизнерадостно:

За ним царить стал Федор, отцу живой контраст.
Был разумом не бодр, трезвонить лишь горазд.
Борис же, царский шурин, не в шутку был умен,
Брюнет, лицом недурен, и сел на царский трон.
При нем пошло все гладко, не стало прежних зол,
Чуть-чуть было порядка в земле он не завел.
К несчастью, Самозванец, откуда ни возьмись,
Такой нам задал танец, что умер царь Борис.
И на Бориса место взобравшись, сей нахал
От радости с невестой ногами заболтал.
Настали тут казаки, поляков привели.
Поляки и казаки, нас паны бьют и паки,
Мы ж без царя, как раки, горюем на мели.
Чтоб трон поправить царский и вновь царя избрать,
Тут Минин и Пожарский скорей собрали рать.
И выгнала их сила поляков снова вон.
Земля же Михаила взвела на царский трон.
Случилось это летом, но был ли уговор, -
История об этом молчит до этих пор.

Вот так описывает Алексей Константинович Толстой Смутное время.

Выглядело это все, конечно, очень парадоксально для постороннего наблюдателя, но поскольку история у нас одна и жизнь - тоже, то для нас это была, конечно, трагедия.

Когда Григорий Отрепьев, сумевший обыграть всех панов, ничего не давший Польше, не сделавший ни одной территориальной уступки, является под Москву, умелой пропагандой и лазутчиками полностью подорвав могущество и уверенность в себе Бориса (а уверенности у него и без того нет было), Борис просто не может сопротивляться. Воеводы Бориса переходят на сторону Григория Отрепьева. Весь народ переходит на его сторону, и, конечно, готов кричать, как это принято у Салтыкова-Щедрина в "Истории города Глупова": "Вот наша матушка, вот наша государыня, теперь нам, ребятушки, вина будет вволю!" То есть если бы Григорий Отрепьев не был реформатором, если бы ему не нужно было спасать Россию, он мог бы действительно выкатить эту бочку вина и править спокойно до конца своих дней, и основать династию. Если бы он поехал по этой византийской колее. Но он не хотел ехать по этой колее.

Итак, у нас кончился псевдоабсолютизм Бориса Годунова. Первая половина царствования Бориса Годунова (крошечного царствования!) - это псевдоабсолютизм. Сейчас будет выход, ведь царь - реформатор, сейчас начнется абсолютизм. Нет, в это же царствование начинается звездный час автократии. Когда Борис устанавливает диктатуру, даже тиранию и начинает ссылать и казнить бояр, все уже рот открыть боятся. Бывает, что на одно

царствование приходится два цикла. Один и тот же монарх устанавливает и псевдоабсолютизм, и звездный час автократии. Они вообще не разделены. Они слиты в одном царствовании. И идет следующее Смутное время, которое уже без всяких разговоров продлится до 1613 года.

Маленькая надежда на псевдоабсолютизм будет выныривать, как рыбка из воды, показывать головку и тут же прятаться. Маленький псевдоабсолютизм, маленькая надежда возникнет, когда выборный монарх, почти президент, но только боярский, Василий Шуйский, взойдет на трон. Выборный царь, очень ограниченный во власти. Вдруг что-нибудь да получится. Не получилось. И царя низложили, и никакого прогресса не было.

Дальше идет Салтыков и его товарищи. Идея дворянской республики, идея конституционной монархии. Идея, которую некому было предложить. По сути дела, эту идею предлагали и Тушинскому вору, и Василию Шуйскому, и в общем-то чуть ли не Ляпунову, который вообще не имел никакой власти и никаких прав на престол. Идея была, предложить ее было некому.

Тут еще раз выныривает рыбка, еще раз показывает головку, наша летучая рыба-случайность. Вариант с царевичем Владиславом. Вариант, что на российский престол взойдет, оставляя Русь вполне православной, но проводя реформы, иноземный государь, и возникнет расширенная Речь Посполитая, включающая в себя не только Польшу и Литву, но еще и Россию.

И все эти варианты абсолютизма на потенциальном уровне захлебываются, пока у нас не наступает ровная скучная линия жизни, которая проходит по царствованию Михаила и Алексея Михайловича.

Но это мы очень сильно забежали вперед по гребням волн. А если вернуться и посмотреть на Григория Отрепьева, последний раз посмотреть на то, что у нас могло бы быть, на то, что не случилось, на это великое Несбывшееся, которого нам не было дано?

Григорий не медлит. Он начинает делать все сразу и начинает это делать совершенно блестяще. Он привозит с собой иностранную супругу, Марину Мнишек. Чем была Марина хороша? Она была красива. Она была вздорная и пустая и никак не годилась для того, чтобы реформировать Русь. Она была хороша другим. Она была хороша тем, что просто жила иначе. Она выросла в других условиях. Она привыкла к жизни в свободной стране, при конституционной монархии. Она привыкла к балам, к маскарадам, к полному отсутствию Домостроя, к эмансипации, к феминизму. Она привыкла к тому, что устраиваются турниры, выбираются короли, и эти все она несла в себе. Конечно, это был эффект взорвавшейся атомной бомбы, когда Марина явилась к этому косному византийскому двору; Димитрий даже не требовал, чтобы она

приняла православие, и она сохранила своих священников, которые вместе с ней прибыли на Русь, и польских панов из ее свиты.

Польские дворяне дают разумные советы, потому что в Московии они видят дикие вещи. Они, конечно, советуют Марине, советуют и Димитрию. Димитрий уже в общем-то не нуждается в советах, он и сам того же хочет. Полностью реорганизуется светская жизнь. Несчастный Димитрий пытается устраивать в Москве балы и маскарады. Можете себе представить, как на это реагирует московское народонаселение.

Петр был не первым царем, которого обозвали Антихристом. Первым был Григорий Отрепьев. Маскарад, снежная крепость. Взятие снежного городка, игрушечные бои, турниры, дуэли. Конец света наступил. Антихрист на Руси. Только Раскола еще не было, а то побежали бы в скиты и стали сжигаться.

Дальше - полный скандал. В мыльню они не ходят, то есть в баню не ходят вместе. Димитрий с Мариной ходят мыться по отдельности, ванну принимают. Она еще ванну с собой приволокла из Варшавы. Разврат. Не ходят вместе в мыльню! В церковь мало Димитрий ходит, заглянет, перекрестится, меньше даже, чем Черномырдин там стоит. У него есть дела, ему не до того, а в храме - тоска зеленая. Скандал полный. Царь должен был все службы отстаивать, ему и править-то было некогда. Реформы некогда было проводить, потому что он все время в храме околачивался.

После Ивана Васильевича, который по ночам молился, казнив очередную тысячу несчастных, ни в чем не повинных подданных, да в рясы всех палачей-опричников подевал (а Федор вовсе не выходил из церкви), на Москве появляется такой агностик. Как можно было это перенести? Как можно было перенести то, что он сделал с боярами? Ладно там народ. Народ недоволен, народ ропщет, хотя народ опять-таки подкармливают. Опять-таки находят какие-то ресурсы, что-то раздают. Димитрий даже додумался до освобождения крестьянства, задолго до Александра Второго. Просто все попытки объясниться с выборными от крестьян, найти даже каких-то выборных, упираются в полную неспособность крестьян кого-то выбрать. Он дает задание боярам. Бояре не знают, что делать, они ему притаскивают первых попавшихся крестьян. Потому что бояре тоже не понимают, как это крестьяне должны кого-то выбирать. Конец XVI-го века, начало XVII-го. Крестьяне и вовсе не понимают этого. И что получается из разговора? Крестьяне только бьются лбом об пол и говорят, что они для батюшки-царя рады постараться. Никакого диалога не вышло. Он им втолковывает про освобождение, спрашивает, хотят ли они жить независимо, без барина, они же не понимают, о чем он говорит. Просто не понимают. Он говорит о каких-то вариантах земельной реформы, о правилах землепользования. В общем, это даже хуже, чем у Чайнова получилось. Уровень Вавилова - и уровень юродивого Николки.

Вот такой идет разговор. С боярами еще хуже. Крестьяне хотя бы рады плюхаться на пол и биться головой. Ладно. Народ пока еще падает вдоль царского поезда, пока они еще не готовы бунтовать. Все бунты, все Смутные времена на Руси обязательно начинаются сверху. До сих пор это так и идет: когда в эту квашню с народным брожением что-то бросают, подсыпают, помешивают, как-то организуют эту массу, то она догадывается, что, похоже, можно браться за колья, за заточки, за топоры. Идти на Смоленскую площадь, поджигать шины. Одни они и до этого додуматься не могут. Для народного бунта нужно, чтобы в нем поучаствовал кто-то сверху, для правильной организации народного бунта нужны разночинцы. Иначе и бунта не получается. Толпа - это абсолютно не осознающая себя масса.

Значит, для того, чтобы устроить восстание, скинуть Григория Отрепьева, изменить ход вещей, полностью все замутить, нужны бояре. А боярам то чего надо? Что получается с боярами? Боярам, по идее, очень хорошо. Потому что Григорий - добрый человек, европеец, западник, казнить он никого не собирается, отменяет пытку. Заметьте, задолго до Екатерины. Екатерина отменит пытку на Руси в XVIII в. Григорий ее отменяет первый. Отменяет казни, опалы отменяет, всех возвращает. Кажется, просто нужно пировать с утра до вечера и благословлять такого монарха.

Он приходит в Боярскую Думу и начинает ее реорганизовывать по принципу Палаты Лордов. И несчастные бояре тоже не понимают, чего от них хотят. Он начинает им читать нотации. "Вы ничего не понимаете в государственных делах. Вы не можете мне никакой совет подать. Вы сидите там, брады уставив". Царь начинает задавать им нескромные вопросы, опять-таки насчет управления, землепользования. Сует им латинские книжки. Велит латынь учить. Лучше опала, чем требование срочно пойти и окончить РГГУ или Физтех. Этого бояре совсем уже перенести не могли, тем более, что ларь ведет себя настолько нетрадиционно, даже почище Петра. Правда, Григорий не пьет. Не пьет и не безобразничает. Все проходит в светском версальском варианте. Но Петр головы рубил, после чего народ полюбил просвещение. По крайней мере, сделал вид, что любит. И бояре даже не возражали, когда им бороды отрезали. Григорий не режет бороды. Он просто показывает им картинки из книжек и говорит, что они выглядят как троглодиты. Они не понимают, что это за слово, но чувствуют, что не нравится царю их внешний вид. Для того чтобы подкрепить просвещение, к сожалению, казни нужны. А Григорий - законченный гуманист, он решительно не хочет никаких казней.

Дело кончается заговором. Первым заговором против Григория Отрепьева. Очень мало времени потребовалось на этот заговор. И в числе заговорщиков был сам будущий царь Василий Иванович Шуйский. Заговорщиков на Руси полагается пытать и казнить. Пытать и казнить - других вариантов не придумано. А здесь Григорий учреждает европейское следствие, включая польских дворян, которые с ним приехали. Без всяких пыток, очень вежливо.

Вплоть до европейской формулы: а не хотите ли адвокатов иметь? Этих слов он не произносит, но предлагает, что ежели кто может вас защитить, свидетельствовать в вашу пользу, зовите, будем проводить следствие вместе с ними. Это настолько шокирует обвиняемых, что они дыбу уже готовы предпочесть такому способу расследования.

Дальше их надо судить. Суд препоручается будущему Сенату, то есть Боярской Думе, которую Григорий уже и называет Сенатом. Но сенаторы рады стараться, приговаривают к смертной казни. Как еще доказать свою лояльность? И на Лобном месте Григорий всех милует. Всех заговорщиков. Вы думаете, они ему благодарны? Да ни на грош. Они затаили дикую злобу и готовы мстить именно поэтому. Они ничего не поняли, но они почувствовали, что их раздавили. Они почувствовали себя такими маленькими, жалкими, гаденькими по сравнению с этим человеком, что им стало втрое необходимо доказать, что это не царь, не царский сын, что это какой-то самозванец.

Им это было необходимо, чтобы забыть об этом великодушии, об этом благородстве, об этой образованности, об этой высокой культуре. Они увидели кусочек Запада. Запад пришел на Русь вместе с Димитрием. Щедрый, изысканный, великодушный, благородный, просвещенный. И контраст был настолько нестерпим, что ненависть усилилась. Вместо того, чтобы искренне и честно признать свое поражение и поучиться, после этой очной ставки Русь разбивает зеркала, и железный занавес становится сознательным выбором страны. Не навязанным ей сверху явлением, а выбором. И самое страшное, что это добровольный выбор страны снизу доверху. Бояре и народ сливаются в экстазе национал-патриотизма. Можно считать, что поскольку народ был скорее красным, а бояре - скорее коричневыми, что тогда и возникает первый симбиоз красно-коричневых.

Возникает первое народное восстание против либерализации, приватизации, вестернизации, против западного влияния, против Григория Отрепьева. А поскольку Григорий не прибегает к репрессиям, шансов у него нет. Те, кто вчера еще кричали: "Да здравствует Димитрий, наш отец!", - сегодня кричат, что он вор, Гришка Отрепьев. Иначе нет оправдания бунту, нет ему идейного обоснования. Удержаться фактически невозможно, когда против тебя все: и войско, и бояре, и народ. Время, впрочем, было, для того чтобы запугать, для того чтобы это остановить. Теперь это время ушло. Григорий-Димитрий пытается сопротивляться. Он сопротивляется до самого конца, но сделать он уже ничего не может. То, что начинается в Москве, можно назвать погромом. Убивают не только Димитрия. Предают его все те, кто вчера в его возвышении видел начало своей карьеры. Даже Мария Нагая, которая ухитрилась узнать в нем своего сына, для того чтобы переехать из заштатного Углича в Москву и стать матерью государя. Сейчас она считает, что такой сын ей больше уже не нужен. Чувствует, что это царствование кончится очень плохо, и, естественно, от него отрекается. Возникает следующий нравственный вопрос. Считала ли она

его своим сыном, и не было ли это с самого начала политическим выбором? Все - политиканы, вплоть до Марии Нагой. По всей Москве избивают ни за что ни про что поляков. Их довольно много на Москве. Они свободно живут в домах. Никого не оскорбляют, никого не трогают, занимаются своими делами. Начинается погром. Погром против космополитов. Не надо никакого Иосифа Виссарионовича, и никаких приговоров не нужно. В народе возникает трепетное движение: долой космополитов! Космополитов горожане видят только в поляках, других иностранцев мало на Руси в этот момент. Поэтому избивают поляков.

Кое-кто из бояр сообразил, что, если Польша двинет свои войска на Москву, то не только Смоленск, но и Москву захватят. Военную реформу опять не успели провести. Димитрию не дали на нее времени. Поэтому бояре спасают Марину и ее ближайшее окружение, посылают их обратно в Варшаву, но до Варшавы они не доехали.

Смутное время пошло по второму кругу: появился Тушинский вор. Это был просто ловкий авантюрист, некий Герострат, этаким Жирик. Он решил, что самое время получить какие-то дивиденды. Что если некто назвался царем и в Кремле посидел, то и он может царем назваться, потому что получится у него нисколько не хуже.

Много претензий, совершенно нет образованности, нет никаких реформаторских намерений. Но самое интересное - это то, что некоторые бояре признают Тушинского вора, который уж точно никакой не царский сын и даже не приличный человек из общества, и из его рук получают кто землю, кто вотчины. Полный конец света. Бояре, понимая, что ситуация пошла вразнос, избирают Василия Шуйского на царство. Василий Шуйский делает подкрестную запись, что он обязуется ни на кого опалу не класть, что он будет править по старине, по закону, что его власть будет ограничена мнением всех бояр в Боярской Думе. То есть, по сути дела, он избирается в президенты. В спикеры Боярской Думы и одновременно - в Президенты. Конечно, избирается он в президенты только боярами. Все остальные в выборах не участвуют, а в очередной раз стучаются лбами.

Участие народа в общественных делах отныне и очень надолго будет проявляться в двух формах. Можно сказать, что эти две формы доживут до XIX века в полной сохранности. Или мы участвуем в общественном управлении с топором, или (другая степень участия) лбом стучаемся. Или на коленях и бьемся головой оземь - или с топором. Других вариантов нет. Два варианта правового конституционного поведения. Это и есть то общественное самоуправление, к которому нас все время призывает Александр Исаевич Солженицын?

С Шуйским получилось плохо. Ситуация крутая. Он же - слабый человек, в отличие от своего дяди Ивана Петровича. Он не удерживается. У него нет авторитета. И в конце концов его Ляпунов постригает в монахи.

Здесь является еще одна общественная сила. Являются казаки. Откуда взялись казаки? Казаки почувствовали, что пахнет жареным. Можно пограбить под видом того, что они защищают родной столичный град от иноземцев, можно погулять, можно что-то перехватить. Они немедленно, так же как сегодня, объявляют себя патриотами. Самыми большими патриотами на всей Руси. И вот здесь они уже грабят в силу своего патриотизма. И чем больше кричат о своем патриотизме, тем больше грабят.

С одной стороны у нас казаки, с другой - очумелые бояре, с третьей стороны - Тушинский вор, и есть еще Василий Шуйский. Четверовластие. Являются какие-то атаманы, неважно какие, их много в этот момент. Устраивают бунты. По сути дела, в стране пяти или четверовластие. Махновцев только не хватает.

В это время Польша, видя такое разложение и такую дестабилизацию, искренне пытается помочь. Потому что иметь такую страну под боком ей вовсе не улыбается. Она пытается разумно стабилизировать Русь. Предлагает свой вариант, видя что здесь все полностью запутались. Король Сигизмунд действует искренне, не потому, что хочет что-то захватить, а потому что иметь такое соседство (даже без атомного оружия) неприятно. Казаки грабят, и грабят они не только Москву, но и Польшу. На них никакой управы нет.

Тушинский вор время от времени тоже себя патриотом объявляет и говорит, что на Варшаву пойдет. Ляпунов тоже собирается в этом направлении. Зачем такая головная боль? Король Сигизмунд с большой долей иронии предлагает своего сына королевича Владислава. Поскольку, кажется, на Руси все законные государи перевелись. Причем предлагает самые роскошные условия. Никто не будет обращать Русь в католичество, королевич Владислав примет православную веру, Польша никак не будет подчинять себе Русь, Русь сохранит свои законы. Естественно, была бы медленная эволюционная вестернизация. Еще один выход нашелся. Григория Отрепьева нет в живых, но появляется выход в виде королевича Владислава. И здесь один из моих предков, рыцарь Мальтийского ордена Новодворский, польский дворянин (поскольку Смоленск в это время принадлежит Польше, и смоленские области числятся за ней), является на Москву с посольством от Сигизмунда просить престол для королевича Владислава. Часть бояр соглашается, потому что не видит выхода. Все-таки законный государь, все-таки у Польши великолепная армия. Помогут как-то унять казаков, здесь уже и народ начал грабить, взялся за топоры, то есть ситуация полной дестабилизации. А часть бояр не согласна.

Начинается гражданская война между боярами. И вот появляется Салтыков. Более неподходящего момента просто представить себе нельзя. Что поделаешь,

если он живет в это время. Небогатый дворянин, незнатный, но образованный человек, который тоже учился в Польше и имеет самые светлые идеи насчет вестернизации Руси. Он предлагает многоступенчатую конституционную реформу. Предлагает конституционную монархию. Настоящую Конституцию. Предлагает военную реформу. Предлагает административную реформу. Предлагает освобождение крестьян. Предлагает общественное самоуправление с боярского до крестьянского уровня. То, что впоследствии сделает Александр Второй, предлагает Салтыков. Запомните эту фамилию.

У него ничего не получилось. Его даже слушать было некому. Слушали его только при польском дворе, они рады бы все это внедрить, да найдите, пожалуйста, способ. В Москве никто его слушать даже не стал, тем более что он не входил в Боярскую Думу. Значит, по чину ему проекты сочинять было не положено. Нет на Руси в этот момент абсолютизма, но есть сильнейшая бюрократия, есть иерархия, есть табель о рангах. И если ты не занимаешь никакой должности при дворе, если ты не окольный, не боярин, то что бы ты ни предлагал (даже если ты знаешь, где золотые прииски), все равно никто тебя слушать не будет, и никто твои проекты (что "500 дней", что "800") не будет рассматривать. Эта ситуация с Салтыковым очень современна, потому что когда Константин Боровой в 1993 году кому-то в правительстве стал что-то советовать, ему ответили буквально следующее: почему мы должны вас слушать? Вы сначала должность какую-нибудь займите в правительстве, а потом мы вас послушаем.

Ситуация эта кажется вечной. Колея предполагает вечность. Астральный путь развития означает, что будут меняться костюмы, прически, даже термины, но не будет никогда меняться суть. И вот суть не меняется с тех самых пор. Кстати, казнь царевича Алексея тоже не была первой казнью на Руси. Это было нехорошей традицией: изводить всех недругов до конца, под корень. Между прочим, предложения Пестеля сводились ведь не только к убийству государя, но и к уничтожению всей царской семьи. Так что это был проект вполне ленинский, хоть и до Ленина. Но в первый раз это случится в Смутное время. Дело в том, что Марина из авантюризма и из-за большой глупости явится к Тушинскому вору, просто чтобы быть царицей, хотя бы формально. У нее будет ребенок, сын. И когда начнется потихоньку консервативная реставрация, когда Минин и Пожарский начнут убивать поляков и казаков и устанавливать какой-то порядок, для того чтобы больше не было Смуты, этого трехлетнего ребенка по приказанию Боярской Думы казнят. Трехлетнего ребенка повесили, хотя никакой опасности он представлять не мог и никаких прав на престол он, безусловно, не имел. А Самозванцу и права не нужны. Самозванец и без всяких прав будет претендовать на престол. Пугачев не был царем Петром Федоровичем и никаких царских знаков у него не было. Поэтому казнь малыша была бесполезной, дикой жестокостью. Тем не менее они это сделали. Боярская Дума ничем не отличалась от Совнаркома. Повесить трехлетнего ребенка - на всякий случай! Марину-то отпустили в Польшу. Повесить трехлетнего ребенка,

чтобы он когда-нибудь не стал Самозванцем (этак лет через 20) - до этого могли додуматься только у нас.

Итак, Смута кончилась консервативной реставрацией. И реставрируется никак не псевдоабсолютизм. Реставрировать хотели звездный час автократии. Но звездный час сначала не получался. Потому что не было соответствующего монарха. Ни Михаил, ни Алексей не годились для звездного часа автократии. Здесь нужно иметь определенный характер и вкус к жестокости. Была реставрирована просто автократия.

Для выборов Михаила состоялся Земской собор. И похоже, что Михаил Романов был избран именно потому, что он был серой и ничтожной личностью. Никто не чувствовал себя ущемленным. Никто его не боялся, никто от него ничего не ждал. То есть выбирают посредственность. Бояре не пропустили бы сильного и яркого человека. То ли в опасении новых реформ, то ли опасаясь казней и опал. "Не будет казней и опал, но и не будет реформ", - думают бояре. И неизвестно, что хуже для них в этот момент! Поэтому они избирают посредственность.

Дальше все идет достаточно гладко до Алексея. У нас было три вестернизации. Вестернизация Избранной Рады, вестернизация Бориса Годунова и вестернизация Григория Отрепьева.

Можно считать, что четвертый этап вестернизации наступает с Алексеем Михайловичем. Есть чувство, что мы безнадежно отстали, есть чувство, что надо догонять, только одни хотят догнать сразу, как Петр. Другие хотят догонять еще лет 500, постепенно, как Алексей. Алексей вводит элементы вестернизации, но вводит их очень и очень медленно. Он действительно проводит военную реформу, заводятся стрельцы. Приглашаются военные специалисты. Уже есть Немецкая слобода. Не та, что при Петре, поменьше. Никаких потешных полков еще нет, но приглашаются иностранные наемники. Они потихоньку обучают русских солдат, шьются мундиры. И главное - правовая судебная реформа. Алексей Михайлович заслуживает упоминания в истории за свое Уголовное Уложение. После Правды Ярославичей на Руси вообще никаких законов не было. Английское прецедентное право! Только почему-то получается не так, как в Англии. Не те, видно, прецеденты. Уложение 1649 года. Можно считать, что до реформ Александра Освободителя мы будем пользоваться этим УК. Екатерина его немного переделает, осовременит, но это та основа, которая доживет до XIX века.

Уложение 1649 года; военная реформа; на Русь допускаются иностранные специалисты, так называемые инспецы в области строительства, в области металлургии, в области медицины. Постепенно они начинают практиковать. Народ, когда ему уж совсем невтерпёж, когда он начинает умирать, понимает, что травками здесь не отделаешься, надо за лекарем ехать в Немецкую слободу,

потому что там что-то читали и знают, как надо лечить. Потихонечку, аккуратненько народ начинают приучать к западным нравам. Алексей Михайлович учит своих детей уже по-настоящему, у иностранных преподавателей; появляются у бояр первые гувернеры с Запада, появляется иностранное платье. На улицу его еще не надевают: стыдятся, - но носят его дома вечером. Носят уже с удовольствием. Книги какие-то начинают читать. Появляются диссиденты сразу трех сортов. То есть у нас нечто вроде псевдоабсолютизма на некоторое время выныривает из омута. Совсем будет похоже на псевдоабсолютизм время Петра; оно как бы преддверие псевдоабсолютизма. Раз есть диссиденты, значит точно не звездный час автократии.

Очень интересные диссиденты возникают на Москве. Князь Хворостинин был диссидент-юморист, что-то вроде Виктора Шендеровича. Телевидения не было, программу "Куклы" некому было показывать. Что придумывает князь Хворостинин? Он большой затейник, очень начитанный человек и, главное, имущественно абсолютно незаинтересованный в получении придворных должностей. Ему не надо вымаливать царскую милостыню, у него все есть. Ему скучно, и он развлекается следующим образом. Он объявляет себя атеистом. Вы представляете: атеист на святой Руси! Сейчас, когда Анатолий Чубайс говорит, что он воинствующий атеист, Аркадий Мурашев на него шикает. Говорит, что это скандальное заявление, что оно может партии "Демвыбор России" навредить. Когда Гайдар говорит, что он агностик, это тоже не все одобряют.

А тут Хворостинин заявляет, что он атеист. В XVII веке! Причем доказывает он это оригинальным способом. Он в пост велит ставить снаружи у ворот столы. И сервирует разные скоромные блюда, и всем прохожим предлагается угощение. Некоторые прохожие, оголодавши, едят скоромные блюда, так как это большой соблазн. Своим холопам, которых у него, как у всякого князя, полно, он запрещает в церковь ходить. Снимает у себя во дворце все иконы. Говорит, что не потерпит никакого идолопоклонства. Цитирует латинские стихи, ходит в польском платье, пугает до смерти всех бояр в царском дворце. Алексей Михайлович был добрым человеком. Понятно, что Иван Васильевич сразу бы его на кол посадил. А Алексей Михайлович долго ему читает нравоучения. "Княже, ты душу свою загубишь". А тот начинает ему доказывать, что у человека никакой души нет, один пар. Замечательный диспут. Бояре все в обмороке лежат по лавкам, а он, в конце концов, договорился до того, что его отправили в монастырь на покаяние. Такая форма льготного тюремного заключения - церковное покаяние. В монастыре он быстренько для вида покался и был отпущен домой, а там начал снова.

Опять его отправляют на покаяние. В конце концов он, наверное, решил, что плетью обуха не перешибешь, и то ли он утомился, то ли махнул рукой на просвещение бояр, но больше его на покаяние в монастырь не посылали. Или ему это все надоело. Это наши дворянские диссиденты.

Что же делают разночинцы? Некий дьяк - Котошихин - возненавидел варварскую страну, в которой он живет (на идейном уровне!) и эмигрировал на Запад. Причем не просто бежал, а эмигрировал, попросил политического убежища. Там никак не могли понять, а чего ему надо, потому что не было никакого института политического убежища, хочешь - просто живи. Поскольку он был человек просвещенный, дьяк Посольского приказа (а там были самые грамотные интеллектуалы), он нашел хорошую работу. Он знал несколько языков. И Котошихин начинает писать книгу о Московской Руси. Что только он написал! Почтище маркиза де Кюстина. Даже слишком жестоко написал, слишком сурово. Национал-патриоты его бы с кашей съели. Да был он слишком от них далек, потому что книжки этой не прочитали. Не знали французского языка. Она была написана по-французски. Жаль, что у нас не сохранился ее экземпляр, а только описание у других авторов. Я думаю, ее любопытно было бы почитать. Но кончил он плохо. Он влюбился в замужнюю женщину и убил на дуэли ее мужа. А поскольку он был не мужем, а любовником, то суд приговорил к смертной казни его. И он кончает свою жизнь на плахе. Все во имя просвещения.

А вот следующий диссидент был реформатор очень высокого полета. Можно считать, что разработка реформ, если отвлечься от тогдашней терминологии, была на гайдаровском уровне. Юрий Крижанич. Хорват Юрий Крижанич, который прижился на Руси. Великий реформатор, по-настоящему великий. Идейное обоснование вестернизации России принадлежит ему. Идейное обоснование ее пути на Запад дал Ю.Крижанич. Он резко осудил практику Ивана Четвертого, практику хождения на "на Германы", Русь же вечно "на Германы" пытается направлять свои полки. Он предвосхитил необходимость создания некоего военного блока с Западом. То есть он и НАТО в какой-то степени предвидел. Он не знал, как это будет называться, но говорил в общих чертах о том, каким будет Европейский Союз, Совет Европы; он говорил о необходимости некоего Европейского форума. Он называл его Синклитом, где будут судить и рядить о разных нарушениях прав человека. Он первым ввел идею прав человека - в XVII веке!

Естественно, он обосновал и земельную реформу, освобождение крестьян, реформы и правовые и административные. Он пошел даже дальше того, что было в тот момент на Западе. Он предвидел республиканское правление. Он предвидел конституционную выборную монархию. Он предвидел постепенный переход к республиканским формам, региональное самоуправление. То, что в общих чертах мы имеем сейчас на Западе, предвидел Юрий Крижанич. И он пытался применить это к Руси! Несчастный человек! Его, естественно, сослали в очень далекое и холодное место. Те, кто сослал, даже не знали, как оно называется. Помнили только, что где-то между Ангарой и Леной, а что там находится, они и сами не знали. Естественно, он там пропадает. И даже неизвестно, от чего. То ли его волки съели, то ли самоеды, то ли он умер от голода и холода, то ли руки на себя наложил. В радищевские-то времена там

еще жить было нельзя, а уж во времена Юрия Крижанича - и подавно. Впрочем, вполне славянофильского администратора и реформатора Посошкова, который принадлежал к числу доносителей и прибыльщиков, еще более жестоко наказали. Он просто погиб под пытками. Его заподозрили в недостаточном патриотизме. Хотя он, кажется, патриот был как патриот. Поэтому и у реформаторов, и у простых смертных при автократии судьба была одна.

И начинается эпоха, которая, пожалуй, могла все изменить, которая попыталась все изменить. Которая очень сильно дернула. Грязь летела во все стороны, чихало и чавкало болото, лягушки квакали от возмущения. Петровская эпоха. Очень неоднозначная эпоха. Демократы сейчас говорят, что Петр хотел распахнуть форточку в Европу, а вместо этого открыл дверь в Азию. Поскольку методы были, прямо скажем, очень азиатские, очень деспотические. Цель была европейская.

У нас начинается (по Янову) звездный час автократии. По другим исследователям, у нас начинается псевдоабсолютизм. Но все исследователи сходятся на том, что они шли рука об руку. И что псевдоабсолютизм, в отличие от царствования Бориса Годунова (там была хоть какая-то последовательность), шел одновременно со звездным часом. Идет звездный час автократии, и одновременно идет псевдоабсолютизм. Такое возможно только в русской истории.

А вот как относиться к Петру, это дело вкуса и нравственных принципов. Мне кажется, что лучше всех понял это, как ни странно, Эренбург, когда написал прекрасное стихотворение о петровском царствовании и вообще о реформах на Руси.

Тело нежное стругают стругом
И летит отхваченная бровь,
Стружки снега, матерная ругань,
Голубиная густая кровь.
За чужую радость эти кубки.
О своей помыслить разве мог,
На плече, как на голландской трубке,
Выжигая черное клеймо...
И на Красной площади готовят
Этот теплый корабельный лес,
Дикий шкипер заболел любовью
К душной полноте ее телес.
С топором такую страстью вспыхнет,
Так прекрасен пурпур серебра,
Что выносят замертво стрельчиху,
Повстречавшую глаза Петра.
Сколько раз в годину новой рубки

Обжигала нас его тоска,
И тянулась к трепетной голубке
Жадная, горячая рука.
Бьется в ярусах чужое имя,
Красный бархат ложи, и темно.
Голову любимую он кинет
На обледенелое бревно.

Мой Карфаген обязан быть разрушен

Лекция № 8. Икары российских авиалиний

Петровская эпоха - самая мощная в России. Это, конечно, черный передел. Это уже не соха, не плуг. Петр вспахивал Россию, как трактор. О методах я не говорю. Методы были вполне пиночетовские и франкистские. Когда мы все были моложе и лучше, мы, конечно, осуждали петровскую методику; тогда было далеко до всяких модернизаций, и мы льстили себе надеждой, что мы то нашу модернизацию, если до нас дойдет очередь, будем проводить самыми похвальными методами, в белых перчатках, желательно в лайковых, в офицерских лосинах, желательно в конногвардейских. Когда же выяснилось, что модернизацию надо проводить насильно, как щедринские войны за просвещение, и этот перец с горчицей буквально запихивать всем в рот (после 1993 года у нас уже не осталось иллюзий относительно своей методики), тогда мы поняли, что Петр вынужден был проводить модернизацию на совершенно неблагоприятной почве, почве неухоженной, запущенной. Сопротивление реформам было настолько диким, что ни о каких белых перчатках и даже о варежках уже речи идти не могло. Любовь к просвещению достигалась буквально с топором в руке. С топором, с ножом, с кусачками и прочими неаппетитными орудиями. Недаром же Петр первым делом утвердил Преображенский приказ для борьбы с теми, кто не хотел модернизироваться. Здесь Петр, конечно, хватил лишнего и слишком много сил и внимания уделил искоренению врагов просвещения и врагов модернизации. Петр был человек простой, неученый, римских философов он не читал вообще. Он был прагматиком. И Просвещение пришло в Россию в несколько неожиданном аспекте. Примерно то, против чего сейчас протестуют клерикалы, присутствовало и тогда. Правда, никакой порнографии не было, до этого никто не додумался, и фильм Скорцезе не могли показать по НТВ за неимением такового. Ни телевизора, ни Скорцезе тогда не было. Одним вопросом меньше. Но беда-то вся в том, что была такая вещь, как просто блуд, тогда это даже сексом не называли. И если до того цари грешили как-то келейно и делали это очень тихо и в опочивальнях, то Петр делал все напоказ. И придворные - тоже. Вино, блуд, все эти незатейливые приметы западного просвещения. Хотя надо сказать, что в Немецкой Слободе ничего подобного не было. Там никто не упивался вином. Никто открыто не блудил. Там занимались делом, наживая деньги. Раз уж случилось приехать на дикую Русь, то надо же заработать себе там процентов сто-двести.

Но эта умеренность, и хороший вкус, и трезвость, и здравый смысл почему-то не усваивались на Москве. Все хлестало через край. Технический прогресс, западное платье, западная стрижка, западное питье, и все пополам с блудом,

пополам с откровенным развратом. И все это было украшено царскосельскими мраморными статуями и отражалось в великолепных петербургских каналах.

К сожалению, мы здесь должны вспомнить П. Уоррена и его "Всю королевскую рать". Там губернатор Кларк говорит одну знаменитую фразу, которая имеет отношение к любой модернизации в России: "А теперь мы будем делать добро; мы будем делать его из зла, потому что больше его не из чего сделать". Увы, все это было именно так, хотя, конечно, нравственнее было убить своего сына посохом, как это сделал Иоанн Грозный в сердцах, а затем месяц каяться, не выходить из опочивальни, поседеть, потерять волосы, окончательно выжить из ума, чем хладнокровно, сознательно обречь своего сына на пытки и смерть. Но Петр был большим идеалистом и ради идеала он не пожалел своего родного сына.

Та коллизия, которая возникает в этот момент на Руси, совершенно уникальна. Прогресс идет не через то горло. Россия поперхнулась прогрессом. Модернизация буквально забивается в Русь коленом. Заливается, как расплавленный свинец в горло, и возникает отторжение. И это отторжение имеет форму, как это ни странно, чистейшего нигилизма. Нигилизм на Руси появляется отнюдь не вместе с Базаровым. Базаров - это уже позднейший эпигон. Базаров - это подражатель. Первыми нигилистами на Руси были раскольники. Возникает Раскол. Абсолютно не церковное движение. Дело в том, что народ ничего не знал, был не учен, не просвещен. Протопоп Аввакум знал не намного больше. То, что они могли вычитать, было отнюдь не то, что знали Курбский и Филипп Колычев. В этот момент учиться уже считалось дурным тоном, это не было принято. И, естественно, все это принимало чисто церковную форму, направленность чисто теологическую, потому что никакого другого приложения сил не было. Не было принято прямо свергать власть. Никто из раскольников это так не формулировал, в отличие от народовольцев, которые декларировали, что они хотят свергнуть антинародный строй, низложить тирана, сатрапа, деспота, учредить республику и общину, словом, "падет произвол, и восстанет народ". Нет, так они еще этого не формулировали, но на самом деле они об этом думали, они это чувствовали, они ощущали себя во власти абсолютного врага. Они обрадовались, когда обыкновенные, робкие попытки Никона упорядочить церковные книги, просто их грамотно написать, чтобы там не было 600 ошибок на одну страницу, дали им возможность, наконец, сказать "нет". Но, к сожалению, то самое "нет", которое на Западе, как правило, служило в те самые времена, времена Просвещения (во времена катаров это прозвучало впервые), во времена Вольтера и Дидро, чтобы выразить некую идею будущего, либеральную идею, идею будущих рыночников "Laisser faire, laisser passer" - и прочие приятные вещи, например, будущие Генеральные Штаты, будущее третье сословие, будущий Convention Nationale, Конвент, до того как якобинцы из него сделали яичницу, на Руси означало нечто иное.

У нас это "нет" служило для того, чтобы утвердить как идеал - болото. То самое болото, в которое в тот момент превратились и общественная, и политическая жизнь, и социальное, и экономическое существование. "Нет" доносилось из болота. Это единственный в мировой истории случай. Потому что болото, как правило, всегда со всем соглашается и не выражает протеста. "Болото" - так называлась неголосующая центристская часть в этом самом французском Конвенте. "Болото" - это шарж на гражданское общество.

У нас "болото" заговорило. "Болото" издает свой манифест. "Болото" обретает свою собственную волю, и из болота появляются раскольники, люди очень смелые. Люди, которые собственную жизнь не ставят ни в грош, люди, которые не хотят жить. Которые чувствуют, что мир это - зло. Они не умеют ничего сформулировать, но они чувствуют, что человеческая личность раздавлена, и жаждут выразить свой протест. Но они не знают, чему они выражают свой протест и что, собственно, их давит. На самом деле их давило то самое болото, из которого они пришли. Но они считали, что их давят все реформаторы подряд, которые появлялись на их пути. Например, Петр, который их за уши вытаскивал из этого болота. Именно ему было сказано "нет".

Здесь уже воскресает миф об Антихристе, достаточно раннехристианский миф. Первые христиане полагали, что Нерон и Домициан как раз и были Антихристы. Так что тому мифу минуло 20 веков, и он был подхвачен газетой "Завтра". Эту идею об Антихристе вы можете найти в каждой ее передовице. Что черт грызет луну над Кремлем, а Ельцин сидит и подписывает указы о сокращении населения России на миллион в год. Классика. Антихрист. Миф, который несмотря на то, что появился в XVII-XVIII вв., а сейчас у нас XX-й, абсолютно не преобразовался. Были даже попытки как-то практически объяснить, почему вместо царя получился Антихрист, какая была здесь технология. Говорили, что немцы царя украли, опоили, посадили в бочку, а вместо него немец правит. Надо же было объяснить, почему вдруг русский царь Антихристом стал. Каков бы ни был механизм этого явления, настоящего царя нет. Идея посадить другого царя еще не возникла, эта идея придет в голову Пугачеву: объявить себя царем. У Разина она тоже как-то промелькнула, но он не задержался на этой идее, отвлекся; грабил слишком много, некогда было.

Вполне эта идея разовьется потом. А сейчас это чистое отрицание всего, что делает государство, всех его усилий; полностью асоциальное поведение, припадочный анархизм. Нигилизм. То, что есть у протопопа Аввакума. У него это великолепно выражено. И, кстати Шаламов это прекрасно понял, когда писал в своем стихотворении об Аввакуме, что "наш спор - не церковный о сущности книг. Наш спор - не духовный о роли вериг. Наш спор о свободе, о праве дышать, о воле верховной вязать и решать".

То есть речь шла совсем не о том, как креститься. Человек не будет умирать за двоеперстное и троеперстное крещение. За этим стояло нечто большее.

Шпенглер очень плохо понял Россию, когда посмеялся над нами в своем знаменитом "Закате Европы", изображая нас законченными идиотами: русские были варварами, они умирали за двоеперстное крещение, а вся разница была в том, что двумя перстами плохо было бесов заклинать, а тремя - было лучше, надежнее. То есть он нас низводит на уровень Фрезера, персонажей его "Золотой ветви", первичной магии. Это был абсолютно не формалистический момент. За что-то надо было уцепиться, нужен был повод, чтобы сказать "нет". И двоеперстное крещение было нисколько не хуже, чем что-нибудь другое. Читайте протопopa Аввакума, там все сказано. Во-первых, эта совершенно современная фраза: "Не были бы вы борцы, не были бы вам венцы". Венец увенчивает только борца. Бороться - понятно с чем? С произволом. А вся мирская власть - произвол. Кстати сказать, Аввакум отнюдь не был прогрессистом. Он начал свою карьеру с того, что, когда в его деревню забрели какие-то скоморохи с медведями, он побил скоморохов и медведей. Сочтя такую невинную забаву верхом мирского обольщения и сатанинской игрой. Могу себе представить, что он сказал бы про фильм Скорцезе "Последнее искушение Христа". Мне даже думать не хочется. Я боюсь, что протопop Аввакум стоял бы в Останкино в той компании, увенчанной Львом Рохлиным, и непременно бы требовал, чтобы НТВ закрыли, а фильм запретили. Так бы и было.

Замечательна его последняя фраза: "Не начный блажен, а скончавый". Значит, жизнь человека должна чем-то кончиться. Кончиться она должна героически, желательнo подвигом и предельным протестом. Аввакум говорил, что теперь на всех площадях достаточно двоеперстно перекреститься, чтобы попасть в суд, в заточение. То же самое и у Морозовой и у Урусовой, хотя, по идее, обе женщины были из другого класса, но они были так же неграмотны, как протопop Аввакум. Кстати, он был совершенно недюжинным поэтом, недюжинным писателем. Это бывает. Бывает, что человек необразованный, малограмотный, не имеющий широкого кругозора, абсолютно не посвященный в тайны бытия, обладает великим художественным даром. Это несчастье, когда такое случается, и для него, и для страны, но так было, и не раз.

Начинается Раскол. Половина государства уходит в глухой отказ. "На твой жестокий мир ответ один - отказ". Цветаева это тоже сформулировала. Формула Раскола:

"Отказываюсь быть в пустыне нелюдей,
Отказываюсь выть с волками площадей.
Отказываюсь плыть с акулами равнин".

Это то самое чувство: "На твой безумный мир ответ один - отказ". В "Хованщине" это, может быть, шаржировано, но Ростропович мне рассказывал, что он хотел сделать. Он еще усилил идею, которая была в либретто. У него в Хованском воплощены самые омерзительные черты консервативного

ретрограда. Он его писал с Руцкого. Какой-то симбиоз из дьявола, Руцкого, Хасбулатова. И вот когда все они идут в скиты и сжигаются, Ростроповичу совершенно не жалко, он бы еще огонька подложил, угольями бы обнес, чтобы веселее горели. И его можно понять. Мы все это испытали 4 октября 1993 г.

В государстве возникает глухая конфронтация. Как вы понимаете, это разделились традиции. Это не случайно. Начинается шизофрения, расщепление сознания. Что такое государственная шизофрения? Когда в государстве живут противоречивые традиции (внутри человека, внутри общества, внутри государства), и они восстают одна на другую. На Запад, к модернизации вела скандинавская традиция, очень мощно задействованная в Петре. А византийская традиция, традиции ордынская и отчасти славянская вела назад. А поскольку традиция Дикого поля была и у тех, и у этих, противостояние принимало абсолютно варварские формы. Неистовство. Гнев. Противостояние было на уровне такого неистовства, что одни жгли и пытали, а другие убивали и сжигались в скитах. И никакого мира не могло между ними быть, потому что компромисс при наличии традиции Дикого поля в принципе невозможен. Компромисс возможен на европейских полях. Но на наших полянках, где есть традиция Дикого поля, невозможен никакой компромисс. Эта традиция не дает его найти. А те традиции, которые борются, все сплошь - взаимоисключающие. Это хуже, чем рак, лебедь и щука. Хорошо еще, что Алексей Константинович Толстой сохраняет некое чувство юмора. Этот период он описывает так:

Сев Алексей на царство, тогда роди Петра.
Пришла для государства тут новая пора.
Царь Петр любил порядок почти как царь Иван.
И так же был не сладок, порой бывал и пьян.
Сказал он: "Мне вас жалко, вы сгинете вконец,
Но у меня есть палка, и я вам всем отец.
Не далее как к святкам я вам порядок дам", -
И тотчас за порядком уехал в Амстердам.
Вернувшись оттуда, он гладко нас обрил
И к святкам так, что чудо, в голландцев нарядил.
Но это, впрочем, в шутку, Петра я не виню,
Больному дать желудку полезно ревеню.
Хотя силен уж очень был, может быть, прием,
Но все ж довольно прочен порядок стал при нем.
Но сон объял могильный Петра во цвете лет.
Глядят: земля обильна, порядка ж нет и нет.

Когда я была моложе и лучше, где-то в году 1974-ом, все диссиденты, конечно, страшно ненавидели Петра. Он нам казался чем-то средним между Лениным, Сталиным и Дзержинским. Потом еще Андропов добавился в этот коктейль. А сегодня, если у нас спросить, согласны ли мы отказаться от его наследия, уже зная цену, зная, как все это было куплено, зная про Преображенский приказ,

зная про судьбу царевича Алексея, зная про то, что Петр был никак не гуманней, чем Малюта Скуратов, не гуманней, чем Иван Грозный, просто его неистовство было направлено на другое, готовы ли мы отречься от реформ? Он не пихал нас назад, он не топил Русь, он вытаскивал страну, за волосы вытаскивал. Согласны ли мы отказаться от всего этого, зная цену? Согласны ли мы, чтобы не было Петербурга? Согласны ли мы, чтобы не было гвардейских полков? Согласны ли мы, чтобы не было этого снятого железного занавеса? Петр его просто сдернул, он силой заставлял ездить на Запад, просто грубой государственной силой. По этапу гнал не на Восток - на Запад. Самое интересное, что впервые в истории России, которая тогда уже называлась Россией, появились этапы на Запад. Дворянских сынков под страхом лишения поместий гнали на Запад учиться. Силой гнали учиться. Гнали из-под палки, а родители над ними плакали. Тогда считали, что в Европе погано. Обратите внимание на эту жуткую фразу уже не у Алексея Константиновича, а у Алексея Николаевича Толстого: "Матушка, куда тебе в Париж? Чай, там погано?" Эти несчастные люди, которые уже в XVIII в. были законченные совки, тем не менее, полагали (не видя Запада, не зная его, ничему не учась, сидя в теремах, при Домострое, при лучине, отстав уже на полтора столетия), что там, на Западе, погано. Это и есть железный занавес. Его Петр сдергивает полностью, рывком.

Не то что просто ветер подул, но начинается шторм, начинается ураган. Все крутится. Торнадо. Кого-то уносит, кого-то рвет пополам, кто-то приземляется через тысячу километров от своего жилья. Кто-то остается без ног, кто-то - без головы. Лес рубят, щепки летят. Опять начинают рубить эти леса, строить заводы, корабли, завоевывать невпопад моря. Потом, конечно, все эти завоевания выйдут боком. Потому что петровский флот сгниет через несколько десятилетий, ведь строят его примерно так же, как хрущобы. Он еще меньше, чем хрущобы, проживет. Но импульс! Дан сильнейший импульс. "Нынче по небу солнце нормально идет, потому что мы рвемся на Запад". Что-то такое Высоцкий почувствовал. "Но мы помним, как солнце отправилось вспять, и едва не зашло на Востоке".

Бедный Юрий Крижанич! Если бы он видел, в какой форме его концепция будет осуществляться! Если бы он знал, как Россия пойдет к союзу с германами, я думаю, он бы повесился. Потому что его нежная реформаторская душа просто не пережила бы этого. Не все же могут так, как Егор Тимурович Гайдар. Не все могут вполне хладнокровно искать тысячу автоматов для защиты модернизации - и не побояться этого. Мы, мол, демократам дадим по автомату и будем защищать реформы собственными руками. Петровская школа. А у Крижанича петровской школы не было. Петр дает сильнейшую прививку. Я лично, зная, чего это все стоило, и абсолютно не принимая методы Петра, тем не менее, не готова отказаться от того, что он дал России.

Потому что он очень много дал, и дал навечно. Он, конечно, посадил не тем концом, и это не с того конца выросло. Тем концом посадить было нельзя. Почва не та, народ не тот. Не воспринимали. Никто не воспринимал, ни сверху, ни снизу. Бояре плакали, за бороды держались. В платье немецком ходить не хотели. Немецкий язык не хотели изучать. Конечно, получалась пародия, просто карикатура. Как у нас сейчас Государственная Дума - типичная карикатура на Парламент. Стыдно смотреть, но без этого еще стыднее. Особенно на нас тогда никто не смотрел, журналисты в XVIII в. по России не бегали. Не было их. Иноземцам платили хорошее жалованье за службу. Они были этим вполне довольны. Было не так стыдно, как сейчас. Иноземцы у себя жили, мы у себя. Как-то можно было схорониться в 'уголочке и модернизироваться, не краснея.

И вот родился царевич Алексей. Рвение, пассионарность, равные петровским, но направленные совершенно на другое. Возникает диссидентство. Возникает реакционное диссидентство, так называемый отрицательный героизм. Возникает народничество. Алексей был первым народником.

Что такое народничество, если разложить его на составные части? Народничество - это сильнейший импульс против власти, сильнейший импульс против Запада и сильнейший порыв на помощь к народу. Попытка восхититься народом. Попытка законсервировать плачевное состояние народа. Попытка восхититься стариной. Попытка проникнуться этой стариной. Укрепиться на этой старине. По сути дела, те народники XIX века, которые пойдут в народ, будут иметь, несмотря на образование, полученное в Цюрихе и Париже, тот же идейный багаж, который был у царевича Алексея. Программа у них будет та же. Она просто будет выражена немножко другими словами. Она будет более современной, социалистической. Будет больше сказано про социальную справедливость, про черный передел. Но этот антизападный импульс будет присутствовать, будут и антивластный импульс, и сильнейший пронародный импульс. Это бездумное и безумное восхищение тем, что есть, и тем, что было. Хотя они этого и не видели, разве что в мечтах.

Народничество - это стихия бессознательного. Это чистый фрейдизм. Когда протест против Князя мира сего преобразуется в героические, но неосмысленные действия, которые ведут к своей абсолютной противоположности.

Итак, первый народник должен был пасть от руки реформатора, одного из главных реформаторов на Руси. Но трагедия была в том, что этот реформатор оказался его отцом. Здесь оправдываются вполне слова Евангелия, что и сын встанет на отца, и брат на брата и что враги человеку домашние его. Любая модернизация - это когда не мир приносится на Землю, но меч. Христос знал все это, и он на это шел. Он понимал, что новая истина, та, которую он несет, достаточно не тривиальна. Теологическая концепция еще будет иметь продолжение, и этот роман человечеству еще принесет сюрпризы. Но на эти

издержки надо идти. На инквизицию, на клерикализм. Без этого будет еще хуже. Собственно, после гибели царевича Алексея Петр запрограммировал новое Смутное время.

И вот у нас по Янову, возникает непонятно что. Мы уже идем по его астральному кругу. Что такое петровская эпоха? Это псевдоабсолютизм или звездный час автократии? И здесь возникает совершенно потрясающая ситуация. Это одновременно и звездный час автократии, и псевдоабсолютизм. Такое бывает только у нас. Здесь возможен был выход в нормальный абсолютизм, если бы снизу понимали, что с ними делают. Но они абсолютно не понимали. А те, кто понимал, не попали в петровскую команду.

Трагедия Василия Голицына, реформатора Василия Голицына, просветителя школы Крижанича, была в том, что он связался с Софьей. А поскольку он связался с Софьей, он не попал в команду Петра. А попал в ссылку - слишком рано. Петр еще был очень молод. Если бы Василий Голицын остался подле него, это, конечно было бы прекрасно. Это был не Меньшиков, не мальчик на побегушках. Он был интеллектуалом, и Тацита читал, и латынь знал прекрасно, знал греческие и римские книги, прекрасно знал и европейские обычаи, причем не на уровне матросского кубрика, а на уровне адмиральских кают. Это был интеллектуал очень высокого класса. И, конечно, он мог бы Петру помочь. Он мог бы облагородить эту модернизацию. Он мог бы сделать ее более мягкой, более гуманной. В принципе это было теоретически возможно. Люди были еще податливы, как воск. Они чуть что, хлопались в ноги и ели глазами любое начальство, а царя тем более. Если бы их немножко приласкать, то не исключено, что они и картошку бы съели с большим удовольствием. А так возникло ощущение, что картофель - это дьявольская похоть. Трудно себе это представить, но картошка вызвала целое революционное движение. Мы эту картошку есть не будем, и табак курить не будем, и кофе пить не будем, и бороды брить не будем, и в немецкое платье одеваться не будем. Когда я вижу несчастного Аслана Масхадова в папахе, с которой он не расстается даже ночью, я все время вспоминаю Петра, который лично брил бояр и переодевал их в немецкое платье.

Везде и повсюду одна и та же схема. Борьба с фундаментализмом совершается в одних и тех же формах под всеми широтами, на всех континентах.

Словом, Петр все-таки что-то построил и поставил. По крайней мере, Петербург будет очень долго стоять и навсегда останется оазисом Запада, плацдармом, захваченным у врага. Это была зона влияния западников. Таким и останется Петербург. Правда, потом над ним сильно поработают большевики, когда он станет Ленинградом.

Но все-таки это была прививка. В организме началась жуткая реакция. Температура, полиомиелит, черт знает что. Но прежней Русь уже стать не

могла, потому что Просвещения она вкусила. На Руси уже никто не будет сидеть в тереме. Будут плясать на ассамблеях, будут надевать парики, будут душиться, будут румяниться, будут привозить с Запада разные шикарные штучки. Потом будут продавать эти штучки на Кузнецком мосту. Будут пить иноземные вина, будут ездить на воды. Будут тратить свои деньги в Ницце. Русских на французских, швейцарских и прочих курортах будет даже больше, чем местных жителей. Так или иначе, но мы снова войдем в Европу, правда, уже как гости. Но гости дорогие, с хорошими деньгами, которых ждут, которые довольно часто появляются и прекрасно говорят на иноземных наречиях. То есть использовать "западный изыск" Петр нас приучит.

Такой страшной ценой. Царевич Алексей пошел в уплату, и не только он один. Раскольники пошли в уплату. Все, кого повесили под Петербургом за то, что хотели сбежать, тоже пойдут в уплату. Все кости, которые там закопаны, пойдут в уплату. Поэтому возникает вопрос о цене. По сути дела, цена этого нового мира уплачивалась такой монетой и в такой форме, что поистине начинаешь думать, что модернизация имеет в себе черты, схожие и с фашизацией, но это как бы разные направления. Там, - у фашистов, - цена платится за то, чтобы вернуться назад и никогда больше не идти вперед. Здесь же цена платится за то, чтобы уйти вперед. Перед вами коридор, и там у вас - две кассы. Одна касса - впереди, вторая касса - сзади. И вы не пройдете ни вперед, ни назад, не заплатив за билет. И есть выбор: или вы будете платить там, или вы будете платить здесь. Но какую-то цену платить нужно.

Та цена, которая была уплачена при Петре за то, что сорвали железный занавес, была настолько высока, что я могла бы ее сравнить с некоторыми гитлеровскими эксцессами. Конечно, у Петра не было никаких эсэсовцев. У него были преображенцы. Преображенцы были ребята очень шустрые, очень активные. И дальше так и будет, правда, дальше это смягчится. Картошку есть научатся, табак курить станут, сегодня без сигареты никого не найдешь. Пить научатся тоже. В Европу тоже научатся ездить, пока не упадет новый железный занавес. Книжки по фортификации будут читать, корабли будут плавать. Помните, как у Ахматовой: "Создан Рим, плывут стада флотилий, и победу славословит лесь". Есть цена, и есть как бы бессмертная душа. Я думаю, что Петр загубил свою бессмертную душу. Я думаю, что он об этом не пожалел. Как говорил Христос, что тот, кто хочет душу свою спасти, тот ее погубит, а кто полагает свою душу за меня, тот ее спасет. Цена за модернизацию - это была еще ко всему прочему и бессмертная душа Петра. Нужно было погубить свою душу, и он ее погубил. Это, если хотите, высшая стадия героизма. Можно себе представить, как там, на небесах, ему пришлось за это отвечать. Там не знают слова "модернизация", там отвечают за грех. А грехов у него было очень много, по колено, по грудь, по горло. Непростительных, абсолютно бесчеловечных поступков.

Русь стала Россией, и худо-бедно она прошла эту модернизацию, хотя и через пень-колоду. И вдруг Петр умирает; некому погубить его дело, но некому и продолжить. Здесь начинается чистый анекдот. По очереди на престол садятся Екатерина Первая, которая, конечно, править не может, потом внук, Петр Второй, который тоже править не может и правит совсем недолго. Далее кончаются все ресурсы и возникает классический вопрос, тот самый: "Господи, кто будет нами править?"

И здесь идет следующая модернизация. Вы чувствуете, как сжимаются сроки между очередными модернизациями? Модернизация в буквальном смысле слова находит на модернизацию. Модернизация модернизации наступают на пятки. Времени мало, мы очень отстали. Необходимость модернизации подгоняет все время, она за спиной. Мы чувствуем ее дыхание, и власть это чувствует тоже. Любая чуткая власть видит Европу и видит, что лежит по эту сторону плетня.

На что похожа Россия? 1730 год. Либеральное аристократическое сословие, интеллектуалы (я бы сказала, даже интеллигенты, если бы они были разночинцами, но они разночинцами не были) ищут монарха подальше. Находят Анну Иоанновну, дочь старшего брата Петра Иоанна, который не царствовал, который умер очень рано. Анна Иоанновна ничем знаменита не была. Жила в Германии, выданная замуж. Нужен хоть какой-то монарх. Находят Анну Иоанновну. Но не в ней интерес, а интерес в том, что у Дмитрия Голицына и у тех, кто был с ним рядом, возникает идея конституционного правления. Достаточно рано возникает эта идея, так называемый "заговор верховников". Идея конституционного правления считается заговором. Но здесь мы, слава Богу, хоть с Европой сравнялись, потому что в Европе в 1730 году идея конституционного правления (по крайней мере, во Франции), тоже считалась заговором. Здесь у нас все как у людей.

Идея верховников была в том, что Анна Иоанновна подписывает некие кондиции. И не просто условия не налагать опалы, без суда и без вины не карать и не казнить. Нет, идея была в том, что она будет действительно конституционным монархом, что править будет Сенат. Тот самый Сенат, который был создан Петром. Петр создал Сенат. Боже мой, на что был похож его Сенат! Сенаторы были примерно такие же, как у нас члены Совета Федерации, несколько не лучше, только одеты были несколько изящнее, но по части независимости и эмансипации сознания у них был примерно такой же уровень. Петра они к тому же боялись до смерти и противоречить ему не могли. Так что на суде царевич Алексей справедливо обозвал их холопами и сказал, что они в рот его отцу заглядывают. Правительствующий Сенат. Правительствующий Сенат - он и должен был править. У нас, по сути дела, намечался переход к римской форме правления. Единственное, чего не хватало, это народных трибунов. Это-то всегда будет, это всегда найдется, и даже слишком скоро найдется, об этом горевать не стоит. Не хватало еще выборов по

фратриям. И чтобы было Народное Собрание, вроде апеллы и эклессии, как в Афинах и Лакедемоне. А так вполне римская форма правления. Анна Иоанновна становилась даже не чем-то вроде старинных римских царей, а скорее, консулом. Все было записано, все было запротоколировано. Верховники хорошо порылись в римском праве. Они посмотрели, какие это дает возможности, какие права имели преторы и консулы, кто что делал. Они рассмотрели и английские варианты. Как это все свершалось в Англии? Были большие заимствования и английские, и римские.

Это было лучшее, что могла дать тогдашняя политическая жизнь. Эти верховники были очень грамотными людьми. И все у них было подготовлено. Анна Иоанновна прозябала в Миттаве, в голодном крае. Для дочери русского царя там было скучно и голодно. Явиться в богатую Россию, к блестящему двору, где неистощимые ресурсы... Россия в то время была очень богата. Какое-нибудь захудалое немецкое герцогство смотрело на нее завистливыми глазами. Конечно, Анне безумно хотелось стать государыней. Она готова была все что угодно подписать. Ей, кроме денег, двора и почестей ничего не нужно было, никакой реальной власти она не ждала.

Но в дело вмешиваются два фактора. Первый фактор - это гвардейские полки, из дворян набранные. Второй фактор - это народ православный. Гвардейские полки не сами пошли на приступ концепции верховников. Они уже в тот момент были достаточно грамотны для того, чтобы поискать поддержки в простом народе. И они знали, как надо разговаривать с этим простым народом. В этом смысле они были законченными анпиловцами. Они кидали в народ те лозунги, которые народ мог воспринять. А лозунг был такой: "Смотрите, что делается, эти супостаты, эти живоглоты бояре (только что не сказали: "новые русские") заели ваш век, они там с жиру бесятся, они хотят матушку-государыню власти лишить, и тогда они вас всех порешат, и никто не заступится".

В народе уже бытовала дикая идея, что защита их в царе православном. В президенте, в царе, в ком угодно, но главное, чтобы он был один. Один Бог на небе, один монарх на земле. Один кесарь, один народ, одна концепция.

Откуда взялся фашизм? Фашизм Гитлер только сформулировал. Фашизмом проникнуто рядовое примитивное сознание. Он его ложкой зачерпнул из того самого народа, который ходил по Германии (вплоть до антисемитизма, которого там тоже было достаточно).

Народ стал дико возмущаться, поскольку ему уже была внушена мысль, что эти бояре, богатые, знатные, интеллигентные, образованные, которым, действительно, было очень далеко до народа, потому что пропасть между ними была непроходимая, его заедят. Гвардейцы же были парни попроще, прямо из казармы, свои в доску для народа.

Та же идея, что ходила и при Иоанне Грозном: батюшка-царь нас защитит от бояр. Хотя батюшка-царь был хуже любого хорька. Пусть нас защищает царь, никаких бояр нам не нужно. И фашизм, как глубоко народное явление, как раз и борется за то, чтобы было такое аккуратно подстриженное поле, зеленый газончик, где все равны в бесправии, а над ними - один царь с садовыми ножницами, который будет им головки отрезать в нужное время, но зато он будет это делать один. Совершенно потрясающая по глупости концепция, но, тем не менее, фашизм может быть вечен. До сих пор не нашли способ его искоренить.

И эта социальная концепция овладевает умами народа. Очень жаль, потому что в то время к верховникам примкнула верхушка конногвардейского полка, как бы элитные офицеры. Не такие, как Лебедь и Родионов, а настоящие элитные офицеры. Эти офицеры до Польши доехали, польскую Конституцию изучали. Она им показалась очень привлекательной, и все эти вещи они хотели внедрить в России. Уже посмотрели и на норвежские порядки, и на шведскую систему. То есть скандинавская традиция потихоньку вылезала из ила, поднимала голову, протирала глаза, умывалась. Еще немножко - и удалось бы это восстановить.

Если бы верховникам удалось то, что они хотели сделать, возможно, горбачевская перестройка и не понадобилась бы. Может быть, и без екатерининской бы обошлось... Но ничего не вышло. Единство народа с гвардейскими полками привело к тому, что они все завопили: государыню насильно заставили дать эту подпись! Государыня тут же смекнула, что надо делать, тут же от всего отказалась. В результате Дмитрий Голицын попадает в Петропавловскую крепость, и на этом кончается очередная попытка модернизации.

Анна Иоанновна начинает править совершенно самодержавно. Она правит самодержавно и совершенно по-идиотски, потому что никакой концепции власти у нее нет, а есть чувство, что надо делать то, что хочется.

Начинаются дикие репрессии. Можно сказать, следующий звездный час автократии приходит очень быстро. Но тут Анна, слава Богу, умирает.

Опять царя нет! Проста напасть какая-то. Но у нее остается племянница Анна Леопольдовна, а у этой Анны Леопольдовны знаменитый младенец, будущий Иван Антонович. Этой супружеской чете (там еще герцог Брауншвейгский есть, муж Анны Леопольдовны) она оставляет государство.

Начинается цепочка военных переворотов. Нулевое ГКЧП. Елизавета приходит вовремя и захватывает власть. Елизавета абсолютно не годится на роль реформатора. Об этом и Алексей Константинович Толстой пишет: "Веселая царица была Елизавет, поет и веселится, порядка ж нет как нет", но она, по крайней мере, бережно хранила память об отце, а все его начинания холила и

лелеяла. Дело прогресса медленным черепашьям шагом шло в нужную сторону. Уже и канцлер появился. Звучат приятные названия: министр иностранных дел, канцлер. Постепенно мы цивилизовываемся. Правда, Елизавета делами не занимается. Но смертную казнь она отменила. Царица была добрым человеком. Пытку она забыла отменить, руки не дошли, танцевала очень много.

Воюем мы, кстати, непонятно зачем. Влезаем во все европейские войны. Пользы от этого нет никакой, зато расходы очень большие.

Но осталась память о великой Хартии верховников. То, что они пытались дать России, - это была бы Великая Хартия вольностей.

Вникните в нашу ситуацию. Следующие концептуальные деяния будут при Екатерине. Елизавета ничего концептуального не сделала. Она просто продолжала. 1730 год. Попытка дать вольность дворянству. Попытки ввести польскую Конституцию. Попытки ввести те политические порядки, которые были на Сейме, в наш Сенат. Попытка выборности монарха. Великая Хартия вольностей. Когда она в Англии была дана? 1215 год. Вот и вычитите из 1730-го 1215-й, и вы получите необходимость и перестройки, и ускорения. У меня вышла цифра в 515 лет. Это очень большой разрыв. Половина тысячелетия. И Великая Хартия так и не была получена, потому что ее вроде бы и хотели дать, да не получилось. Поскольку верховники потеряли и власть, и свободу, а многие - даже жизнь.

Дальше идет Екатерина. А Екатерина - это уже не модернизация, это нечто другое. Нет, конечно, это - модернизация, но в первый раз мы можем назвать эту модернизацию перестройкой. Первая перестройка в истории России - это екатерининская перестройка. Это уже ближе к концу XVIII века. Почему перестройка? Чем отличается перестройка от модернизации? Тем, что перестройка более лицемерна. Она лицемернее модернизации. Если модернизация направлена на себя и на свои проблемы, то перестройка во многом - это обман общественного мнения, это эпатаж. Она адресована кому-то еще, в частности, Западу. Нужно повесить кому-то лапшу на уши. Во многом перестройки - это тарелки лапши, которые вешаются на уши, при том, что делаются все же и полезные вещи.

Перестройка имеет определенные пределы. Модернизация же никакой активности народа не предполагает и не требует. Петр употреблял для службы тех, кто был хорошо подготовлен, кто знал языки, в князья жаловал из простых лапотных мужиков. Он перемешал всю социальную иерархию. Он делал своими сотрудниками простолюдинов. За ум жаловал в князья. Все правильно. Но он же их не приглашал к совету. Они не были сподвижниками и соратниками. Они были исполнителями.

Такая вот исполнительная вертикаль. Это было похоже на то, что мы с вами видим иногда на голубом экране, когда сидит несчастный нахохлившийся Чубайс, положив папку на стол, и вид у него такой, что он сейчас пойдет и утопится. А рядом сидит веселый и счастливый Борис Николаевич и говорит, что он реформаторов никогда не отдаст, и спрашивает, как жизнь. Тот и ответить ничего не может, потому что ответишь что-нибудь - еще хуже будет. Сидит он и слова молвить не смеет, хотя есть и интеллект, и знания, и подготовка, но вот не требуется модернизаторам равных, не требуется умников, которые слишком высоко вознесутся. Требуются исполнители. Это классический вариант перестройки: тогда не нужны равные сподвижники. Не нужен народ как таковой, не нужно гражданское общество, хотя очень много говорится о том, что оно нужно. И когда оно появляется, ему чаще всего дают дубинкой по голове, как это было при Горбачеве. Что такое перестройка? Это когда какой-нибудь Оливер Твист подходит, протягивает свою миску и говорит: "А я хочу еще свободы". Возникает скандал и дикий крик. Он получил положенную ему порцию свободы, и он хочет еще? Половником его по голове, запереть в чулане, высечь, и обязательно сказать ему, что он кончит свою жизнь на каторге. Так было с Вильнюсом в 1991 г., так было с Тбилиси в 1989-ом, так было с Баку в 1990-ом. Классические горбачевские удары половником по голове. Причем реформатор может быть вполне искренне возмущен. Он искренне этих оливеров твистов не понимает. Он дал одну миску каши, они требуют еще одну. А свободы-то ограниченное количество. Дать всю свободу сразу? Перестройщики абсолютно этого не понимают. Реформаторы и модернизаторы хотят, чтобы сохранились некие пределы.

У Екатерины так все и получилось. Поэтому ее наш Алексей Константинович Толстой весьма негативно аттестует. Заметьте, что Алексей Константинович - законченный западник. Он фрондер, он вольнодумец. Когда Александр Второй у него спросил о состоянии русской литературы, он не побоялся ответить, что она в трауре по случаю осуждения Чернышевского, хотя он ненавидел Чернышевского. Не выносил его. Считал его развратителем, экстремистом и Бог знает кем еще.

Алексей Константинович Толстой, тем не менее, Петра оправдывает, а про Екатерину он пишет следующее:

Какая тут причина, и в чем тут корень зла,
сама Екатерина постигнуть не могла.

- Мадам, при вас на диво порядок расцветет, -
писали ей учтиво Вольтер и Дидерот.

- Лишь надобно народу, которому вы мать,
скорее дать свободу, скорей свободу дать.

- Месье, им возразила она, - *vous me comblez*, -
и тотчас прикрепила украинцев к земле.

Екатерина собирает, по сути дела, первую Учредилку, наших нотаблей. Делегаты от эскимосов, от всех народов Севера, от эвенков, от калмыков приезжают в столицу. Всем кладется на стол Монтескье, "Наказ" императрицы и делегаты начинают это жизнерадостно читать. Но знаете, что бывает, когда делают оргвыводы из таких наказов? Тогда случается то, что случилось с Оливером Твистом. Конечно, те, кого созвали, были вне себя от восторга. Они были в полном упоении, они большего не просили. Они хлопались на колени и были счастливы, что Екатерина их благодетельствовала.

Кстати, такое отношение было у шестидесятников к Горбачеву. Надо было видеть несчастного Андрея Дмитриевича Сахарова, который аплодирует генсеку, а над Кремлем еще красные звезды торчат, еще правит компартия, еще не все политзаключенные освобождены. Он же аплодирует Горбачеву! Такой пароксизм восторга: давайте защищать Горбачева от Лигачева.

Это очень давняя наша традиция: благодарить на коленях за дарованную свободу, целовать за нее руку, а большего никогда не просить. А если попросишь больше? Что тогда?

Я не хочу, чтобы вы подумали, что я строго сужу Екатерину. Она отменила пытку, т. е. ограничила ее применение. Правда, она же окончательно прикрепила крестьян к земле. И она забыла отменить смертную казнь. В отличие от Елизаветы, она ее, скорее, восстановила. Но с Вольтером, тем не менее, переписывалась. Академии основывала. Иван Миревич, поручик, пытался освободить Ивана Антоновича из крепости. А Иван Антонович сидел там с елизаветинских времен. Когда Елизавета захватила престол, положенный ей как дочери Петра, она Анну Леопольдовну выслала. А Ивана Антоновича, младенца, которому был оставлен престол, заключила в крепость. Ни за что ни про что. Железная маска номер два. Миревич решил освободить этого императора-младенца, который был давно уже не младенец, а вполне дебил. Его так воспитывали, что он стал дебилом. Возможно, он считал, что совершает рыцарское деяние. Неважно, какие были мотивы. Важно, что он был бескорыстен. Екатерина узнает об этой попытке, которая кончилась ничем, абсолютно ничем. Несчастного Ивана Антоновича застрелили, потому что был отдан приказ: если его будут пытаться освободить, застрелить. Конечно, из него никакого императора бы не получилось, никто бы его не признал. Те же гвардейские полки не признали бы. Екатерина еще царствовала. Это был некий ГКЧП. Гвардейские полки уже научились возводить на трон государей. По крайней мере, дееспособных государей. Екатерина хорошо смотрелась. Она была образована. Она знала европейские дворы, европейские нравы. Это было хорошее зрелище. У нее были прекрасные манеры. Она умела очаровать, очень много работала, очень много читала. Хороший администратор. Вполне приличный монарх для обездоленной и несчастной страны. Не допустили бы никакого Ивана Антоновича на трон бдительные гвардейские полки. Он близко

к нему не подошел бы. И народ бы его не принял. Беспокоиться было не о чем. Зачем было Миновича казнить?

Зачем надо было стрельцов казнить, я могу понять. Гражданская война, решалась судьба государства. Петр мог думать, что если он их не развесит по кремлевским стенам, то они сами повесят его. Не исключено, что так бы и было. А зачем было Миновича казнить? Это была абсолютно бесполезная казнь. Тем не менее его казнили.

Дальше - больше. Та самая Екатерина, которая в 1767 году скажет замечательную вещь (которую не плохо было бы заучить навсегда разным нашим правоохранительным органам типа ФСБ, КГБ и всего, что к ним приписано), что слово не есть политическое преступление, будет карать за слово. 1767 год. Формула политической свободы впервые дана властью. Не представителями интеллектуальной элиты, а властью. Ведь Екатерина сама знала, что слово не есть политическое преступление, что за слово судить нельзя. Что же тогда произошло с Новиковым и Радищевым? Почему же они тогда с властью не сошлись? Какая была необходимость сажать Новикова, всего-то навсего за масонство? Зачем понадобилось сажать Радищева за книжку? Тот, кто читал эту книжку, знает, что в ней крамолы меньше, чем принято считать. Там крамолы меньше, чем в его стихах. На самом деле Радищев был законченным нонконформистом и республиканцем. Конечно, он не принимал монархическую форму правления, но он не предлагал ее свергать. Он был слишком большим противником плебса и толпы, для того, чтобы предложить такую методику. Он хотел конституционной монархии, и дальше конституционной монархии и аристократической республики он не заглядывал. Считается, что это была вторичная попытка донести концепцию верховников до слуха власти. Это была еще одна Великая Хартия вольностей. Радищев формулирует гораздо более интересную вещь, чем все эти знаменитые обло, озорно, стозевно, огромно, которые к тому же еще и лаяй.

Эту книжку нужно уметь читать. Там много лишнего. Там есть необходимые вещи, но есть и лишние. Однако, есть у автора короткое стихотворение, в котором заключена будущая российская Конституция, даже современная Конституция, если вообще не сама американская Конституция. Все это заключено в одном стихотворении Радищева. Он гениально это предвосхитил. Не исключено, что Екатерина это стихотворение тоже читала, а книжка пошла под общим соусом. Так же было с нами, с диссидентами. Практически нам никогда не инкриминировались ни Фонды милосердия, ни правозащитные письма, ни пресс-конференции с западными коррами, а всегда находился какой-то Самиздат. Самиздат был предлогом, за один Самиздат не сажали.

И здесь не исключено, что этот Самиздат, первый печатный Самиздат на Руси, типографским способом изготовленный, "Путешествие из Петербурга в Москву", пошел для ровного счета, а главное было другое. Вот это:

Иду туда, где мне приятно; тому внимаю, что понятно;
вещаю то, что мыслю я; могу любить и быть любимым;
Творю добро, могу быть чтимым; закон мой - воля есть моя.

Вы чувствуете, что заключено в этом стихотворении? В нем заключена современная либеральная концепция, идея прав человека, гражданские права личности. Это было для монарха перестройки абсолютно нестерпимо. Радищев попросил добавку, попросил лишнюю миску каши. Да к тому же еще сформулировал в несчастном "Путешествии", что, если не будет тебе никакого "крова от угнетения", "тогда вспомни имя свое, отчайся и умри". Опять этот нигилизм, но на этот раз вполне западнический: "На твой безумный мир ответ один - отказ". То есть появляются западники, западники-раскольники. Начинается Раскол с другой, либеральной, стороны. У нас были раскольники с Востока, фундаменталисты, традиционалисты. И при Екатерине таких было много, которые считали, что все летит в тартарары из-за западных новшеств. В скитах, правда, больше не сжигаются. Появляются новые варианты: молокане, хлысты. И тут возникает западный Раскол. Радищев не был никаким предшественником народовольцев. Эта иерархия, эта цепочка пробуждений выстроена совершенно неправильно: Радищев разбудил декабристов, декабристы разбудили Герцена. "В России никого нельзя будить".

На самом деле, если кого-то и выводить из Радищева, то можно считать, что Радищев был родоначальником кадетов. Он был первый кадет на Руси. Партия конституционалистов-либералов идет от Радищева. Радищев был типичным порождением вольтеровской идеологии, потому что к тому времени на Русь проникает большое количество французов, а скоро их будет еще больше, ведь платили им щедро. Появляются гимназии, учителя, гувернеры, университеты, начинается интенсивное общение с Западом. То, что впоследствии будет проповедовать Вольтер, - это идеология нонконформизма, идеология скептицизма, идеология вольнодумства. Кстати, вполне умеренного. Интеллектуалы чуждаются крайностей. Крайности вульгарны. Вольтер не предлагал рубить головы королям. Это идея Руссо, а не Вольтера.

Французская революция и большевики - все это пошло от Руссо, а никак не от энциклопедистов и не от Вольтера. Вольтер предлагал "раздавить гадину". А под гаденой он подразумевал деспотизм и клерикализм. Он имел в виду чистую символику. Вольтер сформулировал для Франции идею свободы совести и свободы передвижения, свободы собраний, слова и всего сопутствующего.

То же самое сделал для России Радищев, не считая, что он поучаствовал в этом знаменитом екатерининском Учредительном Собрании. Не успел он только поучаствовать во втором Собрании, том самом, которое созовет Александр Первый. Все это кончится трагично.

Чем хороши реформаторы-перестройщики? Они не свирепы. Если они и приговаривают к четвертованию, то потом заменяют этот приговор десятью годами ссылки и еще шубу на дорогу посылают. Они - умеренные. Они соблюдают какие-то приличия. Скажем, как только возник скандал вокруг Вильнюса в 1991 г., а литовцы пошли ложиться под танки, танки сразу остановили, увели, и задавили "всего" 13 человек. В Баку не успели танки увести, там слишком интенсивно под них ложились. Как правило, реформатор перестройки всегда сдает назад. Он поддается коррекции. Это корректируемый вариант деспотизма. Как только возникает сильный протест и сильное гражданское общество, оно может оттеснить деспотизм и вырвать из рук то, что не дают добровольно. Так что когда Радищев попал в ссылку, он ее пережил. А вот разочарования он не вынес, когда увидел еще одну перестройку, на этот раз александровскую, и понял, что Александр Первый тоже ничего не сделает, кроме перестройки, что не будет никакой конституционной монархии (хотя Александр Первый по духу своему был типичный конституционный монарх, он даже не пытался править самодержавно). Он был чем-то сродни римскому Марку Аврелию, императору-философу. Если бы он не наслушался этих глупостей об абсолютизме, об авторитарной концепции, о самодержавии, православии и народности, он бы, конечно, дал конституционную форму правления. У него был вкус к таким вещам. Больше даже, чем у Александра Второго. Он не был практиком, он мог просто дать, а там посмотреть, что получится.

Но не случилось, он ничего не дал. Тогда Радищев покончил с собой. Это было сделано сознательно, это был вызов.

Это страшно подействовало на Александра: как, его милостями в такой степени пренебрегают? Его перестройку не ценят ни во что? Но рабский народ в этот момент уже помочь не мог. Элита заботилась в основном сама о себе, а потом пошла на Сенатскую площадь. Хотя был очень благоприятный момент. Можно было и Конституцию получить от Александра Первого. Не было однозначного давления. Увы, не было достаточно громкого крика: "Даешь Конституцию! Дай Конституцию!" С утра до вечера надо было это скандировать под царским окошком.

С Радищева у нас начинается противостояние власти и интеллигенции, уже собственно самой интеллигенции, а не дворянства. Противостояние доживет до 1991 года. Можно считать, что Радищев был первым настоящим интеллигентом, первым фрондером, и с ним это противостояние вошло в нашу плоть и кровь.

Кончается екатерининская эпоха, и сразу, быстро, буквально на одном дыхании, идет перестройка Александра Первого. Между екатерининской эпохой и Александром Первым есть еще Павел. А Павел - это просто классический звездный час автократии. Притом непонятно, почему. Даже не потому, что Павел был деспот, а просто потому, что он был шалый. У Павла бывали минуты

антигосударственного поведения, которое себе не позволяли ни Александр Первый, ни Александр Второй. Кто еще мог Костюшко освободить? Только Павел Первый. Павел Первый был даже не деспотом, Павел Первый был неврастеником. Но поскольку власть в России была самодержавная, а правительствующий Сенат молчал, то возникает трагическая ситуация. Как сменить негодную власть? Нет никакого механизма. Способ один - прикончить. Совершенно неконституционный способ избавления от негодной власти, но конституционного способа нет.

Что делать? Вот поэтому Лунин потом и ответит на допросах: "Я никогда не участвовал ни в заговорах, свойственных рабам, ни в мятежах, присущих толпе, а свободный образ мысли усвоил от рождения своего". Заговоры - это действительно рабское дело. Заговорщик приходит ночью, во мраке. Он боится прийти при свете дня. Он ничего не может сделать открыто. Он должен застать врасплох. Конечно, это совершенно позорно. Народное восстание гораздо лучше. Но увы! Народ в этот момент уже таков, что никакого народного восстания с ним не получится. Народ в этот момент готов скорее тех, кто батюшке-царю делает какие-то не приятности, растерзать на мелкие кусочки. Вы не забыли заговор верховников? Царь - добрый, министры - злые, бояре - злые, дворяне - злые. Царь - наш единственный заступник.

И народ начинает письма писать. Кто на деревню дедушке, кто царю, кто в администрацию президента. Классика. Что тогда, то и теперь. Поэтому Павла пришлось убить. И гуманисту Александру Первому пришлось закрыть на это глаза. Ничего не поделаешь, другого способа не было. И как сказал один из заговорщиков: "Кончайте скулить, идите царствовать". Потому что Александр был в курсе всего. Но он был из тех, кто не любит открыто признаваться, что он что-то сделал. Да и как признаться в убийстве отца?

Петр был другой. Петр сознавал, что делает, и он брал на себя эту ответственность. Ему бы в голову не пришло преуменьшить то, что он делает, или отречься от этого. Прятаться ему бы не пришло в голову. А здесь все ловко спрятались. Павла нет, и приходит Александр.

Александр очень любит просвещение, но идти дальше накладно. Работает у него Сперанский, работают у него молодые реформаторы. Пишут разные проекты. И эта перестройка, то есть следующая модернизация, кончается в его царствование, и тогда начинается коротенький звездный час автократии. Приходит Аракчеев. Видите, как нас бросает. То Сперанский, то Аракчеев. Реформаторов-модернизаторов из перестроек иногда бросает в деспотизм. Александр все знает про декабристов, он хороший человек, он не хочет никого карать. Он им письма пишет, Ивану Тургеневу в частности, и предлагает ему добровольно все это оставить, чтобы не было потом стыдно. Совершенно потрясающее, кстати, явление. Можно их просто было сдать в ВЧК, были кое-какие структуры. У Анны Иоанновны была Тайная Канцелярия, после

петровского Преображенского Приказа завели, кое-что и у Екатерины водилось. Было кому этим заниматься.

Александр ничего этого не делает. Он сам письмо инсургенту пишет и уговаривает его во имя совести все это прекратить. Это так потрясло Ивана Тургенева, что он в самом деле прекратил. Но на других-то писем не хватило! Возникает совершенно потрясающая ситуация. По своей идеологии декабристы - это носители скандинавской концепции. Они говорят о гражданской боли. Они предлагают свободу. Больше они ничего не предлагают. Они не предлагают еды. Поэтому они обречены. В этот момент народу уже никакая свобода не нужна, ему нужна еда. Это гарантия, что они не будут поняты, что они пройдут, "как проходит косой дождь", как писал Маяковский. "По родной стране я пройду стороной, как проходит косой дождь". И одновременно по методам у них всего намешано, здесь и византийская концепция, и концепция Дикого поля, и ордынская концепция. Когда мы рассматриваем методы, которыми они пользовались, мы видим эти концепции, эти традиции, которые вкрапливались в чисто скандинавский замысел - дать волю. Но поскольку общество исковеркано, души исковерканы, общественные отношения исковерканы, и сами реформаторы тоже исковерканы, именно поэтому они будут использовать для столь возвышенной цели очень уродливые методы. К сожалению, это уже навсегда. Ничего хрустального и чистого не может быть при пяти контрастных концепциях. Никогда этого у нас не было, и я боюсь, что и в дальнейшем не будет.

Мой Карфаген обязан быть разрушен

Лекция № 9. Мы меняем Конституцию на севрюжину с хреном

К 1825 году интеллектуальная элита уже прочно успела усвоить, что от нее в государстве не зависит ничего. И при всей своей оторванности от народа (как любил говорить Владимир Ильич Ленин, большой специалист в этом деле: он знал, как отрыв ликвидировать, вернее, как делать вид, что ликвидирован отрыв) не могли же они не понимать, что никакого взаимопонимания с охлосом, с людьми иного, низшего класса у них быть не может.

Они это знали. Что же это такое было, 1825 год? Если говорить с психологической, а не с политической точки зрения, это был просто взрыв отчаяния, даже судороги отчаяния, которые с тех пор будут повторяться регулярно и повторяются до сего дня. Когда ничего невозможно сделать: ни поправить, ни изменить, ни приблизить, ни отдалить, ни улучшить, ни развязать, ни завязать, - тогда находится одно-единственное средство. Последнее средство у русской интеллигенции, начиная с декабристов и кончая неформалами конца 80-х годов XX в. (и с диссидентами 1950-1980-х то же самое было) - это формула экзистенциализма: поджечь что-нибудь скорее и погибнуть. То есть идти на площадь. Поэтому гениальный Галич очень хорошо понял, что там произошло, и создал великое стихотворение, которое доказывает, что Пестель мог бы себя не утруждать и не писать никакую "Русскую Правду", что Никита Муравьев мог бы тоже не мучиться и не писать Конституцию, что Муравьев-Апостол мог бы не надрываться и не поднимать солдатские полки. Это было просто не нужно, это было лишнее. Это только помешало и замутило ясный пейзаж. Все эти детали, кроме Конституции, только испортили дело. Нужно было просто идти на Сенатскую площадь и вместо полков прихватить с собой лозунги с тем же эффектом и с тем же результатом. Суть события была чистой поэзией:

Быть бы мне поспокойней, не казаться - а быть.
Здесь мосты, будто кони, по ночам - на дыбы.
Здесь всегда по квадрату на рассвете полки:
От Синода - к Сенату, как четыре строки.
Здесь над винною стойкой, над пожаром зари,
Наговорено столько, набормотано столько,
Наговорено столько, что пойдя повтори.
Все земные печали были в этом краю,
Вот и платим молчаньем за причастность свою.
Мальчишки были безусы, прапоры и корнеты,
Мальчишки были безумны, к чему им мои советы?
И я восклицал: "Тираны!" - и славил зарю свободы,

Под пламенные тирады мы пили вино, как воду.
И в то роковое утро совсем не ущербом чести
Казалось, куда как мудро себя объявить в отъезде
И как же так получилось, что меркнет копейкой ржавой
Всей славы моей лучинность пред солнечной ихней славой?
О доколе, доколе, и сейчас, и везде,
Будут клодтовы кони подчиняться узде?
Но все так же, не проще, век наш пробует нас:
Ты можешь выйти на площадь? Ты смеешь выйти на площадь?
Ты можешь выйти на площадь в тот назначенный час?
Где стоят по квадрату в ожиданье полки,
От Синода - к Сенату, как четыре строки.

Эти слова: "Ты смеешь выйти на площадь в тот назначенный час?" мы выбрали в 1988 году для наших партбилетов, для партбилетов Демократического союза. И когда ничего невозможно изменить, можно хотя бы заявить, что ты не согласен, и выйти на площадь. В этом, собственно, и было дело 14-го декабря.

В принципе, это не было военным мятежом. Историки глубоко заблуждаются, считая, что это было попыткой военного переворота. Попытка военного переворота просто маскировала первую в истории России политическую манифестацию. 1825 год - это была первая политическая демонстрация. Но поскольку устраивали ее офицеры, им было смертельно стыдно, что они до такой степени ничего не могут сделать, что вынуждены идти на манифестацию. Хорошо нам, неформалам, было ходить на митинги, но офицерам, героям 1812 года, идти на политическую манифестацию, потому что они не могли ничего изменить в порядке управления, ни снизу, ни сверху, было позорно. А что было делать? Сверху - матрас власти. Стучи кулаками, кричи, ничего не слышно, все вязнет, как в вате. Снизу - матрас народа. Тоже можешь топтать ногами, брыкаться - никакого отклика. И вот между этими двумя ватными матрасами приходилось жить, и сознавать это было смертельно стыдно. Поэтому во многом все эти попытки имитировать военный мятеж были вызваны просто элементарным стыдом. Неудобно было признаться, что ничего сделать нельзя. Кстати, многие это не сознавали. Сознавал это вполне только один человек, идеолог 14-го декабря, которого на площади не было: Михайло Лунин. Он все очень хорошо понимал. Декабрьскому делу предшествовал период аристократического неформалитета, аристократических "кухонь". У них вместо кухонь были, конечно, гостиные и каминные, пока нетайные общества, клубы вроде "Зеленой лампы". Все сидели и прожекты писали. Это было модно. Все это ничем не отличалось от того, что было у нас в шестидесятые годы XX в., просто уровень был другой, одежда другая, манеры другие. Они знали языки, имели дворцы вместо "хрущоб", вместо кухонь у них были гостиные, под гитару пели не Окуджаву, не Галича, не Высоцкого. Песни тоже были другие: пели Дениса Давыдова. Это единственное, чем отличалось положение в 60-е

годы XX-го века от ситуации начала XIX века. Идеологически никакого отличия не было.

Бессилие, роковая невозможность что-то изменить и сознание этой невозможности терзали их. Это как раз было хорошо. Хуже было то, что от бессилия в голову полезли лишние мысли. Пока потенциально, пока на лабораторном столе, пока только на умственном полигоне, фактически прокрутился весь октябрь 1917-го года. Декабристы как интеллектуалы очень высокого класса быстренько прокрутили всю дальнейшую историю за те пять лет, в которые они шли от неформального объединения в гостиной до первой политической манифестации. Прокрутилось фактически все, вплоть до красного террора.

Планы Пестеля интересны тем, что они были совершенно большевистскими планами. Он планировал не только республику, это как раз было бы и ничего, хотя невозможно сразу перейти к республике, но это неважно. Невозможность эта никого не опешляет, не пачкает. Невозможность - это не урон чести. Уроном чести было другое - идея убийства не только монарха, но и всей царской семьи. Узнаете историю с Екатеринбургом и с тем самым Ипатьевским подвалом? Вся эта история уже проигрывалась в пестелевском кружке, на собрании декабристов. Убить всех, вплоть до грудных младенцев, извести под корень царский род. Они не успели договорить до конца, но, безусловно, следом пришла бы мысль убить всех, кто не согласен. Не только царя, но и министров, но и своих вчерашних товарищей по полку. К этому они обязательно бы пришли, потому что Пестель был человек, абсолютно лишенный какой бы то ни было совести. Чего стоит одна эта его идея заставить царя дать Конституцию с помощью расширения состава заговорщиков, его решимость дать показания на всех, на кого только можно, чтобы увидели, сколько на Руси инакомыслящих, привлекая в качестве подопытных объектов тех, кто никак не был причастен! Это, конечно, был типичный большевизм - по бессовестности, по использованию человека в качестве средства, в качестве подсобного орудия, в качестве подопытного кролика.

Человек - это не колба, не реторта, с людьми так не обращаются. Но люди уже были для Пестеля не самым главным. Главное - это было изменить общественный строй. Я думаю, что они с Владимиром Ильичом поняли бы друг друга очень хорошо. Минус, конечно, военная подготовка. Ленин тоже ведь был вполне дворянского происхождения. Эти два человека были фактически идентичны. Ленин был хороший организатор, хороший публицист, очень ловкий человек. Он знал, как нужно создавать структуры, с помощью которых можно так расшатать любое самое прочное и стабильное государство, чтобы оно просто развалилось, превратилось в пыль. Распыление государства, распыление общества - это его ноу-хау. Он знал эти технологии. Он был в этом плане гораздо талантливее Гитлера и достиг больших результатов.

Пестель ничего этого не знал, он никуда дальше полка не показывался. Ему не приходилось ходить ни в какой народ, ни с какими рабочими он не общался. Он их не знал и знать не хотел. Он был теоретиком. Теоретиком изменения ситуации через истребление лишних. И эта идея уже жила среди нас. Эта идея, которую декабристы обсуждали без всякого отвращения и даже с жаром, привела в такой ужас Михаила Лунина, человека глубоко порядочного и католика, что он просто их бросил. И с 20-го года по 25-й он ни с кем из них не поддерживал никаких контактов; ему просто стало противно. Он появился только тогда, когда все произошло, когда было уже не противно, а достойно, когда можно было, не пачкая себя, получить чистый результат: заключение в крепость.

Лунин был единственный, кто понимал, что происходит, кто понимал, что они делают, и зачем они это делают. Он был хорошим политологом. И он был единственным, кто продолжал что-то делать и в Сибири. Заработал себе и повторный срок, и даже смертную казнь в камере. В конце концов он добился того, что они его убили. Он создал Самиздат, письма, которые были написаны там, в камере. Вполне грамотные письма, которые были куда выше по качеству, чем письма Чаадаева, потому что оказались менее идеалистичны и исходили хотя и из невозможной, но из западной идеи свободы. Михаилу Лунину принадлежит та фраза, на которую мы с вами будем опираться еще столетия: "Я никогда не участвовал в заговорах, присущих лакеям, и никогда не участвовал в мятежах, которые присущи толпе, но свободный образ мыслей усвоил со своего рождения, с того момента, как научился мыслить". Это был чистой воды вольнодумец. По сравнению с ним, все остальные декабристы казались просто школьниками. Они были или слишком восторженными, или слишком уж неразборчивыми в средствах. Пестель был, конечно, законченным негодяем, и виселица ничего здесь не изменяет. Муссолини тоже повесили. Это не прибавило ему ни честности, ни порядочности, ни благородства. А вот Муравьев-Апостол - это, конечно, трагическая история. То, что они сделали, привело к тому, что они умалили свою честь без всякой пользы. Надо было просто идти на площадь. Но им нужны были солдаты. Как заманить солдат на площадь? Ведь никакие солдаты не выступили бы против монарха. В то время это было абсолютно исключено. Это не 1917 год. Еще в 1903- 1904 гг. это было бы немыслимо.

А это 1825 год. Так тем более! Возникает "гениальная" идея: а давайте мы всех их обманем. Давайте сделаем вид, что мы восстали не во имя свободы, а просто хотим обиженному Константину вернуть корону, восстановить справедливость. Вернуть Константину корону, чтобы она Николаю не досталась, потому что Константин - законный монарх. Мы за монархию, но мы за нашу монархию, за перестроечную, за либеральную. И, конечно, нам тогда солдаты поверят и за нами пойдут - за такое святое дело! А мы захватим власть и потом эту монархию тихо упраздним. Главное - это власть захватить, а все остальное приложится.

Это совершенно роковое заблуждение, что достаточно захватить власть, а остальное все приложится. Бедные декабристы всерьез предполагали (те из них, кто вообще что-то предполагал, а не действовал неосознанно, потому что Ипполиту Муравьеву-Апостолу было только 18 лет, и он вообще еще ничего не предполагал, а был счастлив от того, что он протестует), что смогут перевернуть страну. Люди постарше, более зрелые, чем Ипполит, искренне не понимали, что свободная жизнь и свободный образ мыслей должны сочетаться. Невозможно заставить раба жить свободно. По приказу никто не будет свободно жить. Та самая вестернизация, о которой они мечтают (не забудьте, что декабристы - это энная попытка вестернизации; все они знали, как устроена жизнь во Франции, в Англии, они все там получили образование), оказалась бы их крахом. Муравьевы-Апостолы учились во Франции еще до всей этой истории с 1812 годом, до войны. Они знали, как живут там. Они искренне хотели перенести это на российскую почву, но они не понимали, что без соответствующего образа мыслей, без соответствующего менталитета у народа новую жизнь создать просто нельзя. Потому что нельзя насадить сверху. Нельзя заставить силой быть свободными; тем более нельзя сделать свободными обманом. Поэтому получился парадокс. Возник лозунг: "Мы идем за Константина и за жену его Конституцию". То есть Муравьев-Апостол так хорошо все объяснил своим солдатам, что они усвоили, что Конституция - это жена Константина. Они не поняли, что Конституция - это такая штука, которая уже исключает и Константина, и Николая. Они вообще не понимали, что такое Конституция.

Нельзя было до такой степени злоупотреблять доверием людей. Вообще нельзя обманывать подневольных и подчиненных. Они злоупотребили своим служебным положением, и очень сильно злоупотребили. Они прекрасно понимали, что солдаты не могут им не подчиниться. Они должны подчиняться, тем более, что такая благая цель. Сам царь Константин и его жена Конституция!

Самый трагический момент восстания - это не то, что стали бить картечью по собравшимся на площади полкам. Самый трагический момент - это когда тот полк, который шел за Муравьевым-Апостолом, устами одного солдата, самого забубенного, сформулировал вопрос: мы поняли, барин, что у нас будет свобода, только мы не поняли, а кто царем-то у нас будет.

Этот вопрос свидетельствует о том, что никакие высокие цели не оправдывают такой обман, такое злоупотребление доверием людей. Они их потащили силой, они им надели на голову мешок. Они им не сказали честно, что мы хотим бунтовать против властей, что, скорее всего, мы все погибнем. Хотите ли вы погибнуть вместе с нами? Они не предложили альтернативу, они им солгали. И вот это, действительно, - преступление. И если их и повесили, то с высшей точки зрения, вешать стоило только за это, но никак не за то, что они вышли на площадь.

На площадь, конечно, надо было идти, но не надо было туда брать ничего, кроме лозунгов. Потому что смысл был в политической манифестации. Кстати, было предсказуемо, что если они выскажутся вполне, то никакому народу не будут нужны их предложения. То, что они предлагали, было слишком несъедобно. Конституция, свобода, освобождение. То, что случится в 1861 году, в 1825-ом не было чаянием общества, за исключением элиты, нескольких грамотных людей, крепостных актеров или выучившихся, продвинутых крестьян.

Свобода без хлеба, голая независимость - это холодная вода. Холодная вода свободы уже тогда казалась очень неприятной на ощупь, и никто туда особенно не стремился. Не было спроса. Северное общество состояло из идейных либералов, которые предложили достаточно крутые либеральные реформы, т. е. освобождение крестьян, вестернизацию страны, либерализацию государственного управления, Конституцию, республиканское правление, так что при всей своей к ним неприязни, я вынуждена признать их потомками либералов. Либералы будут предлагать свободу в течение века, а спроса на эту свободу не будет. Одно предложение. Вы понимаете, что происходит в рамках рыночного хозяйства, когда есть очень много предложения и нет абсолютно никакого спроса. Происходит затоваривание. Товар начинает портиться, цена на него падает. За этот век цена на свободу в России очень сильно упадет, потому что она никому не будет нужна, кроме тех, кто ее станет предлагать.

Когда все кончается подавлением, надо сказать, что самый последний эпизод выглядит тоже очень плохо. Немногие сумели сохранить достоинство. Михайло Лунин его сохранил, потому что он с самого начала не был виноват ни в каких предосудительных помыслах. Ему не приходилось лгать, не приходилось выкручиваться, не приходилось обманывать, не пришлось и трусить. Но со всех остальных очень быстро соскочил их героизм. Конечно, здесь всего хватило. Как объяснял недавно Андрей Вознесенский, когда они всего-навсего попытались в Лужниках петь и читать стихи, выставлять картины, организовать выставку в Манеже, на них вдруг разгневался Никита Сергеевич Хрущев. И фактически все из их среды готовы были стать на колени и просить прощения: только бы простили! В этот момент они были еще рабами. К сожалению, рабство настолько проникло даже в души элиты, что 1825 год закончился почти всеобщим покаянием. На пальцах одной руки можно перечислить всех тех, кто каяться не стал. Все остальные омывали своими слезами ноги монарха. Конечно, у Николая хватало чувства юмора, и он мог всласть посмеяться над этим.

Как пишет Эдвард Радзинский: сначала был бал, а после бала - казнь. А потом была тишина. Не потому, что запретили говорить. Никто не пытался проанализировать, что означают эти сороковые годы. Знаменитые сороковые годы. Это безвременье, которое длилось до конца 50-х, до конца Крымской войны. Что это все означает? Если мы отвлечемся от теории прогресса и от идей

марксизма, это означает, что сказать было нечего. Не то что Николай запретил говорить, Лунину ведь он не запретил. Тот в своей камере продолжал писать памфлеты и ухитрился через сестру рассылать их по Руси. Нечего было сказать.

Попытка декабристов высказаться привела к чудовищному нравственному провалу. Общество это осознало. Может быть, общество не отдало себе отчет. Общество почувствовало, что это провал. И не потому, что картечь! И не потому, что Сибирь! И не потому, что виселицы! И не потому, что кого-то отправили на Кавказ... И не потому, что кого-то из разжалованных засекли шпицрутенами, засекли те же солдаты, кстати. Офицеры пытались их спасти, потому что они знали, что эти разжалованные - такие же офицеры, как они, но солдаты настолько возненавидели тех бар, которые их товарищей, не предупредив, подставили под картечь, что они просто воспользовались случаем и убивали, засекали насмерть тех, кто оказался в этот момент солдатом. (Разжаловать могли за дуэль, разжаловать могли за фривольное поведение, за песенку, как Александра Полежаева). Это была реакция народа на ложь. Это была правильная реакция.

Люди отвергли ложь, а общество отвергло нравственный провал. Если у тебя есть что сказать, есть что-то за душой, не надо каяться. Если ты прав, не надо отречься. Если у тебя есть на чем стоять, стой на своем, а не хлопайся в ноги и не омывай своими сиротскими слезами стопы императора.

После этого страшного провала, когда, казалось, было нечего больше сказать, заглохли либеральные идеи насчет Конституции, насчет республики, насчет вестернизации, потому что носители этих идей не сумели их выразить достойно. Даже при полной безнадежности это можно было бы выразить достойно. Здесь общество и замолчало. Можно было только горько смеяться, как Чаадаев, и писать просто в никуда, на деревню дедушке Константину Макаровичу. Потому что кроме элитарных журналов, которые читал самый узкий образованный круг Москвы и Петербурга (дай Бог, чтобы 300 человек это все прочли, аудитория была даже меньше, чем у Радищева), писать было некому и некуда. Радиостанции "Свобода" тогда не было, иностранные корреспонденты тогда по Петербургу не бродили. Все было так, как писал Мандельштам: "А за Невой - посольства полумира, Адмиралтейство, лед и тишина, и государства жесткая порфира, как власяница грубая, бедна".

Поэтому общество замолкает. Оно замолкает до 60-х годов. Все Конституции пока закапываются в снежок, снежок все заметает, Конституции еще пригодятся, но они не скоро пригодятся. Они пригодятся только следующим либералам, потому что ни народникам, ни народолюбцам не нужна будет Конституция. Они и слова этого не произнесут. Идея Конституции уходит надолго. Идея либеральной буржуазной республики тоже уходит надолго, так же, как идея конституционной монархии. Появляются другие идеи, сугубо практические.

То, что сделал Александр Второй, в принципе, было чистым подарком. Может быть, это было второй перестройкой. Потому что Крымская война - это был очень мощный толчок. Россия становится в то время такой косной, такой неповоротливой, такой раззолоченной... Византийская традиция торжествует. Заставить мыслить и страдать Россию может только поражение. Победа губительна для России.

Победа в войне 1812 года - это ужасная вещь. К чему приводит эта победа? 1812 год, 1815 год? Это Венский конгресс. Россия начинает решать международные проблемы, не решив ничего у себя в собственном доме. Она выходит на международную арену и начинает ворочаться, как слон в посудной лавке. Она решает венгерские дела, она вершит французские дела. Вот откуда взялась смелость подавлять польское восстание 1830 года! Это все капитал 1812 года. Победа в войне 1812 года становится проклятием для следующих поколений, потому что она стала оправданием всего того, что делает власть. Так же, как победа в 1945 году становится проклятием для всего послевоенного поколения. И до сих пор это все еще проклятие. Я не говорю, что поражение было бы лучше. Я просто говорю, что была заложена некая основа для деспотизма, его моральный фундамент и пьедестал. Прямо по Окуджаве: "А все-таки жаль: иногда за победами нашими встают пьедесталы, которые выше побед". Это становится оправданием для всего, единственным смыслом жизни, и все остальное уже не важно: что бы ни происходило, сколько бы миллионов ни расстреляли, сколько бы ни удушили, сколько бы ни утопили - зато это поколение победило в войне... В малой степени это произошло и в 1815 г., потому что не было такого количества газет, не было электронных средств массовой информации. Вообще была эра отнюдь не информатики, а шагистики и барабанов.

Тем не менее, люди XIX века на себе ощутили вполне (хотя бы на уровне того века), что означает одержанная великая победа. Оправдание полному нежеланию что-либо делать, нежеланию догонять Европу, проводить реформы, освободить крестьян, развивать торговлю, развивать промышленность. Этого оправдания хватило до 1856 года. Считайте: с 1815 по 1856 год. На 41 год хватило этого заряда. 41 год Россия не развивалась, она ничего не делала, благодаря этой победе 1812 года. Наконец, к счастью, мы потерпели поражение в Крымской войне. Не дай Бог, если бы мы победили! Не исключено, что крепостное право вообще бы никогда не было отменено. Но, к счастью, нас разбили. Спасибо французам, спасибо англичанам, все-таки они нам хоть в этом смысле помогли. Россию разбивают, и так основательно разбивают, что всем становится понятно, что это колосс на глиняных ногах. Медный колосс на глиняных ногах. У этого колосса слабость и дрожь в коленках, у него поджилки дрожат, потемкинские деревни, государства жесткая порфира, все вокруг - один камуфляж. И ясно, что надо что-то делать.

Нужна надежная армия, и соответственно с этим надо все перестраивать, все государство. Естественно, нужно освобождать крестьян. Екатерина могла от этого дела отмахнуться, Павел тоже мог отмахнуться, Александр мог Сперанского отстранить, сослать и предаться Аракчееву. Не было Крымской войны. А вот после Крымской войны это стало уже невозможно. Крымская война была таким оглушительным поражением, что она заставила покончить с собой Николая. А это был человек достаточно твердый. И чтобы такой человек покончил с собой, не перенес позора, позор должен был быть убийственным. Испить эту чашу до конца было не под силу поколению и власти.

После этого позора начинаются реформы. Знаменитые александровские реформы. Собственно, если бы было хоть какое-то давление снизу, если бы не сопротивлялся так образованный класс общества, да и чиновники, кроме отдельных просветителей, которые приветствовали и восхищались (а таких было очень мало), реформа была бы проведена глубже. Она была бы проведена до конца. Община была бы разрушена. Но это никому не пришло в голову. Александру-то это пришло в голову, он достаточно много читал. Но это не нужно было крестьянам. Они об этом не просили, и вообще они не хотели никакой воли. Это было как снег на голову. Это было стихийное бедствие. Самое интересное, что и помещики, и крестьяне восприняли этот Манифест, как стихийное бедствие, как катастрофу. Примерно так же многие совки восприняли ликвидацию Советского Союза. И до сих пор они не перестают рыдать, стонать, ломать руки. Эти вопли слышны отовсюду. "Где наша великая страна?" Иррациональное, непонятное... То же самое произошло с крестьянами и с теми, кто ими владел. Конечно, если бы тогда уже был Столыпин, он бы подсказал, что нельзя оставлять общину, ее надо просто выкорчевывать, потому что община не даст развиваться фермерскому хозяйству. Она не даст расслаиваться деревне, и не появится класс наемных рабочих. Страна не сможет нормально развиваться. Но Столыпина не было. Крестьяне были освобождены, но так, что община не была разрушена, осталась круговая порука. Что же касается земли, то они получили ее по минимуму, получили только свои усадьбы. Были разные варианты освобождения. Были варианты освобождения с землей. Были варианты освобождения без земли, совсем без усадеб.

Аграрный комитет предложил более чем дюжину вариантов освобождения. Но сами крестьяне нуждались прежде всего в земле. Они поначалу абсолютно не понимали, а как же они будут теперь жить. Общины, выгон, барский лес, возможность получить инвестиции (барские инвестиции) в свое хозяйство - все это пропало. То есть независимость - это тест, как для СССР или для Чечни, так и для крепостного крестьянина. Независимость - это возможность показать, чего ты стоишь. Здесь есть крупный риск. Кто уж во что горазд... А крестьяне от воли отвыкли, никакой инициативы у них не было. Она сковывалась много веков. Отдельные, очень талантливые люди могли выкупиться, могли преуспеть. Были такие случаи, но это не было массовым явлением. А здесь освободилась вся масса. Это был первый акт трагедии.

Трагедией стало освобождение крестьянства, фактически против его воли, без всяких аплодисментов с его стороны, под вопли: зачем нам это нужно?!

Второй акт трагедии наступит при столыпинских реформах. Третий акт трагедии будет, когда после 1991 года появится возможность выходить из колхозов с землей, хотя бы в аренду полученной, хоть пока и без права частной собственности, но худо-бедно... Вышло меньшинство. Большинство осталось в колхозах. То есть когда появится выход, многие уже не пойдут в ту сторону. При столь массовом недовольстве реформы были все же поразительны. Как будто на эту сермягу, на этот затрапез, в которые была одета Россия (с точки зрения ее общественного устройства), надели мантию из золотой парчи. Россия получает университетскую реформу, то есть университетские вольности на совершенно европейском уровне. Россия получает суды присяжных. Это куда лучше, чем Шеффенский суд в Германии. Россия получает земскую реформу. Она получает такие возможности для самоуправления, какие имеет Западная Европа. Но, к сожалению, у нас уже никто не мог с собой управиться. Нужна была трезвая непьющая страна, страна, которая жаждала бы вольности, как ее жаждали англичане. Но англичане эту вольность имели, они получили ее формально, де-юре и де-факто, в XIII веке. А здесь вольность несколько запоздала. Ее надо было переложить на бумагу и приложить к этой бумаге печать, по меньшей мере, в XIV-ом или в XV веке. А сейчас уже было поздно. Сейчас эта вольность была уже не нужна. И все это существовало параллельно. Суд присяжных и все эти установки, вплоть до выборной системы самоуправления, существовали вместе с диким пьянством, с диким невежеством. Хотя появились хорошие земские школы, хорошие земские больницы, но это сосуществовало с психологическим рабством. Когда человек уже лично свободен, но до этого был рабом из поколения в поколение, он, видя какого-то исправника, начинает ему руку целовать и шапку снимает за километр, хотя никто этого не требует, а если бы и потребовали, можно было бы запросто этого не делать, потому что права требовать этого исправники не имели. Но люди, к сожалению, это делали добровольно и целовали руки не только исправникам, но и всем заезжим городским писателям или местным землевладельцам, которые изучали нравы и писали пейзажи. И те не знали, куда им деваться и как от этого бежать. К сожалению, все это им приходилось выносить до того момента, как эти же крестьяне, которые вчера им целовали руки, начинали жечь их усадьбы.

Византийская традиция рано или поздно разряжалась традицией Дикого поля, и тогда все уничтожалось. Здесь была некоторая разрядка. Пароксизм деспотизма - и второй полюс: пароксизм нигилизма. И, к сожалению, конституционного поля между этими полюсами просто не было.

Именно здесь появляются народники. Можно считать, что они заводятся буквально от сырости. В стране робко пробиваются первые европейские ростки. Как писал Пастернак: "Гром позорных телег заглушают удары чугунки,

барабанная дробь-громыхание первых платформ, крепостная Россия выходит с короткой приструнки на пустырь и зовется Россией после реформ". Только сейчас появляются железные дороги, появляются довольно крупные фабрики. Кто-то учится читать и писать. Начинается более или менее цивилизованная городская жизнь. Конечно, дикая пропасть между элитой и народом. Никакого третьего сословия нет. Только-только появляются разночинцы. Никакого среднего класса нет и в помине. Общество сословное. Дикое. И не как в Великобритании, где богатый купец руку лорда не поцелует, и даже бедный купец этого не сделает. Там этого с XIII века нет, чтобы кому-то руки целовать. Тем не менее, что-то появляется, и можно подуть на это, это можно полить, это можно удобрять, это можно развивать.

Так нет, здесь появляются народники с самыми лучшими намерениями и начинают срочно мостить ими дорогу в ад. Это просто какой-то синхронный порыв в бездну. Потому что буквально четыре тысячи человек, четыре тысячи представителей образованного класса (почти все студенчество), идут в народ. Четыре тысячи - это очень много для того времени. Сначала Цюрихский университет, Сорбонна, Оксфорд, а потом - в народ. Четыре тысячи человек.

С чем же они идут в народ? Они не пытаются дотянуть народ до европейского уровня. Они не объясняют народу, сколь он отстал, и как важно создавать культурное фермерское хозяйство, учиться в школах, кончать, может быть, даже и университеты, зубы чистить, руки мыть, не ругаться матом, не пить водку. Они ничего этого народу не объясняют.

Вместо этого они объясняют народу вещи абсолютно дикие. Что он, народ, "богоносец". Что этот самый народ, дикий, темный, все знает, все умеет...

Народники - это законченные социалисты, и они объясняют народу только одно: что он, народ, - хороший, что власть - плохая, и что для того, чтобы все стало хорошо, надо эту власть свергнуть, и надо все имущество взять и поделить. И самое ужасное, что люди, которые все это объясняют - это идейные люди, это честные люди, это пламенные люди, это идеалисты. Они ничего не получают, кроме неприятностей, за все свои труды. Это идеалисты, типа Софьи Бардиной, и они, по пятнадцать часов в день работая на мануфактурах, все это несчастному народу объясняют. Они вколачивают людям в голову идею, что с властью надо бороться. Они создают среду, в которой появятся будущие комбеды. Идея раскулачивания появляется именно тогда. Большевики заново ничего придумывать не будут. "Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем, мировой пожар в крови. Господи, благослови". Это все народничество. Блоку тоже не придется ничего придумывать, он из воздуха времени все возьмет. Самые дикие и реакционные идеи, идеи чисто большевистские, чисто социалистические, и даже не социал-демократические, потому что у нас было мало цивилизованных (более или менее) меньшевиков, а в основном были эсеры-максималисты (потом, когда они вылупятся из народовольцев),

народники народу буквально суют за пазуху, заталкивают за шиворот, льют в него, как воду во время пытки водой. Сначала народ ничего этого не понимает и сдает пропагандистов жандармам, чувствуя, что делается что-то неладное. Если бы народ продолжал в том же духе, то он, может быть, и спасся бы. Но, к сожалению, он потом входит во вкус. Капля точит скалу. Такие проповеди, читаемые людьми столь бескорыстными, столь пламенными, столь фанатично настроенными, истинными подвижниками, приводят к тому же, к чему привела проповедь первых христиан. Сначала над христианами все смеялись, считали их неотесанными варварами, думали, что они уничтожат всю культуру и образованность. Это я про тех, кто не верил, что христиане пьют человеческую кровь, про более или менее грамотных и нормальных людей. Смеялись, отвергали, а потом вдруг где-то к IV-му веку уверовали. Потому что видели, что люди идут в амфитеатры на съедение зверям, и это было очень убедительно.

Личный пример убедителен. А поскольку сакральной истины у государства не было, то некому было объяснить вред народничества, потому что не было никакого противовеса, равного по харизме. Если бы в этот момент нашлись некие либералы, которые объяснили бы всю пагубность социализма и сделали бы это так же страстно и пламенно и стали бы проповедовать, как пророки, идею вестернизации и ухода на Запад; если бы что-то было противопоставлено, можно было бы превозмочь этот недуг. Но, к сожалению, ничего не было. Либералы могли бы перетянуть канат, если только бы они по степени самоотверженности превзошли народников.

Но народники оказались одни. Одни в острогах, одни на мостовых, одни перед крестьянскими избами, одни в лаптях. А те, кто сидел в мягких креслах и издавал малотиражные газеты в Петербурге и в Москве, были крайне неубедительны. Тем более, что народ эти газеты не читал. И все просвещенное сословие, типа доктора Чехова, которое честно трудилось, лечило, учило, создавало ссудные кассы, вдовьи дома, старческие дома, приюты, то есть реально поднимало культурно-социальный уровень, оказалось безъязыким. Безголосым. Они не сумели ничего сказать. А в России чрезвычайно важно Слово. Даже важнее дела. И если дело не сопровождается никаким словом, делу не верят, скорее поверят слову. За народниками никакие дела не числились. Все дела были за земством. И вот земству не поверили, а народникам поверили. И пошли. История пошла по роману Сервантеса, как в случае с Дон Кихотом и Санчо Пансой. Сначала Дон Кихот, типичный народник, типичный разночинец, читает некое марксистское руководство (неважно, что там про Амадиса Галльского, главное, что там сказано, что надо спасти человечество). И пусть не про прибавочную стоимость, а про рыцарские подвиги, но результат один и тот же. На голову надевается медный тазик, и надо немедленно идти сражаться с ветряными мельницами. Причем во имя Дульсины Тобосской, которая вполне адекватна здесь светлому будущему всего человечества, потому что на самом деле никакой Дульсины Тобосской нет, а есть Альдонса, но всех, кто не поверит, что есть Дульсиня, ожидает рыцарское копье и смертельный

поединок. То есть ты сдохнешь, а поверишь в Дульсинею Тобосскую и заявишь, что она самая прекрасная женщина в мире.

То есть абсолютно марксистская схема. Это у интеллигенции. А народ - это Санчо Панса. Ему не нужна никакая Дульсинея Тобосская, он не верит ни в какие рыцарские подвиги. Он не читает фолианты. Ни марксистские, ни про Амадиса Галльского. Для него что было главным? Чего хотел Санчо Панса? Он хотел быть губернатором на острове. Он пошел за Дон Кихотом исключительно из этих побуждений. То есть народу обещали, что будет журавль в небе. И народ немедленно выпустил синицу, которая была у него в руках, и погнался за журавлем, который был в небе. В погоне за этим журавлем и разворачивается наша дальнейшая история.

После того как в народников народ поверил, и возникла какая-то ответная искра, власть несколько забеспокоилась. И власть сделала большую глупость. Вместо того, чтобы что-то противопоставить народникам идейно, она прибегла к репрессиям. Она стала просто сажать. Никакого другого ответа у нее не нашлось. В ответ на это рождается очередная вспышка отчаяния. Потому что следующая стадия - это народовольцы. Народники к этому моменту уже порядком устали. Как ни странно, именно в тот момент, когда возникла ответная искра, когда что-то стало завязываться, народники абсолютно разуверились в своих идеалах. Они увидели, что это десятилетия, что, может быть, это века. Они увидели, сколь несовершенен мир. Что там царит неравенство, и, может быть, это навечно. К сожалению, они ошиблись. Неравенство было не навечно, неравенство было еще совсем ненадолго. Увы! Они не знали, что счастливый миг так близок, они отчаялись. Они подумали, что пройдут еще столетия, прежде чем люди усвоят марксистские идеалы и начнут жить в некой утопии. То есть они слишком близко увидели жизнь, и это не могло не привести их в отчаяние, и для них это был настоящий шок. Они увидели реальную жизнь. Они увидели, сколь эта реальная жизнь далека от идеала. А им хотелось идеального социально-политического устройства, и общественный порядок этого типа нужен был им немедленно. Чтобы люди немедленно стали добродетельны, чтобы они немедленно стали равны, чтобы они немедленно стали счастливы, чтобы немедленно было создано общественное богатство, чтобы социальное неравенство было немедленно устранено.

Поскольку все утопии к тому времени уже были написаны, за исключением снов Веры Павловны (последней по времени утопии), то что им оставалось делать? Вы помните, что у нас делают интеллигенты, когда невозможно достучаться ни до властей, ни до народа? Они идут на площадь "в тот назначенный час", они должны выразить свой протест против реальной действительности. Здесь уже был чистой воды протест против мира, против таблицы элементов Менделеева, против закона всемирного тяготения, против

таблицы умножения. Возникает желание поджечь костер, но поджечь собой. Больше гореть в этой ситуации нечему.

Рождается движение "Народная Воля". Оно рождается, как чистой воды самоубийство. Оно очень сильно отличается от западного терроризма, от "Красных бригад", от "Красной армии", от "Action directe". Оно ничего общего не имеет с этими позднейшими наслоениями, потому что то настоящее первое народовольческое движение несло в себе идею смерти, но не смерти монарха, не смерти министров, а только своей смерти. А монарх и министры - это были вспомогательные средства убить себя. Разумеется, монарху и министрам это понравиться не могло. И это был не лучший способ: столь замысловато кончать с собой. Но они другой возможности не видели. Дело в том, что, как ни старайся, а за нелегальную социалистическую литературу, за все эти брошюры, за кружки не вешали, не казнили. Можно было загреметь даже на каторгу на несколько лет, можно было получить несколько месяцев или даже несколько лет острога, но никак нельзя было добиться, чтобы тебя за это убили. Не казнили за это на Руси.

Возникает следующий этап, когда становится понятно, что ничего не получается.

Первому это стало понятно Каракозову, кстати. Это была попытка создания явочным порядком "Народной Воли" - еще вне всяких уставов, вне всяческих программ. Покушение 1866 года - это начало "Народной Воли". Через пять лет после Манифеста уже совершается эта безумная попытка. Правда, есть кружки. Да, кружков было сколько угодно. И уже по делу Каракозова и Ишутина, Страндена и Юрасова понятно, до какой степени студенты задыхались в этих кружках, какая это была выморочная действительность, насколько там не было реального дела. Потому что с ними не было народа. Народу пока еще не обещали, что можно грабить. Когда обещают именно это, тут же появляется народ, и одиночество больше не грозит. Будет хорошо, будет большая компания. Гоп со смыком. Будет 1905 год. Потом - 1917 год.

Но такие народники, как Софья Бардина, не предлагали народу грабить. Они были еще слишком хороши для такого рода предложений. Поэтому никто их не понимал. Не понимали сначала и их атеизма и нигилизма. То есть вся эта история с агностиками и с воинствующими атеистами никакого отклика в народе не находила. Не понимали их идеализма. Не понимали, потому что они были просто другие, образованные люди, с белыми руками. Они слишком красиво говорили. Они говорили не о том, они говорили не про еду, а про истину. Они говорили о несъедобном. И точно так же, как были отвергнуты декабристы, должны были быть отвергнуты и народники, и народовольцы, потому что они говорили о несъедобном, о вещах идеальных, о духовной сфере. (Не в смысле духовной оппозиции!). Кстати, народовольцы додумаются на

последнем этапе своего существования до того, что им нужны политические свободы, для того, чтобы бороться за социальное равенство.

Это была великая идея, но она пришла к ним слишком поздно, уже нельзя было ничего изменить. Уже нельзя было добыть политических свобод, потому что они грохнули того самого царя, который собирался дать народу Конституцию. Было уже поздно. Уже не с кем было давать эти свободы. А для того, чтобы убрать монархов вообще, должно было пройти еще по меньшей мере 40 лет. Должен был настать 1917 год.

Народовольцы успели отчаяться, успели понять, что они никому не нужны, и что единственный способ добиться, чтобы тебя повесили, - это убийство кого-нибудь из ненавистных представителей режима. Это полное отчаяние, полная невозможность что-либо изменить. Логика их была порочной, но логика была именно такая. "Поскольку мы не можем изменить преступные общественные отношения, мы будем устранять носителей этих преступных общественных отношений". Это была абсолютно большевистская идея. То, что народовольцы делали на индивидуалистическом уровне, скажем, убивая какого-нибудь губернатора или шефа жандармов, впоследствии большевики будут делать массово в подвалах ВЧК. Скажем, все офицерское сословие - это кровопийцы, это преступники, это носители преступной концепции, это преступные элементы. Поэтому будем вешать всех офицеров подряд. Все крупные чиновники, все министры, - тоже наши враги, потому что они носители чуждых нам государственных идей. Поэтому мы убьем их всех и избавимся от вредной идеологии. И так со всеми категориями, вплоть до гимназисток и гимназистов. На самом деле Желябов, Перовская, Вера Фигнер - люди прекрасные, романтические, возвышенные, благородные, но они положили всему этому начало. Считайте, что красный террор начался несколько раньше: он начался в 1866 году, а не в 1918-м.

День выстрела в Александра Второго, день выстрела Дмитрия Каракозова можно считать днем начала красного террора. Потому что Дмитрий Каракозов понял, что ничего они сделать не могут. Была крестьянская школа. Были такие примерчики: что больше, один или сто миллионов? У нас один царь, а сто миллионов народа ему подчиняются. Ведь это несправедливо? Раз сто миллионов больше, чем один. Вот такая была социалистическая арифметика. Сидели они и книжки читали из публичной библиотеки, собирались Чернышевского освободить. Чем еще можно было заняться? Спорили о социализме. Что такое социализм, не знал никто. Идея освобождения Чернышевского возникла в тот день, когда Странден сказал, что только один Чернышевский может нам объяснить, что такое социализм. Правда, Чернышевский и сам этого не знал хорошенько. Но они решили добыть Чернышевского, чтобы он объяснил, что такое социализм. Возникла идея освобождения Чернышевского. И целое поколение, пока Чернышевский будет сидеть, будет заниматься его освобождением. Конечно, никого они не

освободят. Только сами сядут. Просто поразительно, до какой степени ничего, что было бы похоже хоть на что-то созидательное, эти социалистические нигилисты сделать не могли. Им дано было только разрушать. С бомбами у них будет получаться, с выстрелами - тоже, но когда будет возникать хоть какая-то позитивная идея, например, идея спасения человека, хотя бы такого, как Чернышевский (худо-бедно какой-никакой писатель), даже этого они сделать не сумеют. Пять или шесть экспедиций, включая лопатинскую, будут кружиться вокруг этих мест, ходить по тайге, но они будут только попадаться самым глупейшим образом жандармам, и никто из них Чернышевского не освободит. Им не дано будет сделать ничего положительного ни для кого. Считайте, что они были прокляты с самого начала. Им дано было только разрушать, но разрушать они научатся классно.

Большевизм возник неназванным задолго до своего реального обоснования. Он уже где-то был спроектирован. Владимир Ильич придет на готовое. Почва будет готова, менталитет будет готов, сознание народа будет готово. Народовольцы вначале брезговали Нечаевым. Они справедливо считали, что Нечаев - это исчадие ада, потому что идея политического обмана, политического лицемерия была у него развита до крайней степени, до степени крайнего цинизма. Кто хочет в этом убедиться, пусть внимательно читает "Бесов" Достоевского. Там содержится очень грамотное представление Нечаева. Можно достать его реальный манифест. Ведь это проклятое царское правительство не побоялось во всех газетах напечатать нечаевский манифест. И он вызвал такой шок, такую оторопь, что защищать Нечаева никому не захотелось. И не только не захотелось в России! Ведь и в Швейцарии никому не захотелось защищать Нечаева. И он не получил статуса политического беженца. И его выдали, несмотря на все его вопли, что он политический противник режима. Его выдали как уголовника. И правильно сделали, потому что он и был уголовник. И народовольцы вначале справедливо им брезговали. Они говорили, что они другие, у них высшие идеалы, что они никогда не будут пользоваться такими методами.

Но логика борьбы, безнадежной, бессмысленной борьбы, борьбы в обратном направлении, в направлении, обратном прогрессу, привела их к тому, что в одну прекрасную ночь они вступили в сношения с Нечаевым. Перед концом "Народной Воли" они успели с ним пообщаться, успели договориться, и пути их сошлись. Все благородство куда-то девалось, и вся брезгливость - тоже. Логика была такая: когда тебя прижмут к стенке, уже не до благородства, уже не выбирают средства. Средства перестают выбирать, когда ситуация становится смертельной. Они попали в смертельную ситуацию. Никогда нельзя попадать в такую ситуацию, когда ты перестаешь выбирать средства, потому что, если ты попал в эту ситуацию, цель уже не важна. Они попали в ситуацию, когда не было уже никакой цели, остались одни средства.

Если вначале такие идеологи, как Желябов, верили, что несколько политических убийств могут вызвать смятение у правящего режима и заставят его дать политические свободы, изменить социальное законодательство, они, конечно, лет через пять-шесть в это верить перестали. Было совершенно очевидно, что ничего этого не произойдет. Они убивали уже от полного отчаяния, в надежде, что рано или поздно их самих убьют. Это была попытка размазать себя по стенке, себя - не режим. Разбиться о власть, разбиться о режим, разбиться о страну, которая жила не по их формуле. И, к сожалению, власть в этом отношении им потакала. Лучшим способом обезоружить и обезвредить "Народную Волю" было бы не приговаривать никого к смертной казни. Может быть, даже и миловать их. В таком случае, они были бы полностью уничтожены. Не было бы этого ореола. С ними надо было обращаться как с людьми неразумными, не сознающими себя. Даже просто отпускать. Идите, куда хотите.

Куда пошел бы Каляев, если бы его выпустили из тюрьмы? Он ведь жить уже не хотел. Он отказывался просить о помиловании. Он и бежать то не хотел. Он понимал, что после того, что он сделал, жить нельзя. Лучшие из народовольцев это до конца понимали. Худшие уже не понимали ничего. Там были разные люди. Были люди высокоразвитые, были люди с очень низкой душевной организацией, люди попроще, типа Троцкого или Малюты Скуратова. Были люди посложнее, типа Бухарина, типа Луначарского. Они понимали, что делают, и они понимали, что после этого жить нельзя. Они не хотели спастись бегством. Они понимали, что после того как они убьют ни за что ни про что другого человека, только за то, что он носитель другой идеологии, они должны умереть сами. Потому что жить после этого уже не надо. Иван Каляев это очень хорошо понимал.

Когда Иван Каляев оказался бы на улице, совсем свободный, и ему сказали бы: "Иди, куда хочешь, нам противно на тебя смотреть", - как вы думаете, куда пошел бы Иван Каляев? Он не пошел бы бросать следующую бомбу. И никто бы не пошел. Даже Желябов этого бы не сделал. Без этого процесса, без эшафота, без виселиц, без Семеновского плаца движение народовольцев не легло бы в основу большевизма, не положило бы начало традиции героической ненависти и не дало бы морального оправдания всему тому, что происходило в 1917-ом, 1918-ом, 1919-ом, в 1905 году. Эту традицию надо было ломать нетрадиционными способами. Была у народовольцев традиция Дикого поля, а традиция Дикого поля - это традиция самоотверженности. Эта традиция тех, кому головы не жалко, кому жизни не жалко. Это было с самого начала. Обратите внимание на поэму Евтушенко "Казанский университет".

Он попытался это понять. Я думаю, когда он пытался это понять, он и сам отчасти в это верил. В 1970 году Евгений Евтушенко едва ли был таким антисоветчиком, каким он стал потом. Я думаю, что он достаточно искренне верил, когда писал, он не прикидывался. Когда он пишет о марксисте Николае

Федосеев, который был тоже (по своему мироощущению) в достаточной степени народоволец, я думаю, что он пишет правду.

По-над тюрьмой Владимирской запах весны и пороха,
Падает в руки льдиночкой вальдшнепа белое перышко,
Маленький да удаленький, из-за обмана зрения
Он, точно ангел, ударился грудью о стену тюремную.
Нету сильней агитации, нету сильней нелегальщины,
Если на тюрьмы бросаются самоубийцами вальдшнепы.
Хорканье в небе истошное. Что ж вы задумались, узники,
В самоубийцах восторженных сами собою узнаны?
Но улетев от охотника, что ж вы бросаетесь на стену?
Сколько вас дробью ухлопано, сколько по стенам размазано!
Крылья о стены каменные бьются, не сдавшись на милость,
Лучше крылатость в камере, чем на свободе бескрылость.

Когда поколение очень хочет сесть в тюрьму или пойти на виселицу, нельзя давать ему такую возможность. Потому что только этим можно остановить нигилистический самоубийственный пожар. Начинается новый Раскол. Нигилизм, народничество и "Народная Воля" - это третий Раскол. То, что Раскол у нас был типично политическим движением под маской биологических и социальных концепций, повторяется в XIX веке, повторяется в начале XX-го века. Это Раскол от нежелания терпеть, от нежелания расти, от нежелания взрослеть и стариться, от нежелания ждать и создавать более культурное государство, более образованное общество, от нежелания ждать, пока жизнь что-то привнесет, что-то залечит, когда сразу нужно, чтобы ребенок стал взрослым, чтобы родился и тут же заговорил, причем заговорил гекзамером, заговорил, как у Гомера, как у Платона, на чистом древнегреческом языке... Это нежелание терпеть медлительность жизни. Это желание предвосхищать события, обгонять века. И вколачивать Утопию, вколачивать ее буквально сапогом, как самовар раздувают. И вот эту Утопию (кстати, очень красивую Утопию), начали вколачивать сапогом. Начали это делать, как это ни парадоксально, лучшие люди страны. А либералы не представляли собой альтернативы. Весь XIX век после 1825 года пройдет под эгидой социалистов, потому что либералы будут молчать. Они будут делать, но они не будут говорить. У них не будет своего знамени, не будет своего плацдарма, не будет своего девиза, не будет своего герба. Они никого не будут вызывать на дуэль. В России либералы проигрывали весь XIX век и часть XX-го именно потому, что они пренебрегали рыцарскими турнирами. Они не понимали страну, в которой они живут; они не понимали, что в России все решается на поле боя. Обязательно должны быть прекрасные дамы, которые бросают перчатку тому, кто победил. Они не понимали, что должны быть герольды с трубами, они не понимали, что обязательно нужны копыя, мечи, и броня, и латы, и конь. Они не понимали формулы жизни в России. А эту формулу очень хорошо артикулирует в своей поэме о Тристане и Изольде Ольга Седакова.

Вот рыцари из солнца, их кони из темноты.
Из детской обиды их шлемы и копья, из тайны их щиты.
К Пятидесятнице святой они спешат на праздник свой,
Там гибель розой молодой на грудь упадет с высоты.

Тот, кто не понимает этой формулы, в России никогда ничего не сделает.

Мой Карфаген обязан быть разрушен

Лекция № 10. Через чистилище демократии - в ад диктатуры

У народовольцев были наследники. Такие же неприятные на вкус, на вид и на ощупь, как и их духовные отцы. И все они были на редкость похожи, несмотря на то, что постоянно конкурировали друг с другом, не разговаривали и всячески, еще до Октябрьского переворота, выясняли отношения. У Грина это все неплохо отражено. Там очень красиво показана панорама революционных кружков, где эсдеки и эсеры отбивали друг у друга аудиторию. Занимались они исключительно друг другом, забыв об объектах своих поучений. Объекты же находились в состоянии постоянной истерии. К тому времени уже водились народники, народовольцы, социалисты всех мастей, а тут еще, на наше несчастье, Лопатин перевел "Капитал", и немедленно эта толстая, скучная и очень специальная книжка была воспринята идеалистами как пятое Евангелие. Усвоена она была совершенно не критически. Примерно так же, как Дон Кихот усвоил свой рыцарский роман. Понятно, что прочитать про разные предания XII века в XVII-м приятно, но не следуют же из этого такие оргвыводы, что надо надеть на голову медный тазик и немедленно отправиться спасать человечество, воевать с ветряными мельницами, искать всюду сказочных великанов. Примерно такие же выводы были сделаны из "Капитала". Я думаю, что этих оргвыводов никто не предвидел: ни наяда, ни дриада, ни тем более, Маркс и Энгельс. Бедные европейские ученые при всей своей экстравагантности все-таки привыкли к нормальному буржуазному бытию, к теплоте зала Лондонской публичной библиотеки, к хорошо приготовленной еде, к хорошо накрытому столику в кафе, и им не приходило в голову, что их книжка попадет по сути дела в средневековую страну, где производство находится в рудиментарном состоянии, где промышленные рабочие являются чем-то средним между разинским и пугачевским контингентами, и что они со своей книгой станут родоначальниками новой Жакерии. Я думаю, что ни Маркс, ни Энгельс не представляли себе последствий, как любые фантазеры и утописты. Ницше никогда не представлял себе, что его очень экстравагантная, красивая, необычная философия может быть использована нацистами. Тем более не представлял себе этого Вагнер. Это ему и в кошмарном сне присниться не могло.

Та Парижская Коммуна, которую якобы Маркс и Энгельс приветствовали, во-первых, была где-то далеко, они ее не видели вблизи. Почта тогда работала плохо, телевидения не было. Когда коммунары валили Вандомскую колонну, этого CNN не показывало. Можно считать, что до них дошел слух, почти что сплетня, что где-то в Париже из их учения что-то интересное произвели. Надо сказать, что, к счастью, из этих их учений мало что успели произвести. Все-таки европейское воспитание сказалося. Коммунары не посмели национализировать

банки. Эта наша знаменитая триада: банки, почта, телефон, вокзалы, телеграф - она как-то у них не сложилась. Они были теоретиками.

Они сели за стол в мэрии, написали манифест и стали думать, как бы им учредить республику и Коммуну. А Коммуну они себе представляли отнюдь не как коммунизм, а как парижское и французское самоуправление. Слово "коммуна" во Франции никогда не имело того значения, что в России. "Коммуна" было расхожим словом, на французском сленге коммуной назывался каждый город, каждый город имел городское самоуправление, и это и была "коммуна" с советниками по социальным и по экономическим вопросам. Они набрали заложников; однако, тронуть их не тронули, им не пришло в голову, что заложников можно убивать. И я думаю, что они были очень шокированы и удивлены, когда версальцы решили с ними обойтись, как с инсургентами. Это был заговор в кафе. Это был больше кинематограф и кафешантан, чем разинский и пугачевский бунт. И Флуранс, и Делеклюз были хотя и старыми волками социализма (как они думали), но про социализм они прочитали в книжках у Кабе ("Путешествие в Икарию"). Они прочли очень много хороших книжек, сделали из них свои выводы и представляли они себе республику, социальный прогресс и социальное равенство примерно так, как это представляли себе даже не якобинцы, а старое доброе третье сословие образца 1789 года. Скорее даже как аббат Сиес и генерал Лафайет, потому что это были люди просвещенные, из хорошего общества, просто старые романтики. Бланки в этот момент фактически не участвовал в Коммуне.

Их очень жалко. Они, конечно, не заслуживали такого отношения к себе, как большевики.

Там был только один начинающий большевик, якобинец Риго, и он все время требовал, чтобы кого-то убили, кого-то повесили, кого-то ограбили, пролили кровь, но его коллеги по Парижской Коммуне просто пожимали плечами. К тому же во Франции всегда такие бульварные революции, очень красивые, с игрушечными баррикадами, вполне кинематографические. Они вошли уже в добрую традицию. Мало того: с 1789 до 1795 года у них вообще была сплошная перманентная революция. Потом 1830-ый, потом 1848-ой, так что 1871-ый у них просто вписался в сценарий. Единственное, что у них было красным - это красные знамена. И поэтому у Маркса были основания обрадоваться и мало было оснований ужасаться тому, что произошло, потому что это был заговор научных фантастов.

На самом деле, наверное, они даже не заслуживали того, что с ними потом сделали. Надо было посмеяться, надо было в газете написать про них какой-нибудь фельетон, совсем не обязательно было расстреливать и ссылать в Новую Каледонию. Французы очень сильно обожглись на 1792-м, на 1793-м, на 1794-м. Они принимали меры заранее. Это можно понять. Можно понять Гизо. Можно понять Тьера. Они ожидали, что на следующий день после победы коммунаров

будет установлена новая гильотина, хотя ни Флуранс, ни Делеклюз не были на это способны.

Нельзя шутить такими вещами. Коммунары поплатились за неуместные шутки. Нельзя шутить охлократическим бунтом, нельзя никого поднимать против незыблемых законов нормального человеческого буржуазного общества. Нельзя отрицать частную собственность - даже на словах. Нельзя ставить под сомнение социальное неравенство в стране, которая очень сильно за это поплатилась. А Франция к этому моменту поплатилась за это достаточно сильно. Якобинский террор и гражданская война - это запомнилось на всю оставшуюся жизнь.

Поэтому не следует думать, что Маркс и Энгельс были хотя бы меньшевиками. Они были слишком хорошо воспитаны для того, чтобы быть меньшевиками. По нашей шкале ценностей Маркс и Энгельс тянули на кадетов. Не на октябристов, конечно; но на кадетов они тянули вполне. Никогда бы они не стали ни эсерами, ни эсдеками. А "Манифест"? Подумаешь, "Манифест"!

Их книжка попала в неблагоприятную среду. Те, кто смотрел в эту книгу, видели в ней фигу, а не то, что в ней было написано. В ней было написано совсем не то. Не говоря уж о том, что это просто шутка, пасквиль, оранжевая альтернатива по-польски. Методика польской Солидарности. Коммунистический манифест был написан как розыгрыш. Он был написан исключительно для того, чтобы дать пощечину филистерам. Маркс и Энгельс просто забавлялись. Им очень хотелось оскорбить общественные вкусы, вызвать какую-то резкую реакцию. Это опять-таки была чистая литература. Но эта чистая литература была воспринята у нас на Руси на полном серьезе, как руководство к действию. Вплоть до общности жен. Не говоря уж о том, что следует все обобществить. То есть большего абсурда представить себе нельзя. Тем не менее, родилось сразу два направления, причем впопыхах, следом за "школой" народовольцев.

Не успели народовольцы "сойти" (как сходят маслята, и потом появляются лисички или, скажем, белые грибы, а за белыми грибами, в свою очередь, появляются рыжики и грузди), как возникли эсдеки и эсеры. "Седые" и "серые" на тогдашнем сленге. (Так они назывались в фольклоре). Они были очень похожи. Чем же они были похожи? Совершенно антилиберальными тенденциями. Индивидуализм, как философия открытого общества, как философия общества, не имеющего конечного ответа, последнего ответа на все вопросы, не имеющего жесткой формулы и не имеющего надежды, на установление идеального общественного устройства, вообще не имеющего вектора надежды на какое-то царство Божие на земле, ими отрицался. Общественная конструкция у них выглядела следующим образом. Эсеры обожествляли крестьянина и видели в нем идеал. Эсдеки обожествляли рабочего. Ни те, ни другие ни в грош не ставили интеллигенцию, то есть сами себя. Они обожествляли коллектив. Коммунитарная психология лежала в основе

их очень глубоких заблуждений. Понятно, что они были, во-первых, носителями славянской концепции. Сейчас это нам выйдет боком.

Долгое время славянская традиция нам не мешала. Было достаточно неприятностей с византийской традицией, ордынской традицией, с традицией Дикого поля, но вот с конца XIX в. чистая славянская традиция, традиция коммунитарного развития начнет отравлять все плоды и все источники, как некое ДДТ, разбрасываемое сверху, с вертолетов. Коллектив (неважно какой, где он работает, на поле или в цеху, важно что это некая общность) отрицает личность. Личность не имеет там никакого значения. Она не приоритет ни для рабочего коллектива, ни для коллектива крестьянской общины. Личность не считалась, не котировалась, интересы ее совершенно не учитывались. Утверждалось, что она вполне счастлива быть винтиком. Вот они, будущие сталинские винтики - задолго до того, как Иосиф Виссарионович сможет эту концепцию озвучить!

Более того, они видели своего врага в Западе. И те, и другие. Эсеры не выносили Запад, потому что Запад нес с собой отвратительную им механизацию, технику, будущую технотронную эру, техническое развитие. Им казалось, что это нашу пастораль отравит и исказит, даже изуродует. Опять в основе лежит неприязнь к Западу, неприязнь к цивилизации, неприязнь к высокой технической культуре. Отсюда берет начало узенький ручеек мифа о бездуховности Запада. О том, что если у вас моют тротуары с шампунем, то, значит, вы уже не можете иметь высокое духовное развитие. Высокое духовное развитие присуще только тем, кто сидит с голой задницей на свалке, желательно при этом сопливый, немывтый, оборванный, ковыряя в носу, и моет голову примерно раз в год. При этом он от духовности просто светится. То есть это духовность юродивого. Грязного, с веригами, в женской рубашке, который бегаёт с колом по площади где-то у Василия Блаженного и Лобного места. Очень старая традиция. Узнаете? Та самая традиция коммунитарного развития, и славянская традиция, и традиция Дикого поля, и ордынская традиция, отрицающая западную культуру, разрушающая ее.

А что было у эсдеков? Что было у наших дорогих "седых"? Эти ребята тоже ненавидели Запад. Они любили рабочего. На Западе, с их точки зрения, рабочих страшно эксплуатировали и выжимали из них все соки. Они полагали, что именно им предстоит создать общество, где рабочие станут правящим классом и не будут подвергаться никакой эксплуатации. Отсюда идет знаменитый лозунг. Последний его носитель - наш Святослав Федоров: "Фабрики - рабочим, и заводы - тоже". А все вместе это восходит к нашему старому другу Огюсту Бланки и к анархо-синдикалистам, которые считали, что в обществе не нужно ни администрации, ни аппарата, ни менеджеров, ни владельцев этой самой частной собственности. Достаточно все взять и поделить - и все будет работать; производительность труда будет повышаться, и чудеса высокой производительности труда очень быстро переключают все буржуазные показатели.

При этом и те, и другие, и эсеры, и эсдеки не выносили индивидуальность, отрицали западную цивилизацию и не видели особого смысла в конституционном развитии страны. Они всегда считали парламенты буржуазной говорильней. Личная свобода, вне социального аспекта, считалась ими просто ни во что.

Несчастные декабристы, которые мечтали этот самый народ освободить! Несчастные кадеты, которые столько времени посвящали идее конституционного устройства России! Здесь господствовал чистый Брехт: Вы учитесь нас жить во славу Бога: Не воровать, не лгать и не грешить, Сначала дайте нам пожрать немного, А уж потом учитесь честно жить.

Как вы понимаете, до честной жизни просто уже не доходило, а вот насчет того, чтобы пожрать немного - это был единственный лозунг и большевиков, и эсеров, и эсеров-максималистов. Да, были же еще эсеры-максималисты! А это кто такие? Это родоначальники троцкизма. Если просто эсеры занимались террором как бы функционально, до достижения определенного результата (скажем, разбежится весь правящий класс, вот здесь мы и закончим), то эсеры-максималисты вообще никаких пределов не видели. Перманентный террор. Так же, как перманентная революция. В принципе это вид философской шизофрении, философской паранойи. Потому что есть философские учения, которые являются разновидностью такого метафизического параноидального развития мыслящей личности. Когда личность начинает полностью не считаться с реальностью, когда реальность идет направо, а личность идет налево, и при этом личность продолжает настаивать на том, чтобы реальность повернулась и пошла в ее сторону, - это, конечно, социальная и политическая паранойя.

И плюс к этому прибавлялось ордынство. Как вы понимаете, византийской традиции еще нет, византийская традиция снова возникнет при Сталине, когда он начнет отстраивать жесткую иерархию. Но уже была ордынская традиция, она все время жила в нас, потому что левые, собственно, были законченными империалистами. Если кто-нибудь считает, что первая плеяда большевиков не была имперски настроена, потому что они отпустили на все четыре стороны Польшу, Финляндию, даже ратовали за свободу для Кавказа, он сильно ошибается. Вспомните, во что вылилась свобода на Кавказе. Как Орджоникидзе бил по морде грузин за намерение отделиться, и как большевики тут же прибрали к рукам Среднюю Азию. Так что они были империалистами, но только они были очень практичными империалистами. Они понимали, что можно разжевать только тот кусок, который имеешь шанс проглотить. Ленин был вообще очень умным человеком, он знал, что он не удержит Финляндию и Польшу, поэтому он поступил, как в русской народной сказке: "Дарю тебе индюка". Есть такая сказочка, о том, как барин и мужик об индюке заспорили. Мужик нес индюка под мышкой, а барин ехал в карете (или в бричке, или в

двуколке) и потребовал, чтобы мужик отдал ему индюка. Мужик не хотел отдавать, тогда барин просто отобрал этого индюка. Здесь мужик сообразил что-то, бежит он за этой тележкой и кричит: "Дарю тебе индюка, дарю тебе индюка!".

Вот так получилось с империализмом. Они прихватили всех, кого имели шанс удержать реально, кого в этот момент можно было захватить. Поэтому ордынская традиция ни на секунду не прекращалась.

И конечно, жила традиция Дикого поля. Абсолютно асоциальная традиция. Традиция, полная ветра, песка и пороха - и разгульной удали. Традиция, исключаящая, что кто-то будет спокойно спать в своей постели, а завтра утром пойдет в лавку. Традиция, исключаящая человеческую жизнь, потому что вечный ветер перманентных революций задувает огонь жизни. Жизни не остается. Какая жизнь может быть в этом кочевье, в седле, куда тебя кидают поперек? Они отнесли к стране, как к полонянке, как к пленнице. Они бросили ее поперек седла и куда-то повезли. А когда довели, они, собственно, не знали, что с ней делать, потому что они не могли ее кормить, они не знали, как это делается. Они не умели ею управлять. В принципе, первая генерация большевиков могла Россию только изнасиловать. Даже для того, чтобы поработить, надо иметь какие-то механизмы, функциональные придатки. Институт рабства требует все-таки сложной социальной организации. Должны быть надсмотрщики с бичами; одни рабы будут работать в доме, другие - на поле, третьих повысят, они будут приказчиками, кого-то можно будет сделать вольноотпущенником. То есть рабство требует некой стабильности. Стабильность наступит за гранью 20-х годов. Чистое рабство будет отстраивать Иосиф Виссарионович, когда пройдет звездный час автократии, и вместо пика пойдет ровная безнадежная прямая.

Первая генерация, ленинская генерация - это скифы, это дикие насильники: перекинули через седло, оторвали голову, повесили у седла, изнасиловали, убили, залили кровью, подожгли. Больше они ничего не могли сделать. Всякая социальная организация была им чужда. Именно поэтому у первой генерации большевиков не превалируют концлагеря. ГУЛАГ будет отстроен потом. ГУЛАГ требует определенного количества Вохры. Большевикам было проще расстрелять. Что они и делали, расстреливая всех тех, кого потом будут отправлять по этапу после долгого следствия. Нужны же палачи! Палачей надо отправлять на службу. Присваивать им очередные звания, вешать погоны, выдавать карточки. Нужны тюрьмы, нужны орудия пыток, для этапов нужны вагоны. У большевиков было проще. Здесь был нужен только маузер и пуля в затылок. Поэтому большевики работали с очень небольшим набором инвентаря. Маузер - и никаких проблем. Утруждать себя судами они не собирались. Они даже не делали вид, что их жертвы чем-то виноваты. Они были восхитительно просты. Просты как грабли. Это потом у Иосифа Виссарионовича возникла дюжина концепций, что одни - немецкие шпионы, другие - английские, третьи -

германские. Кто-то подсыпает в удобрения отраву. Кто-то в масло стекло подсовывает. Нет, наши большевики ничего такого не разрабатывали. Они просто говорили: чуждый класс, буржуазный элемент. Они уничтожали целые сословия. Планомерно. И не делали вид, что эти сословия чем-то перед ними провинились. Это был предварительный этап, звездный час автократии, с полным отсутствием идейного обоснования или какого-то политического оформления. Это, может быть, было повторение якобинского террора, в том смысле, что те ребята тоже не занимались оформлением. Они говорили: "Смерть аристократу, смерть врагу нации". Восхитительная простота! Конечно, Дикого поля в этом было очень много.

Так что эсеры и эсдеки друг друга стоили. И когда позднейшие исследователи с большой важностью запишут в толстых фолиантах, что если бы Учредительное собрание не было разогнано, то страна могла бы спастись - это все будет полнейшей чушью. В Учредительном собрании большинство принадлежало эсерам. Эсеры ничем не отличались от большевиков. В этот момент надежды уже не было.

Дело идет к 1905 году. Только что попытались убить Александра Третьего - и неудачно. Александр Третий был гораздо менее привлекателен, чем Александр Второй, который почти что дал России Конституцию. Конституционная монархия едва не родилась тогда.

Александр Третий уже ничего давать не хотел, кроме железных дорог и хорошего управления. И тут все срывается в русско-японскую войну. Русско-японская война была очень похожа на чеченскую войну. Япония ведь не была частью тогдашней Российской Федерации (империи). Она была похожа на чеченскую войну атрибутикой, риторикой и общественным настроением. Дикая ксенофобия! Чего только не говорили о японцах! Что они - желтолицые макаки, например. Знаменитый "Варяг", как правило, сейчас исполняют без одного куплетика, а в этом куплете было сказано, что на каком-то японском корабле "ждут желтолицые черти". Японцы были виноваты в том, что у них был другой разрез глаз, что они принадлежат к другой расе. В принципе Россию в этот момент захлестывал нацизм. Не хватало только того, чтобы с ним соединился социализм, и была бы проведена первая сверка исторических часов. И первое испытание на прочность будущей гитлеровской концепции. Это был расизм. Белая раса срочно решила презирать желтую расу, и на этом основании (поскольку мы их шапками закидаем и разобьем) срочно понадобилось завоевывать японцев. С чего это началось - неважно, важно, чем это закончилось.

Этот ура-патриотизм, помноженный на ксенофобию, естественно, сопровождался дикой военной некомпетентностью. Помните, что время от времени России надо терпеть поражения для того, чтобы проводить военную реформу. Со времен Александра Второго прошло уже немало лет, и за эти годы

армия успела благополучно отстать. Ее адмиралы, в основном, к тому времени были такими же надутыми и напыщенными идиотами, позвякивающими орденами, как наши с вами генералы. Если пойти сейчас в Министерство Обороны, то там можно обнаружить живые классические пособия по истории русско-японской войны. Такие же надутые чинуши, такие же бездарности, с таким же количеством звезд, с таким же самомнением. Они были совершенно уверены, что они разобьют японцев. Когда японцы стали их бить, поскольку японская армия действительно была в очень хорошем состоянии, и ее поддерживали на определенном уровне, россияне были потрясены и ошарашены. Российская империя обиделась, чуть ли не до самоликвидации в ходе 1905 года. Обиделась она, конечно, не на себя, как водится, а на собственных монархов, которые во всем оказались виноваты. Хотя вина была обоюдная.

Здесь уже на народ нашло разочарование и омрачение. Обратите внимание на то, из-за чего оно нашло. Представьте себе полнейший успех на фронтах японской войны. Представьте себе, что все японские острова были бы без боя легко взяты, с ходу, с наскока нашим родным российским флотом. Тогда волна ксенофобии, ура-патриотизма, и любви к монарху, и нежности к солдатикам, таким ладненьким, таким аккуратненьким, достигла бы каких-то невероятных степеней. Но когда оказалось, что эту самую армию бьют, любовь к царю немедленно пропала. Справедливое поражение очень болезненно воздействует на российские умы, а вот несправедливая, незаслуженная победа вместо того, чтобы вызвать отчаяние и ужас, вызывает волну восторга. Как это было после подавления польских восстаний 30-х и 63-х годов XIX в. После того, как самым позорным образом русско-японская война была проиграна, общество стало биться о стенку. Немедленно оно вспомнило все: и что министры далеки от народа, и что помещики эксплуататоры, и что фабриканты пьют народную кровь.

В этот момент, однако, в России никто ничью кровь не пил. Самое интересное, что российские предприниматели еще в своей исторической колыбели очень умеренно пользовались своими возможностями.

Они были люди богобоязненные и страшно стыдились своего богатства. Так что когда возникнут партии прогрессистов, а их было несколько, и это были партии предпринимателей, они вместо того, чтобы форсировать либеральное буржуазное развитие, всячески будут стыдиться сами себя и станут чуть ли не социал-демократическими партиями, даже в большей степени, чем меньшевики. Потому что они будут требовать социальной защищенности для рабочих, будут всячески стыдиться своих капиталов. Это они построили воспитательные дома, создали рабочие кассы, столовые, больницы. В это время социальная защищенность русского крестьянина или русского рабочего, вокруг которых ходило земство и просто сдувало с них все пылинки, была выше, чем в Западной Европе. Она была незаслуженно высокой. Она была развращающе высокой. У

нас было сколько угодно воспитательных домов. Пожертвований было столько, что хватало и на рабочие кассы, и на больницы. Собственно, даже не было повода для забастовок.

Каждый фабрикант считал своим долгом завести для рабочих какие-то развлечения и социальные гарантии. Это было просто какое-то социалистическое соревнование. Рабочие получали то, что они не зарабатывали. Не забудьте, что они еще и жалованье получали! Если бы не пьянство, да время от времени случающийся недород, то, наверное, все россияне купались бы в молоке и ели мед пригоршнями. Конечно, случался недород, конечно, страна находилась в зоне, неблагоприятной для земледелия, но в отличие от того времени, когда Ленин запретил помогать голодающим Поволжья и счел это контрреволюционной деятельностью, в России очень быстро помогали голодающим. Тут же организовывалась подписка, тут же шли огромные жертвования, тут же начинали кормить эту голодающую губернию. В этот момент уже осваиваются земли на востоке страны.

В Сибири иметь двадцать свиней или двадцать коров считалось неприличным. Считалось, что это бедняк, за таких дочерей не отдавали. Сибирь не знала крепостного права. Возникла интересная ситуация. Именно там, на востоке, могло создаться независимое фермерство. Именно там, в основном, заведутся те самые кулаки, которых начнут уничтожать большевики; в Сибири будут только зажиточные крестьяне. А бедняков там, как правило, не было. Там были слишком богатые земли. И те люди, которые шли в Сибирь заново организовывать хозяйство, знали, на что они идут, знали про суровый климат. Там не было бездельников. В России к тому времени мог быть голоден только законченный лодырь, только законченный алкоголик, только человек, который просто не хотел работать. Такие всегда и всюду будут голодны, и это нормально. Потому что тот, кто не работает, есть не должен. Классическая формула либерального общества: как потопашь, так и полопашь, - справедлива и не отменяема.

Недаром одна из русских народных сказок рассказывает про крестьянина Власа, который предпочел, чтобы его утопили, но сухари мочить отказался. Добрая барыня ехала через деревню и увидела, что какого-то мужика засовывают в мешок. Она остановила свою бричку и спросила у крестьян, что они делают. А те сказали, что хотят Власа утопить, потому что он не работает. Барыня возмутилась. Предложила этого Власа отдать ей, потому что у нее полный амбар сухарей, и она не обеднеет от кусочка хлеба, зато душу христианскую спасет. Мужики растолкали этого Власа и сказали, что ему большое счастье привалило. Влас открыл один глаз и спросил: "А сухари моченые?" Барыня несколько оторопела и осведомилась, неужели же он сам не может сухари размочить, ведь воды у нее хватит. Влас подумал и сказал: "Да нет уж, несите, куда несли. Экая морока - еще мочить эти сухари". Здесь и барыня оставила всю свою благотворительность. Крестьяне завязали Власа в мешок и понесли

топить. И мне кажется, они это сделали совершенно справедливо. Стоило утопить за такие вопросы и за такие ответы. Если бы середняки и кулаки вовремя утопили будущих членов комбедов, то Россия избегла бы многих несчастий.

Тем не менее, после того как обиженные на поражение в расовой и колониальной войне представители народа под руководством эсеров и эсдеков устроили маленький бунт в 1905 году, бунт сразу принял неконституционные и неевропейские формы отнюдь не парижские. Парижские формы предполагали какую-то конституционную цель, права для третьего сословия или ответ на угнетение. Революция 1830 года - это ответ на дикие действия Карла X. Если бы он не нарушил права, гарантированные Хартией Людовика XVIII, революции 1830 года не было бы. Если бы развитие городского класса, развитие бизнеса не стеснялось ничем, то не было бы революции 1848 года. А здесь смысла не было вообще. Это был амок. Это был приступ безумия. Потому что люди, в том числе люди из образованных, тащили бочки и телеги и строили баррикады. Во имя чего, они сами толком объяснить не могли. Они хотели устроить что-нибудь веселое. Они это устроили. Было ужасно весело. Они замарали кровью всю страну. Потому что подавлять все это государственной иерархией тоже было не очень приятно. Пришлось снимать гвардейские полки. Гвардейские полки, которые стреляют по баррикадам! Это было не их занятие, и это весьма запачкало их дворянскую честь. Пришлось знаменитому Плеве, которого потом убили с помощью бомбы люди Сазонова, потрудиться. Градоначальнику Трепову, которого пыталась застрелить Вера Засулич (хорошо, что не застрелила: если бы она его застрелила, некому было бы подавлять московское восстание), пришлось сделаться мясником. Пришлось прибегать к совсем уж некрасивым методам. Здесь никто не остался с чистыми руками, никто не остался в белых одеждах. Эти баррикады и то, что дело дошло до этого, - именно это потом вынудило Столыпина идти на военные суды, на такие первичные ОСО, когда осуждали без адвокатов. Я не думаю, что Столыпину это доставило большое удовольствие.

Едва ли и Пиночету доставило большое удовольствие делать то, что он сделал в Чили. Не думаю, чтобы Франко было очень приятно так обращаться с испанцами, как ему пришлось с ними обращаться. Но законы революции и контрреволюции, - это, к сожалению, сообщающиеся сосуды. Для того, чтобы подавить безумный бунт, нужны зачастую не очень изящные и эстетичные средства. В результате потом все ходят в грязных одеждах и с грязными руками и столетиями должны стирать с себя эту кровь. Общество находится в состоянии навсегда непримиримого противоречия. Потому что одни расстреливали других, одни другим рубили головы. Как дальше жить после этого - вообще непонятно. Большое спасибо эсерам и эсдекам! Они сделали, что могли. Они навсегда поссорили и образованные классы, потому что половина этих образованных классов пошла на баррикады, а другая половина их с этих баррикад сдирала. Половина гвардейских полков приняла участие в

карательных акциях. Половина отказалась принять в них участие. Какая-то часть народа пошла на баррикады, а какая-то часть его же потом была студентов в предчувствии будущих эксцессов 1917 г. Одних сделали охотнорядцами и черносотенцами, а других сделали карбонариями.

Тот процесс, который инициировали те, кто придумал баррикады 1905 года, был роковым. Они не ведали, что они творят, потому что они непоправимо исказили все общественные процессы. Конституционного развития уже не могло быть. Манифест 1905 года - это было все равно, что выливать ведро воды в лесной пожар. Пар, шипение, а огонь продолжает безумствовать. Эту стихию нельзя было уже подавить никаким конституционным манифестом. В России пылало пламя ненависти. Причем такое пламя, что только с ядерным реактором, с тысячью Чернобылей можно было его сравнить. 1905 год предопределил 1917 год. Части общества непоправимо возненавидели друг друга. Социальная и политическая ненависть достигли таких степеней, что развести это общество можно было только, наверное, на разных концах страны. Одних - в Мурманск, других - во Владивосток, потому что вместе они больше жить не могли. Не считая того, что особенным терпением у нас необразованные классы не отличались. И, кроме этого, нередко были случаи, когда в 70-е годы XIX века какой-нибудь крупный предприниматель или аристократ (или даже помещик), хотя они были люди достаточно консервативные, давал своему домашнему учителю или врачу крупную сумму денег и говорил: "Отдайте, кому нужно. Это на динамит и пусть все поскорее кончится". То есть степень безответственности элиты не знала себе равных.

Как можно было окончить какую-то общественную рознь или общественное противоречие (или роковое отставание страны) с помощью динамита, они, наверное, и сами не понимали.

Но долго, в течение веков, терпеливо работать, ползти по сантиметру, как улитка по склону Фудзи, - это кажется скучным для нашей широкой славянской натуры, поэтому проще было дать деньги на динамит.

Деньги на динамит поступали исправно. Динамит исправно использовался, а потом уже и винтовки покупали.

И вот среди всего этого безумия является Столыпин. Человек современного склада, западник, либерал, но реалист. Он видит страну такой, какой она была. Он видит обезумевшую страну. Он начинает ее постепенную реабилитацию. Чего он хочет для этой страны? Он хочет, чтобы она постепенно, по сантиметру, выползла из этого огнедышащего озера.

Потому что это было какое-то ядро Солнца, где бушевала плазма. Это была плазменная реакция. Эту реакцию надо было остановить. Нужно было личность развести с коллективом. Потому что личность, оставшись одна, взялась бы за

ум, стала бы заботиться о своем благосостоянии, о своем образовании, о своей семье. Ей бы понадобились законы и правовые гарантии. Столыпин начал строить наш Запад снизу. Но ему мешали и снизу, и сверху. Снизу был вулкан. Сверху были идиоты, которые в Столыпине видели чуть ли не революционера, которым он отнюдь не был.

Он был типичным классическим эволюционером. Если бы они встретились с Егором Гайдаром, они бы прекрасно друг друга поняли. Фактически это те же идеи, только высказанные на несколько разных языках. Все-таки с тех пор прошло восемьдесят лет. Столыпин взял себе за образец английское общественное развитие. Собственно, он хотел написать нашу Великую Хартию вольностей. Но он хотел, чтобы эта Великая Хартия была дарована не сверху, а была выношена и рождена снизу. Естественно, глупые надутые министры, звенящие медалями, которые не выносили интеллектуалов, его терпеть не могли и всячески против него интриговали. То есть отношение к Столыпину было очень похоже на отношение к молодым реформаторам, хотя он молод не был. Но он был интеллектуалом, а значит, в глазах номенклатуры двора он был младшим научным сотрудником в розовых штанишках. Хотя у него были вполне солидные чины и вполне солидные ордена, его всячески вытесняли. Он был либералом, он не был черносотенцем, он очень прохладно относился к охотнорядцам. Он вообще к идиотам относился прохладно, а в России в этот момент были только крайне левые и крайне правые. Средний класс или не осознавал себя, или пытался прижаться к этим левым и правым. Он не имел собственных политических выразителей. Кадеты, которые могли бы стать его выразителями, в то время прижимались к левым, а октябристы или уходили в правый галс, или начинали извиняться за то, что у них есть деньги, как будто они эти деньги украли, хотя они их честно зарабатывали.

Словом, ситуация была абсолютно безвыходная, но Столыпин боролся до конца. Реформы не пошли по совершенно трагической причине. Крестьяне, которым дали, наконец, выйти из общины, из общины, в сущности, не вышли. Вышло меньшинство, большинство осталось. То есть Столыпин открыл клетку, а из клетки никто не пошел, из клетки надо было уже вытаскивать силой. Но у Столыпина не хватило на это времени. Его убили слишком рано. Тем более, что ему все время угрожала традиционалистско-консервативная реакция, полицейская реакция сверху.

Это была трагическая жизнь. Он не нашел признания у современников. Интеллигенция, которая к этому моменту совершенно обезумела, которая ненавидела все правое и даже ходила с левой, как потом напишет Маяковский, не только не прислала никаких венков и адресов на его могилу, но даже мнение, изложенное в леволиберальных газетах (да и просто в либеральных), если его сформулировать на современном языке, звучало примерно так: собаке собачья смерть. Сочувствовать ему считалось неприличным. И даже когда эсеры-максималисты взорвали его дачу, искалечили его дочь, убили сто человек

гостей, причем сам Столыпин остался жив, никто этим не возмущался; это все было в порядке вещей. До какого параноидального безумия все это дошло, можно судить хотя бы по спору Достоевского с его издателем, где они создают опытную ситуацию, ситуацию некоего теста. "Что, если вы сейчас узнаете, что кто-то собирается взорвать Зимний дворец? Пойдете ли вы доносить, расскажете ли вы кому-нибудь или ничего не сделаете? И получилось, что даже Достоевский, который к тому моменту уже был монархистом (или, по крайней мере, себя так называл), который оставил социалистические заблуждения на каторге, в "Мертвом доме", и который пытался быть традиционалистом, не пойдет доносить и никому ничего не скажет. Потому что общественные настроения этого не допускали. Потому что это неприлично, потому что это не принято. Сочувствовать левым было принято настолько повсеместно, что поступать иначе казалось слишком страшно. Слишком велико было давление левых.

Столыпину пришлось не только терпеть плевки и оскорбления от интеллигенции, но переносить ненависть того самого народа, который он освобождал от векового рабства, и презрение правых черносотенцев, и оскорбления и пренебрежение от царя, которому он, может быть, сохранил жизнь на лишнее десятилетие.

Ему еще пришлось взять на свою совесть эти военные трибуналы. Я не думаю, что человеку из общества, воспитанному, религиозному, это было очень легко. Тем не менее, ему пришлось проливать кровь, ему пришлось подавить это все своими руками, и он это сделал. Он зажмурился - и это сделал. Это надо было сделать. Другого выхода не было. Общественное безумие было настолько велико, что его нельзя было погасить водой, его можно было погасить только кровью. Без этих столыпинских трибуналов, без галстуков, о которых пели во всех кафешантанах: "У нашего премьера ужасная манера на шею людям галстуки цеплять", - без того, чтобы позволить премьеру полностью погубить свое доброе имя, Россия закончила бы свою предоктябрьскую историю не в 1917 году, а на одиннадцать лет раньше. И лишние 11-12 лет жизни стране подарил Столыпин. Правда, они не пошли ей впрок. Первый приступ прошел, вторую волну удалось сбить; кому-то даже показалось, что навсегда, но обмануть историю было нельзя.

Потому что Думы - это не индикаторы. Думы - это анкеты. По этим анкетам, по первым четырем Думам, было ясно, что происходит в стране. Когда в первой Думе оказалось большинство левых экстремистов, и она была очень похожа на то, что мы видим в Охотном ряду, когда в первую Думу попадали делегаты, которые выворачивали унитазы из импортной сантехники, хотя им платили вполне приличное жалованье, и продавали их, уже все было ясно. Когда одного из депутатов, который был вполне обеспечен правительством, поймали с краденым поросенком на базаре, можно было бы сделать вывод, что имущественный ценз недостаточен. Нужна была система тестирования, которой

тогда не знали. Применялся имущественный ценз, а сейчас и он не применяется. Сейчас, пожалуй, поздно его применять, а тогда было в самый раз. Милюков несколько раз не мог попасть в Думу, потому что он не был домовладельцем, он не мог преодолеть ценз. Конечно, эти ячейки сита были рассчитаны не на Милюкова, сделаны не для того, чтобы не допустить в Думу Милюкова. Все это было придумано, чтобы не допустить в Думу обезумевших левых, этот охлократический элемент. Первую Думу пришлось просто разогнать, потому что она превратилась в штаб заговора.

ГКЧП следовало за ГКЧП, только было кому их подавлять. Пока был жив Столыпин, все это довольно быстро убиралось. Возникла следующая Дума.

Вторая Дума была еще хуже. Если вы хотите представить себе, что это было, купите себе билет (если они продаются), в нашу замечательную Думу, и посмотрите, какие там картиночки висят на стенах, чем там депутаты занимаются. Но тогда страна была в большей степени раскалена. Тогда за стенами Думы была очень горячая среда. Достаточно было бросить спичку - и все бы вспыхнуло опять. А Дума не спичку, а просто пачки свечей бросала в эту горячую среду. Пришлось и ее разогнать. Третья Дума была лучше, чем вторая, но не потому, что народ опомнился, не потому, что по выборам не прошли экстремисты. Просто экстремистов поубавилось. Столыпин очень многих успел повесить, остальные разбежались. Он жестко подавил охлократический бунт.

Поэтому третья и четвертая Думы были уже на что-то похожи. Худо-бедно они могли работать. Правда, у них не было ответственного министерства. Что такое ответственное министерство? Ответственное министерство - это для Англии прекрасно, для Соединенных Штатов необходимо, для Франции временами опасно, так же, как и сейчас, потому что там Национальное собрание левое. Министерство, которое отвечает перед социалистами, соответственно работает не на страну, а на социалистическую партию. То же самое было и тогда. Ответственное министерство - это министерство, которое подчиняется не двору, а подчиняется этому самому Конвенту, этому самому будущему Совнаркому. Кадеты всю дорогу боролись за ответственное министерство. Если бы ответственное министерство было дано Думе тогда, охлократический октябрьский бунт произошел бы раньше, потому что всякое экономическое развитие было бы остановлено этими левыми затеями. Ведь экономике они не учились. Ни одного экономиста из левых не было в Государственной Думе. То есть там даже и Задорнова не было. Там были в лучшем случае юристы, но абсолютно не знавшие экономики. Если бы им досталось в руки управление экономикой России, экономика была бы развалена в несколько месяцев.

Так что то, что ответственного министерства не давали, было величайшее благо. Та четыреххвостка, о которой все время мечтали левые, да и интеллигенция мечтала, тоже была большое зло. Что такое четыреххвостка? Это то, что мы с вами имеем сейчас. Это наша хрустальная мечта, которая оборачивается против

нас же. Всеобщее, равное, тайное, закрытое голосование. Альфа и омега. Все видели это во сне. Никто не предполагал, что эта четыреххвостка поставит во главе страны левые экстремистские элементы. А предполагать надо было, потому что это было ясно уже с 1905 года. Что такое система общих выборов (равных, прямых и тайных) во времена катаклизмов? Во времена катаклизмов избирательное право не является примиряющим элементом, оно не является заменой гражданской войны, оно, скорее, становится инициатором гражданской войны, оно спусковой крючок, на который нажимает палец всеобщего голосования, а дальше начинается сама гражданская война. Причем начинается с Парламента - и именно в Парламенте. Парламент становится взрывным устройством. И это взрывное устройство распространяет свои зажигательные волны по всей стране. И, в конце концов, вся страна превращается в один сплошной пожар. Вы уже видели это один раз, мы все видели это в 1993 году. Это классика: две первые Думы и Верховный Совет. И это еще раз повторяется сейчас.

Парламент служил детонатором взрывному устройству, но после Столыпина никто уже не знал, что с этим делать. Политические партии были крайне слабыми. Они были безответственными, потому что никто из них не привык отвечать за страну. Худо-бедно за страну отвечала монархия, неповоротливая, косная, традиционалистская, но все-таки менее безответственная, чем эти политические партии. У нас кадеты, наиболее разумный элемент общества, дошли до Выборгского Манифеста очень скоро, буквально за полгода. А что такое Выборгский Манифест? Не платить налогов, то есть не давать податей, и не давать рекрутов. Это был откровенный вызов государству, и неудивительно, что потом все, кто подписался под Выборгским Манифестом, получили кто полгода, кто год в крепости. Милюков был достаточно мирным профессором, который только и мог читать лекции. Но он все время попадал в какие-то переплеты. То его на полгода посадят, то на два года вышлют в Югославию в университете преподавать, то ему временно эмигрировать приходится, то ему на выбор предоставляют: два года сидеть или два года находиться за границей.

И вот, наконец, это Выборгский Манифест. Кадеты не понимали, с каким они играют огнем, не понимали, что они капля в этом левом море, и что они в нем утонут. Они всячески заигрывали с этим левым морем, они шли к нему навстречу. Они, в конце концов, в этом левом море искупались - и утонули, как тринадцать негрятят.

Это их вина. Они не смогли создать никакого механизма защиты от этого левого моря. Они защищали страну от монархии. Они не думали, что ее надо защищать от левого экстремизма. То есть они, по сути дела, сами выковали для себя наручники.

Особенно глупо кадеты вели себя после войны, которая была очень некстати, потому что даже выигранная война - это способ раздать всем оружие. Люди

получили оружие, люди научились убивать. Цена человеческой жизни крайне упала.

Война не была проиграна. Именно в 1917 году армия была достаточно победоносной, войну Россия не проигрывала. Голода не было. Земство было как никогда сильным. Действовал Земгор, то есть Союз Городов и Земельный союз.

Плохо было другое. Плохо было то, что люди в окопах полностью вышли из социальной структуры и отстроили себе новую. Демократы и либералы не владели способами агитации среди масс, у них это не получалось, хотя они и газеты издавали, и клубы имели во всех городах, однако мало кто в эти клубы ходил, а левые прекрасно находили с народом общий язык, они, по сути дела, распропагандировали всю армию. Они действовали на очень примитивные комплексы, на инстинкты безусловного характера. Они действовали на желудочно-кишечные рефлексy, и у пролетариата, как у павловской собаки, в нужный момент выделялась слюна, а иногда даже желчь. Они успели доказать народу, что чиновники, дворяне, интеллектуалы, предприниматели - это их враги. Что все, у кого есть деньги, - их враги, что они обобраны, что наверху все - взяточники, все - коррумпированные элементы, что их все время грабят. Не нужно далеко ходить за разъяснениями и за историческими примерами. У нас сейчас точно такая же ситуация. Иметь деньги считается преступным. Писать книги, за которые платят девяносто тысяч долларов каждому автору, - тоже считается преступным. Народ якобы обобран, режим якобы антинародный.

Самое занятное, что этот антинародный царский режим не в состоянии был справиться со страной именно в силу того, что он был слишком народным.

Между прочим, Николай Второй был народником, примерно таким же, как те, которые когда-то пошли в народ. Он не был социалистом, но он настолько высоко ставил божественное право народа, что ему не могло прийти в голову к чему-то этот народ принудить даже для его блага. Воля народа, любовь народа, понимание народа, уважение народа, то есть все это гипертрофированное уважение к народу погубило не только монархию, но и всю страну. Если бы они меньше уважали народ, они, возможно, его бы спасли. Но они любили народ до такой степени, что погубили и народ, и себя. Потакая народу, чаще всего правительство его губит. Так все и случилось.

К грани 1917 года наша страна представляет собой некий огнедышащий кратер. И, несмотря на успехи на фронте, уже существует параллельная власть. Возникают так называемые Советы. Что это такое? По сути дела, это яacobинские клубы - система параллельной власти, которая не учитывает общественные реалии, экономические реалии страны, которая полностью исключает образованные классы из системы управления. Были Советы солдатских депутатов. Были Советы крестьянских депутатов. Были Советы рабочих депутатов. Но простите, не было ни одного Совета депутатов от

учителей. Не было ни одного Совета депутатов от врачей. Разумеется, не было ни предпринимательских Советов, ни нотариальных Советов. Ни Советов юристов, ни Советов художников, то есть образованные классы общества и те классы, которые обладали собственностью, - просто не учитывались этими Советами. Советы поэтому были чисто якобинскими клубами. И лозунг опять был тот же: смерть аристократу! Как выяснилось, не только аристократу, смерть любому врагу нации. И когда в Петрограде возникает (как всегда, на пустом месте) охлократический бунт, его можно было очень просто подавить. Так же, как легко было вначале, до 21 сентября подавить бунт наших Совдепов 1993-го года. И надо было захлебнуться слабостью, которой захлебнулась власть в Российской империи, надо было быть такими беззубыми, такими неумелыми, такими не к добру идеалистами, такими наивными детьми, чтобы выпустить эту жар-птицу на свободу, чтобы она сожгла все.

Они не попытались ничего сделать. Они могли ввести в город войска. Не было оснований для бунта. Белого хлеба было сколько угодно. Черного завести не успели. Потом эти же рабочие шли по набережным и громили кондитерские, где было достаточно тортов. Так что никакого голода не было. Все это не было голодным бунтом. Это была блажь. Это был пароксизм безумия. Любое правительство обязано было это подавить. Но уже не было Столыпина, который готов был брать все на свою совесть, готов был губить свою душу и свою репутацию во имя спасения страны. Не было и таких людей, как Трепов и Плеве, которые, не обладая ни совестью, ни интеллектом, тем не менее имели какой-то нюх цепных собак и понимали, что это надо подавлять. Подавлять было некому.

Здесь начинается, может быть, самый интересный период истории России - период дискредитации демократических идей. И период заболевания демократическими идеями, когда демократические идеи становятся СПИДом, полностью уничтожающим иммунитет против воли к смерти. И когда демократия становится причиной конца света.

Мой Карфаген обязан быть разрушен

Лекция № 11. Парламентаризм - опиум для народа

Предпоследняя модернизация в России имеет совершенно анекдотический характер. Она, пожалуй, была самой неудачной. Попытка скопировать европейские формы, школярская попытка срисовать приоритеты, стереотипы, саму систему координат европейской политической жизни, наложенные на совершенно неподготовленную к этому русскую почву, приобретают даже не щедринский, а прямо-таки уэллсовский характер из "Острова доктора Моро"! В этом романе путешественник попадает на остров, где проводится странный эксперимент, где из животных путем вивисекции делаются якобы люди, псевдолюди, а затем они принуждаются к каким-то формам человеческой общественной и материальной жизни. Но у них это получается очень плохо. Они точат когти о деревья, втихомолку ловят кроликов, съедают друг друга. В конце концов, они съедают этого ученого и радостно, с энтузиазмом и визгом возвращаются в первобытное состояние.

В принципе указ монарха в 1905 дал свободу всем формам общественной жизни. И если бы общество (все общество) было к этому способно, то, наверное, лет за десять-пятнадцать из России могла бы получиться конституционная монархия. Но никакой конституционной монархии, вообще ничего конституционного из России не получилось. Здесь упреки можно делать не только левым (левым в принципе бесполезно делать упреки), но и правым. Левые вне нормальной логической научной системы координат, левые всегда делают один и тот же вывод: если жизнь не согласуется с моими убеждениями, то тем хуже для жизни. Они жертвуют реальностью и требуют, чтобы им сделали красиво, чтобы им сделали хорошо. Левые алогичны, левые абсолютно лишены здравого смысла. Они даже не фантасты, потому что фантаст - это не что безобидное. Фантасты садятся и пишут книжку и потом печатают ее в серии мировой фантастики. Это никому не мешает. Но левые пытаются свои фантазмы осуществить в реальной действительности. Из этого может выйти очень много неприятностей - и выходит. Рейтинг Григория Явлинского и поведение Григория Явлинского, и все постулаты и установки "Яблока" - это классика, это приметы классических левых. Правда, левых трусливых, левых осторожных, левых, которые уже обожглись на чужом молоке и поэтому дуют на свою воду. Но тем не менее это левые, которые требуют, чтобы не было бедных, хотя никому в мире еще не удавалось прийти к такому состоянию. Однако они требуют невозможного и спрашивают со всех по этим стандартам. А если не получается, то, значит, вы ничего не умеете. Тогда уходите, убирайтесь и дайте порулить нам. В принципе можно сказать, что это меньшевизм. По сравнению с большевиками "Яблоко" - это, быть может, последнее слово науки и техники, но по сравнению с мировыми законами и стандартами - это чистейший абсурд.

И вот в России, как на острове доктора Моро, начинается имитация либеральных процессов. Формируются партии. Крайне правые партии, типа пуришкевической фракции, этих традиционалистских ребят, совершенно исторически невежественны. Они требуют восстановления форм допетровской Руси. Они требуют, чтобы время пошло назад, причем пошло назад не символически, а практически. Чтобы восстановились материальные формы допетровской жизни, чтобы в России, которая к тому времени худо-бедно обзаводится какими-то заводами, фабриками, паровозами, железными дорогами, даже автомобилями, все вернулось к XVII веку. И чтобы даже стиль питания и жизни установился по образу и подобию тех самых теремов, где все сидели до того, как Петр худо-бедно прорубил эту форточку в Европу. Традиционалистов можно не принимать во внимание, потому что они дикие, косматые, и если бы кто-нибудь ее у них купил, они продавали бы свою шерсть. Но шерсти в России пока достаточно, поэтому они шерсть не продают. Это Марков 2-ой, Марков 1-ый. То есть вместо того, чтобы оберегать классические правые постулаты, вроде частной собственности, свободной продажи земли, индивидуальной свободы, отсутствия избыточной социальной защищенности, они проповедовали то, что проповозглашали наши драгоценные раскольники, только что не сжигались в скитах. Правые первых четырех государственных Дум - это фактически Раскол, только без героизма протопопа Аввакума.

Эти ребята не имели никакой склонности сжигаться в скитах. Но они не хотели, чтобы Россия стала европейской, раскованной, свободной, небрежной, цивилизованной страной. Они хотели, чтобы она окостенела в своем золоте, в своей бронзе, в своем мраморе. Им нужны были жесткая порфира государства, его золотая парча, византийские львы с зубами из слоновой кости и с золотыми гривами, троны с золотыми павлинами, шапка Мономаха. Они все это воспринимали очень торжественно и очень некритично. То есть крайне правое крыло, к сожалению, состояло из дебилов.

Левое крыло тоже состояло из дебилов, но несколько иного рода - из одержимых фанатиков типа Марата и Робеспьера, при чем все равно, к какой партии они принадлежали: к эсеровской или к большевистской. Это было одно и то же. Левые требовали невозможного - и правые требовали того же. И эта конфронтация двух невозможностей не давала ни света, ни тепла, от этого не крутились никакие динамо-машины и не зажигались лампочки: ни Ильича, ни какого-нибудь другого персонажа.

Это было бесплодно. Это был крутой отказ от разумной деятельности. У одних был монастырь, у других - казарма. Они были не от мира сего и тем не менее сей мир они вполне реально ненавидели.

Единственными реалистами могли быть партии прогрессистского толка. Их было достаточно много, это были партии предпринимателей. Но предприниматели чувствовали себя в России не в своей тарелке.

Предприниматели не чувствовали живой почвы под ногами. Они зарабатывали деньги, они ворочали миллионами, они строили железные дороги, но они безумно стеснялись и своих денег, и своей образованности, и того, что они были не такие, как другие. Они не пытались поднять до себя Россию. Они все время спускались к ней. По сути дела, класс предпринимателей не создал своих партий, которые могли бы выстоять в надвигающейся буре. А уже летали буревестники, уже "седая равнина моря" выглядела весьма неблагоприятно. Уже собирался шторм, небо уже обложило тучами, но все гагары, как одна, спрятали свои (необязательно жирные) очень даже симпатичные и хорошо тренированные тела в утесах.

Никого не осталось над этой "седой равниной моря", кроме буревестников, бездумных, глупых, типа Максима Горького и Александра Блока, который заклинал духов, вызывал грозу, как некогда Фауст чертил на полу окружности и вопил: "Явись, явись, явись. Пусть это жизни стоит!", - не думая о последствиях. К сожалению, в это время в России было очень много поэзии и очень мало прозы. Поэты или ходили с морковками, как кролики, и щеголяли в желтых цилиндрах по примеру Владимира Маяковского и его футуристов. Как символисты, они сидели у огня и пытались увидеть на этом огне некие лики грядущего. Так развлекался Александр Блок.

Чувства ответственности за завтрашний день, за страну не было фактически ни у кого, кроме кадетов. Но кадеты все время загребали влево. Их влекло большинство. Они не готовы были остаться одни наедине со страной, которая фактически уже падала в пропасть, и вытаскивать эту страну, и, быть может, загреметь в эту пропасть, но, по крайней мере, попытаться сначала вытащить, попытаться настоять на своем, попытаться доказать свою правоту. Они к этому были не готовы. К этому не готовы были и октябристы. Одни бездумно цеплялись за монархию, как будто монархия - это только одна золотая парча и шапка Мономаха, а не определенная форма общественной жизни. Другие столь же бездумно отталкивали эту монархию. Беда наша была в том, что при невероятном количестве философов на один квадратный метр, при том, что у большевиков ушло несколько пароходов, чтобы вывезти этих философов из России, при наличии Бердяева, Леонтьева, Ильина, Соловьева и Бог знает еще кого, в России никто не думал. Никто не думал о конкретике. Никто не пытался приложить к жизни философские теории. В этот момент в России не было стен, не было крыши, не было потолка, не было почвы под ногами. Какая-то вселенская бездна и космический вихрь. Апокалиптическая картина. Что в этот момент происходило в России? Наверное, лучше всех это понял Пастернак, когда он писал стихотворение, посвященное Александру Блоку, которое так и называется "Ветер". Он ветрен, как ветер. Как ветер, шумевший в имени в те дни,

Когда еще Филька-фалетер скакал во главе шестерни.
И жил еще дед-якобинец, кристальной души радикал,
От коего ни на мизинец и ветреник-внук не отстал.

Тот ветер, проникший под ребра и в душу, в течение лет Недоброю славой и доброй помянут в стихах и воспет. Тот ветер повсюду: он дома, в деревьях, в деревне, в дожде, В поэзии третьего тома, в "Двенадцати", в смерти, везде. Зловещ горизонт и внезапен, и в кровоподтеках заря. Как кровь незаживших царапин и след на ногах косаря. Нет счета небесным порезам, предвестникам бурь и невзгод. И пахнет водой, и железом, и ржавчиной воздух болот. В лесу, на дороге, в овраге, в деревне или на селе Такие небесные знаки сулят непогоду земле. Когда ж над большою столицей край неба так ржав и багрян, С державою что-то случится, постигнет страну ураган. Блок на небе видел разводы. Ему предвещал небосклон Большую грозу, непогоду, великую бурю, циклон. Блок ждал этой бури и встряски. Ее огневые штрихи Боязнию и жаждой развязки легли в его жизнь и стихи.

Очень красиво, правда? Хочется броситься, бездна завораживает, ветер поет. Не надо было бросаться. Не надо было слушать. Надо было законопатить все щели. Надо было закрыть все двери. Надо было позвать всех детей домой. Сделать это было некому.

Неплохо это понял и Багрицкий.

Эдуард Багрицкий был отчаянным революционером, и только хроническая астма, которая, по счастью, не выпускала его из четырех стен его маленького домика в Одессе, помешала ему стать каким-нибудь красногвардейцем или чекистом. Он остался поэтом и, пылко все это обожая, достаточно хорошо понял, что происходило. И заметьте, опять-таки все лезвия, все кинжалы, все струи ветра, все вихри и все цунами скрестились на фигуре Александра Блока, на лучшем выразителе бездны. Он был просто полномочным представителем Бездны в России тех лет. Вот что пишет Багрицкий о том, как все это выглядело вначале: "От славословий ангельского сброда...".

Заметьте, ангельский сброд - это даже уже не атеизм, это даже уже не ересь, это какие-то вселенские степени демонизма. Это уже язык Демона, того печального Демона, духа изгнания, который витал над грешною землей. От славословий ангельского сброда, толпящегося за твоей спиной, О Петербург 17-го года ты косолапой двинулся стопой. И что тебе прохладный шелест крылий, коль выстрелы сверкают по углам, Коль дождь сечет, коль в ночь автомобили на нетопырьих мечутся крылах.

Блок встречается с цыганкой, она гадает ему по руке. Но линией мятежной рассечена широкая ладонь. Она сулит убийство и тревогу, пожар, и кровь, и гибельный конец,

Не потому ль на страшную дорогу октябрьской ночью ты идешь, певец?
О широта матросского простора, там чайки и рыбачьи паруса,
Там корифеем пушечным "Аврора" выводит трехлинеек голоса.
Еще дыханье! Выдох! Вспыхнет, брызнет ночной огонь над мороком морей.
И если смерть, она прекрасней жизни, прославленной, чем тысяча смертей.

Никогда не повторяйте ту пошлость, что русская интеллигенция не ведала, что творила, не знала, на что она шла. Она все прекрасно знала. Она была очень хорошо образована. Она была эстетически одарена. Она тонко чувствовала. Она прекрасно знала, куда она идет и куда она тащит страну. Она полюбила бездну, она слушала голоса бездны. Она хотела низвергнуться в бездну. Ей было интересно. Она была заражена эстетической заразой в прямом и переносном смысле этого слова. Это была даже не корь, это была чума. Чума любопытства, чума пустозвонства, чума чистого эскапизма, эстетизма, экспрессионизма, символизма. Они сделали Россию строчкой и персонажем своего стихотворения и очень легко пожертвовали завтрашним днем этого персонажа. Они про сто утопили Россию, как котенка. Они сделали это сознательно. Они бросились в бездну, прижимая к груди Россию.

Поэты, большевики, философы, начиная с Мартова и кончая юным Бухариным, который тоже очень внимательно читал Блока... Владимир Ильич среди них был главным реалистом, он как-то еще корректировал их поэтические терзания и поэтические подъемы и подгребал их в чисто политическое русло: где вилочкой, где лопатой. Без него они и вовсе бы в овраг ушли. (Например, время богостроительства Луначарского).

На сцене совершалось захватывающее действие, равного которому не было в мире. А где-то там, за кулисами, очень грамотный политический деятель выстраивал партию, которая могла уничтожить всю человеческую жизнь. Это было легко, потому что Ленин создал идеальное орудие. Большевики были тонко отточенным ножом, который легко вошел в кусок масла. Россия была куском масла. Мягким куском масла, не готовым сопротивляться никакому внешнему воздействию. Россия несла в себе пять традиций. Ей не на чем было укрепиться, не на чем было устоять, она рассыпалась на части и поддалась, когда в нее вошел этот нож. Этот нож повернули, и все цивилизационные системы были сломаны в один день. Тут же стали создаваться новые системы.

Но сначала был последний акт фарса под названием "Учредительное собрание".

Восемь месяцев Россия жила в республике. Это были восемь месяцев сплошных ошибок со стороны правых и очень успешных действий со стороны левых. Правое масло - и левый нож. Они лежали рядом, и они были абсолютно не равноценны и не сопоставимы.

После того, как все обрушилось, буквально все начинают делать ошибки. Начиная с Николая, который ничего лучшего не придумал, как отречься от престола и устраниваться. Правые (те самые правые, которые якобы сильно любили допетровскую Русь) склоняли его к отречению. Так было проще. Левые не имели к нему доступа в этот момент, они не могли его ни к чему склонять, потому что вообще не хотели с ним разговаривать. Амок.

То, что происходит в эти восемь месяцев, можно назвать амоком. Это безумие. Самое настоящее безумие. Потому что когда брат царя надевает красный бант и является присягать Временному правительству, - это, безусловно, опасное безумие и само убийство.

Учредительное собрание - это один из самых опасных мифов нашей истории. И это, к сожалению, еще не изжитый миф, потому что всем вечно казалось (и кажется, и еще долго будет казаться), что народ, собирающийся на Земском собрании или в Учредительном собрании, учреждает свободу. Это отнюдь не так. Народ учреждает вовне то, что у него внутри. Если у народа внутри нет свободы, а только одна ярость "благородная" вскипает, как волна, то начинается война народная, гражданская война. Не будет никакой свободы. Великая Хартия вольностей и Палата Общин могли быть результатом Собрания англичан, но не россиян. У нас были очень слабые, запуганные правые, которые стыдились самих себя и были неисправимыми народниками, потому что обожествляли народ и считали своим долгом служить ему, даже когда он был не прав. Они всегда соглашались с ним, потому что не соглашаться было неприлично. Никто не брал на себя смелость назваться антинародной партией, хотя именно в 1917-м году нужны были антинародные партии. Тем не менее, никто на это не пошел.

Учредительное собрание могло только зафиксировать непоправимо антилиберальное, несвободное, хаотическое, антиинтеллектуальное состояние общества. Оно могло подвести итог общественному безумию. Общественного разума не было. Общественный разум - это понятие, которое зиждется на индивидуальных разумах. В России этого просто быть не могло. У нас то самое вожделенное Учредительное собрание, о котором Зинаида Гиппиус пишет такие замечательные слова, что просто плакать хочется, стало бедой.

"Наших дедов жертва священная, наших отцов мечта вожделенная, наша молитва и воздыхание - Учредительное собрание - что же мы с тобой сделали?"

Ничего не сделали. Собрали и разогнали. А лучше бы не собирали вообще. Потому что это Учредительное собрание зафиксировало абсолютную неготовность общества к жизни на основах свободы. И ничего другого зафиксировать оно не могло. Самое интересное, что в тот момент, когда Учредительное собрание приступило к своему первому заседанию, гражданская война в России уже шла. То, что потом произошло, было закономерным итогом. Никакие правые в Учредительное собрание не попали, потому что партия

кадетов была в этот момент уже разогнана. Партия кадетов уже была уничтожена и обречена. Шингарев и Кокошкин уже были убиты.

Это даже не беда русской интеллигенции. Это преступление русской интеллигенции. Керенский был левым демагогом, очень похожим на Григория Явлинского. Таким же подкованным, таким же речистым, таким же способным и честолюбивым - и таким же абсолютно безответственным. Григорий Явлинский - это, в какой-то степени, последователь, эпигон и новое воплощение знаменитого Керенского в ситуации конца XX века, только пока не все от него зависит (то есть практически ничего от него еще не зависит). А вот от Керенского зависело многое. Он мог одним движением, совершенно неощутимым, незаметным движением руки повернуть руль и вправо, и влево. Он направил страну на рифы. Он тоже сделал это совершенно сознательно. У них была возможность спастись. Они ею не воспользовались. У них был Корнилов. Они могли довериться Корнилову, призвать его в Петроград, дать ему подавить охлократический бунт.

В этот момент никакие разговоры с левыми были невозможны. В этот момент решалось: или - или. Третьего было не дано. Надо было подавлять левый бунт, надо было подавлять эту интеллектуальную пугачевщину, надо было подавлять марксизм-ленинизм, надо было уничтожать левых - или быть уничтоженными. Они выбрали второе, но они-то сами предпочли спастись. Это вообще уже непростительно: то, что Керенский направил страну на рифы, а сам спрыгнул в последнюю шлюпку. Когда делаешь такие вещи, надо хоть уметь умирать. Керенский этого не сумел. Милюков тоже этого не сумел.

После того, как они загубили Россию своей бездарностью, своей трусостью, своим пустословием и своей болтовней, они все прекрасно пристроились в эмиграции, написали кучу мемуаров, наговорили там несколько десятков кассет, дожили до глубокой старости и похоронены кто на Сен-Женевьев Дю Буа, кто на других уютных кладбищах.

После того как ты не сумел спасти страну, из нее нельзя бежать. А они и не пытались спасти ее. Они объединились с большевиками, они предпочли их Корнилову. Они выбрали. Этот выбор стоил жизни нескольким поколениям. Этот выбор стоил стране 60 миллионов жертв. Этот выбор, возможно, стоил России столько, что мы эту цену еще не уплатили и, может быть, нет такой платы, которую согласились бы с нас взять. Может быть, ситуация стала непоправимой; скорее всего, она действительно непоправима.

То есть левые были настолько сильнее правых, что правые не смогли с ними сразиться в открытом бою. Учредительное собрание созывается в тот момент, когда власть фактически уже принадлежит большевикам. И совершенно неистребимое, идиотское, детское заблуждение либералов, что большевики будут соблюдать конституционные формы (это идиотское заблуждение и

сегодня в ходу: Зюганов, придя к власти, должен будет соблюдать Конституцию), реяло над идеей созыва Учредительного собрания. Вы представляете себе Учредительное собрание с пустыми местами кадетов, которые уже объявлены вне закона, уже убиты, уже арестованы? Порядочные люди стали бы проводить заседание в этих обстоятельствах? Конечно, не стали бы. Но там не было порядочных людей, там были левые, там пели "Интернационал". Учредительное собрание не представляло Россию. Оно представляло левую Россию. Гражданская война - это всегда чье-то поражение и чья-то победа. Консенсуса в ходе гражданской войны не бывает.

Если вы где-то прочитали, что после гражданской войны в Испании был некий консенсус, то есть пакт Монклоа, немедленно это забудьте, потому что на самом деле победу в гражданской войне там одержали правые. Они одержали ее настолько основательно, что через несколько десятилетий после окончания войны, ликвидировав коммунистов, уничтожив своих противников, они могли позволить себе консенсус с теми, кто принял их условия. Консенсус бывает после победы, а не вместе победы.

Франко был крайне неприятным человеком. Не думаю, что кто-нибудь из либералов мог бы с ним вместе что-то обсуждать и что-то делать, но Франко свою задачу выполнил: он уничтожил левую угрозу в Испании. Она была очень велика. Она была не меньше, чем в России. Это особенности развития Испании. Эта угроза была просто уничтожена, она была выжжена, как выжигают лес. И после того как этой угрозы не осталось, была подготовлена почва для гражданского общества, для гражданского мира, для всех на свете пактов, для совместных монументов. Но в течение тридцати лет до этого левых просто истребляли. Иногда прихватывая и совсем невиновных. И тех, кого можно было даже не трогать. Лорку прихватили случайно. Величайший поэт Испании погиб в этой гражданской войне, причем не от руки левых, а от руки правых. Такие щепки летели! Мне очень жаль эти щепки - и даже сам лес. Но это цена. Это цена, которую надо было уплатить за избавление от левой угрозы.

В России не захотели платить эту цену. Цену назначили левые - и уплатила ее вся страна. Замечательное, историческое, долгожданное Учредительное собрание успело принять декрет о земле, который фактически от ленинского ничем не отличался; то есть за единственную ночь своей работы Учредительное собрание успело учредить тот Земельный Кодекс, который сейчас не соглашается подписать президент Ельцин. Они успели запретить частную собственность на землю. Вот единственный материальный итог деятельности знаменитого Учредительного собрания. Если бы его не разогнали большевики, его надо было бы разогнать кому-то другому. Потому что такого рода Учредительное собрание не только не приносит никому пользы, но приносит даже вред. Это была историческая гримаса, которая очень неудачно спародировала народное представительство. Народное представительство заявило, что земля - Божья, и поэтому она не может быть в частной

собственности. И я понимаю тот караул, которому надоело слушать эти глупости, тем более что эдикт Ленина о земле был уже написан, зачем же повторяться? Их всех просто попросили освободить помещение. Дальше это перманентное Учредительное собрание начинает скитаться. Оно попадает то в Самару, то в Екатеринбург. Оно никому не нужно. Оно болтается у всех под ногами. В стране идет гражданская война. Учредительное собрание же пытается эту страну возглавить. Страна в этот момент не могла иметь единую власть. Учредительное собрание настолько всем надоело, что его то ли утопили, то ли частично перестреляли в Екатеринбурге или Омске (без ведома Колчака). Колчак такого распоряжения не давал. Он был очень недоволен. Он рвал и метал, но тем не менее депутаты казались никчемными людьми и в качестве таковых и были убиты. Они попали между молотом и наковальней. Эта парламентская эпопея закончилась совершенно бесславно. Учредительное собрание зафиксировало состояние гражданской войны, то есть абсолютно непримиримые противоречия.

Жалкие остатки гражданского общества попытались сопротивляться. Но они были не в состоянии сопротивляться, потому что масло не может сопротивляться ножу. Если бы красным было оказано организованное военное и гражданское сопротивление, никаких большевиков в России бы не было. Тот, кто внимательно читал Владимира Ильича Ульянова, хорошего публициста и откровенного человека, который ничего не скрывал от потомков, тот знает, в какой панике были большевики, в какой они были истерике в первые месяцы после октябрьского переворота. У них не было ничего. У них не было кадров. У них даже бухгалтеров не было, некому было снять деньги со счетов банков и направить их на большевистские нужды. У них не было учителей для школ. У них не было врачей для больниц. У них не было никого, кого можно было бы послать с миссией за границу. То есть полный бойкот и полная обструкция со стороны грамотного сословия, со стороны управленческих кадров полностью уничтожили бы этот большевистский нарыв, эту злокачественную опухоль. Не считая того, что Россия была громадна до такой степени, что захват власти в Петербурге и Москве не мог привести к уничтожению гражданского устройства страны, скажем, где-нибудь в Восточной Сибири.

Но страна сдалась. Она сдалась, как заезженная кляча. Надо было только чуточку натягивать поводья, и она падала на колени и даже не лягалась. Знаменитое сопротивление большевикам кончилось, по сути дела, к 1920-му году. Может быть, на Кавказе и в Средней Азии это продлилось до 1922-го. Западная Украина, когда ее захватили красные орды, сопротивлялась всей мощи Союза с 1939-го по 1955-ый, ее хватило на 16 лет. России едва хватило на четыре года. Россию взяли фактически без боя.

Откуда большевики набрали командиров для Красной Армии? У них тогда не было Академии имени Фрунзе и военных училищ. Их еще предстояло создать.

Они не провоевали бы и одного дня, если бы к ним на службу не пошли такие скоты, как Тухачевский. Если бы прапорщики Русской армии не почувствовали поживу и возможность сделать карьеру, шагая через ступени, становясь генералами, большевики проиграли бы. Но они, как последние проходимцы, за паек и за звание пошли служить в Красную Армию.

Они дали им кадры, они создали им войска. Откуда красные взяли бы министров? Откуда они взяли бы инженеров и дипломатов? Они черпали все это большой ложкой из России. И они гнали "спецов" не под дулами автоматов. В 1919 году еще невозможно было гнать инженеров и командиров под дулами автоматов. Литвинов был образованным человеком. Фактически все дипломаты были образованными людьми. Не все же были такими, как матрос Войков.

Кадры надо было где-то брать. Своих не было. Эти кадры пошли работать за четвертку махорки и красноармейский паек. Инженеры, правда, пытались оправдаться, что они работают для России, что все равно людям надо жить, и что неважно, кому принадлежит технический прогресс. Это не оправдание. Вырабатывать те механизмы, которыми потом удушат всю страну! Они все сделали собственными руками. Участь знаменитого инженера Пальчинского, который стал одной из первых жертв больших процессов, начавшихся в 1928 году, очень характерна и поучительна. Старый русский инженер был полезен большевикам, но у них хватило терпения только до 1928 года. С бывшими русскими офицерами у них хватило терпения только до начала 20-х. Поэтому когда в фильме Никиты Михалкова "Утомленные солнцем" комбриг спрашивает своего антипода: "Что же вы нам так плохо противились?", - это в принципе правильный вопрос. Почему не сопротивлялись? Почему дали изнасиловать страну? Не суметь сопротивляться при таком превосходстве сил, при том, что они были кадровыми офицерами - это была бледная немочь и неврастения.

Бездарность Белой Армии была поразительна. Военные дарования-то у них были. Не было гражданских дарований. Не было умения договориться, выработать единую программу. Даже на грани гибели они не признали независимости Польши и Финляндии. Они все время выступали за единую и неделимую Россию. Они повесились на своем империализме, на своей косности. Они не приняли новых веяний. Более того, они и драться-то были не способны. Объясните мне, пожалуйста, каким образом могло получиться, что в Крыму 40 тысяч русских офицеров сдались Фрунзе после его обещания сохранить им жизнь, вернуть свободу и даже зачислить на службу в армию. Как можно было в это поверить и как можно было вообще соглашаться на такое? Если бы каждый русский офицер убил хотя бы по десять большевиков, гражданская война кончилась бы полной победой этого самого населения, которое, как выяснилось, не было народом. Но население думало только о себе. Мужички, полностью лишённые гражданского чувства, государственного инстинкта и даже инстинкта самосохранения, думали только о том, как бы поделить землю. Они поверили большевикам. И когда большевики заменили продразверстку продналогом, они

пошли к себе домой. Как это у нас Борис Николаевич любит говорить? "Солить капусту на зиму". Вот они и пошли солить капусту на зиму. И когда они засолили всю эту капусту, где-то к 1930 году, очередь дошла до них.

Большевики очень грамотно всех убивали. Они убивали одних руками других, других - руками третьих, третьих - руками четвертых. И все ждали, когда настанет их очередь. Никто ни за кого не заступался. И все думали, что с ними-то ничего не случится. Левые не заступались за правых. Просто правые не заступались за крайне правых. Их били, как хотели, и их не могли не разбить. Объясните мне, пожалуйста, почему адмирал Колчак, человек очень одаренный как военачальник, отдал Омск? Как можно было вообще оставлять города? Как можно было отправляться куда-то в Маньчжурию, положившись на чехословаков, неизвестно куда? Конечно, все кончается пленом, расстрелом, процессом. Сами захотели. Если бы Белая армия не погрузилась на суда и не отплыла в неизвестность, чтобы никогда больше не возвратиться, если бы Белая армия не заперла себя в Крыму, если бы Белая армия сделала все от нее зависящее, решив или погибнуть до последнего человека или уничтожить большевизм, большевизм был бы уничтожен. Если бы гражданское население не пошло на службу к большевикам и просто не давало бы комиссарам жить, по ночам бы их убивало, если бы была нормальная партизанская война, то большевиков бы тоже не осталось. Комиссаров было мало. Много их никогда и не бывает.

Нормальная система террора состоит из минимального количества палачей и из консенсуса жертв, которые соглашаются быть убитыми и замученными и которые помогают своим мучителям.

Концлагерь, как микрокосм, состоит не только из энного количества колючей проволоки, не только из вышек, не только из овчарок и не только из конвоиров. Концлагерь состоит из заключенных, которые соглашаются жить по тем законам, что устанавливают для них палачи. Концлагерь - это консенсус между жертвами и палачами, это их взаимное согласие на сотрудничество. Ни один лагерь ГУЛАГа, ни один немецкий концлагерь времен Второй Мировой войны не могли бы существовать, если бы жертвы отказывались идти в газовые камеры или на лесоповал, если бы жертвы не соглашались выстраиваться на плацу или на поверку, если бы жертвы, которых было больше, намного больше, чем палачей, просто отбирали бы у них оружие, убивали бы их, ломали бы колючую проволоку и уходили бы куда-нибудь подальше.

В Сибири большевикам можно было сопротивляться бесконечно долго.

Тем не менее Сибирь не сопротивлялась, потому что каждый хозяин, поверив, что ему дадут много ситца и много гвоздей, в конце концов примирился с большевистской властью. А когда его стали убивать руками его более бедных

соседей, которые из зависти доносили на тех, кто имел хотя бы на одну булавку больше, и делили потом их имущество, было уже поздно.

Страна уничтожила сама себя, большевики были только катализатором. Пошла химическая реакция самоуничтожения. Большевики были бактериями, которых бросили в этот раствор. Их бросила сама рука судьбы. Сработал механизм самоуничтожения, сработал в силу отсутствия индивидуальной свободы и гражданского общества. У Брехта есть очень красноречивое стихотворение, которое вполне относится и к нам: "Идут бараны и бьют в барабаны. Шкуру на них дают сами бараны".

Белая армия и ее офицеры и не могли разобраться, кто же они такие? Монархисты, прогрессисты, конституционалисты? Савинкову приходилось выяснять отношения с консервативным офицерством, которое его знать не хотело. Консервативное офицерство не признавало социал-демократическую интеллигенцию, которая в этот момент была готова бороться с большевиками. Большевики, благодаря гению Ленина, были очень тесно объединены, несмотря на все свои идейные разногласия. Это делалось просто. Сначала из партии исключают отзовистов, потом исключают ликвидаторов, потом на X-ом съезде запрещают фракции, потом разбираются с рабочей оппозицией, потом к 1930 году начинают разбираться с правыми, разобравшись до этого с Троцким, Каменевым и Зиновьевым. Запущен другой механизм. Запущен механизм уничтожения каких бы то ни было разногласий. Механизм унификации. Он запускается одновременно и в партии, и в обществе. И надо сказать, что общество было достойно такой партии, а такая партия была достойна такого общества.

Чего стоит одна сцена, описанная Солженицыным, когда на какой-то тусовке, в каком-то зале, аплодируя какому-то оратору, присутствовавшие ухитрились проаплодировать пять часов подряд! Никто не решался прекратить первым. Каждый опасался, что его арестуют за то, что он слишком мало аплодировал. Так они дружно хлопали пять часов подряд. Рабство - это внутренний восторг. И когда есть шея, хомут находится всегда. Хомут нашелся.

В Петербурге оказалось достаточно выстрелить холостым зарядом, в Москве было достаточно взять Кремль. Кроме юнкеров и женского полка, никто не посмел сопротивляться. Фактически организованного вооруженного сопротивления почти не было. Все принялись смотреть в окошки, какая нынче власть в городе. Как говорил Станислав Ежи Лец: если народ уверен, что погода от него не зависит, погода в этом городе бывает наихудшая. И погода действительно была наихудшей.

Гражданская война была бездарно проиграна. Это даже хуже, чем проиграть матч компьютеру, как это сделал недавно Гарри Каспаров. Там не было компьютера. Там, правда, был достаточно компьютерный мозг. Владимир

Ульянов был сначала гениальным подрывным элементом, а потом стал гениальным государственным деятелем. Он знал, что надо делать, какие технологии надо применить, чтобы уничтожить всех, кто смеет сопротивляться. Он применил все эти технологии. Однако, он сумел их применить только потому, что общество было не готово к сопротивлению. Если бы общество могло сопротивляться, у большевиков не было бы ни одного шанса. Они ничего не смогли бы сделать. Они были в абсолютном меньшинстве. Общество стало приспособляться к большевикам. И оно в этом преуспело до такой степени, что где-то к 1927-1929 гг. общество перестало притворяться. Уже не было такой необходимости.

Общество стало настолько однородным и настолько причесанным под гребеночку, оно настолько уподобилось этим самым коммунистам, что можно сказать, что в начале 30-х годов был создан блок коммунистов и беспартийных. Это не миф. Что такое блок коммунистов и беспартийных? Это общая мусорная куча, помойка, на которой вместе валяются коммунисты и беспартийные. Это однородная масса слизняков. Где сервильные коммунисты, которые дружно поднимают ручки на собрании, вполне соответствуют таким же сервильным беспартийным, голосующим за блок своих палачей и не смеющим спросить, а где, собственно, мои права? В Демсоюзе в конце 80-х годов был в ходу такой лозунг: "Человек, тебе нужны права?" Это не праздный вопрос. Это тот вопрос, который очень хочется задать советскому населению каждый раз, когда с ним сталкиваешься. Невозможно насильно всучить права тому, кто не имеет охоты их удержать и ими воспользоваться. Элементы свободы - это не манна небесная. Если бросать свободу сверху, то она идет только на то, чтобы усилились моменты сходства с островом доктора Моро, чтобы больше животных поучаствовало в этом соревновании за якобы человеческий образ жизни и сделало вид, что они стоят на задних ногах.

Собственно с 1917-го года начинается история российского позора. С 1917-го года начинается 80-летняя история поражения. И ни одной победы! Начинается история совка. Возникновение совка, зрелость совка, развитая зрелость совка, перестройка совка, модернизация совка, демократическая революция совка. Отдельно попадающиеся мутанты, обладающие всеми человеческими качествами, не могут изменить ситуацию, они только подчеркивают ее трагизм. Собственно советский человек, как некая новая генетическая общность, возникает к концу 20-х годов, и тогда уже все о'кей. Уже можно спокойно выселять 30 миллионов крестьян, никто никому не поможет. Даже себе никто не поможет, не то что другим.

Уже ничего нельзя сделать. Со страной можно сотворить все что угодно, но сама она ничего не может изменить. Начинается история, которую можно было бы назвать анекдотической, если бы через эти анекдоты не текли такие потоки крови. Начинается Советская власть. Начинается то, с чем никогда не может быть согласия, с чем никогда не может быть примирения. Даже если пройдут

миллионы лет, и высохнут реки, и погаснет Солнце, и осыплются с неба звезды, все равно с этим никогда нельзя будет согласиться, и это никогда нельзя будет простить ни себе, ни другим.

Начинается история Советского Союза, который возникает в 1922 году. В 22-ом году во многих клубах и во всех партиячках висел лозунг, что Советский Союз - это подарок для пролетариата. И все пошли в этот Союз, как клячи идут на живодерню.

Украина осознавала себя Украиной в таких ничтожных масштабах, что только когда дошло до Западной Украины в 1939-ом, коммунисты впервые увидели настоящее сопротивление. Большевикам не пришлось особенно долго никого завоевывать. Они быстро управились и с Кавказом, и со Средней Азией. Триумфальное шествие Советской власти - это когда ты идешь, а все перед тобой лежат на брюхе. Тогда действительно очень легко идти. Тогда можно делать 10 километров в минуту. От Москвы до самых до окраин, от Бреста до Владивостока не было гражданского общества. Вот с чем было связано триумфальное шествие Советской власти. Не потому, что она кому-то была нужна, а потому, что некому было ей сопротивляться.

Бунин написал "Окаянные дни". Но не только дни были окаянные. Люди тоже были окаянные, причем как те, кто насилывал, так и те, кого насилывали. Наш любимый Алексей Константинович Толстой напишет в предисловии к "Князю Серебряному", что когда он читал хроники времен царя Ивана Грозного, у него перо выпадало из рук от негодования, и не потому, что Иван Четвертый много свирепствовал, а потому, что возможно было общество, которое терпело то, что делал Иван Четвертый.

Когда читаешь "Архипелаг Гулаг", из рук у тебя все падает от негодования не на ВЧК, не на большевиков, а на то, что возможно было общество (оно и сейчас никуда не делось), которое терпело это без сопротивления и без негодования. Находился же кто-то (и не один), кто все это позволял с собой делать.

Мой Карфаген обязан быть разрушен

Лекция № 12. Свободу не подарят, свободу нужно взять

Россия досталась большевикам, как падаль достается стервятникам.

Причем в этой ситуации невозможно сострадание, невозможно сочувствие, и невозможно определить, где добро, а где зло. В чем заключается больше добра, в падали или в стервятнике? Это очень сложно определить. Они сосуществуют. Это некий симбиоз. Стервятник питается падалью. Падаль ему полезна. А падали уже все равно. И вот, по видимому, где-то в 1921 году России стало все равно. Всякое сопротивление, организованное и неорганизованное, прекратилось. Оно прекратилось даже там, где оно могло бы еще продолжаться: в глухих урочищах Сибири, на заимках.

Большевики были гениальными негодьями, поскольку их очень хорошо подковал их лидер, который действительно был гением. (А еще говорят, что гений и злодейство две вещи несовместные. Очень даже совместные...). Они употребили очень простую технологию, которую надо запомнить на будущее всем, кто собирается заниматься политикой, потому что политика -- это занятие шкурническое, и в принципе политикой могут заниматься только прохвосты. Порядочные люди в России заниматься политикой пока не могут.

Да и в мире в принципе порядочные люди политикой не занимаются. Политика -- это занятие для непорядочных людей. Она исключает порядочность как установку. Она обязательно включает в себя ложь, корысть, предательство. Без этих трех составляющих не обходится никакая политика. Конечно, мы можем сравнить нашу безнравственную политику с нравственной политикой цивилизованных западных государств, и окажется, что, безусловно, безнравственности там меньше. Но кто скажет, что ее там вообще нет, посмотрев, как цивилизованные страны предали Гонконг, как во имя инвестиций и ресурсов предают китайских политзаключенных? В принципе, скоро могут сдать и Тайвань. То, что происходит в мире вокруг Китая, происходит не только по вине господина Примакова, но и по вине госсекретаря Соединенных Штатов, ведь пока экономической блокады КНР нет ни со стороны западных держав, ни со стороны держав восточных. Когда с Китаем и со всеми коммунистическими государствами будут разорваны дипломатические отношения (и не только с маленькими и слабыми странами типа Кубы и Северной Кореи, но и с большими, сильными, типа КНР), тогда можно будет сказать, что в мире завелась какая-то нравственность в политике. Пока этого нет, считайте политику абсолютно безнравственным занятием.

Большевики употребили следующие роскошные технологии, рекомендуемые всем политикам. Они расправились со всеми поодиночке. Начали они, разумеется, с правых партий. Партий типа октябристов, прогрессистов, кадетов. Пока они расправлялись с правыми партиями, партии более левые, типа правых эсеров, спокойно сидели в Учредительном собрании и пели "Интернационал". Они считали, что до них не дойдет, и что можно абстрагироваться от того, что происходит с правыми партиями, что жизнь -- это как бы не для всех, а только для некоторых.

Прекрасно! Большевики разобрались с правыми партиями и занялись левыми. Покончили с левыми партиями, вне своей единственной и неповторимой, которая, кстати, довольно спокойно смотрела (хотя в начале там была некая оппозиция и даже некие фракции), как расправляются с анархистами и с левыми эсерами. С анархистами расправились очень рано. Большевики поняли, что традиция Дикого поля, которая была очень сильно выражена у анархистов, у махновцев, -- это опасная традиция. Хотя в первых большевиках тоже жила традиция Дикого поля, у них она умножалась на ордынскую и на византийскую традиции. А у анархистов и махновцев была чистая традиция Дикого поля, плюс еще славянская традиция. Что это означало? Это означало, что они опасны. Потому что традиция Дикого поля -- это храбрость и самоотверженность. Она предполагает, что ее носителя будет невозможно согнуть, поработить и поставить на колени. А зачем большевикам были нужны такие граждане их будущей Совдепии, которых нельзя поставить на колени, даже если они исповедуют левые убеждения? Поэтому, хотя многие не могут понять, не было ли ошибкой со стороны большевиков то, что они уничтожили махновцев, и не разумнее ли им было на них опереться, они все делали правильно. Они уничтожали традицию Дикого поля. Они уничтожали храбрость, самоотверженность, доблесть, мужество. Они все это уничтожили.

С анархистами они стали разбираться чуточку позже, чем с кадетами. Они понимали, что скандинавская традиция, которую несли кадеты, была никак не опаснее, чем традиция Дикого поля, которая жила в левых эсерах. Их уничтожали вместе. Практически в те же 1918--1919 гг.

Разобравшись со всем этим, большевики приступили к внутренней оппозиции. И здесь опять -- та же технология. Казалось бы, эти самые большевики могли бы кое-что предвидеть, глядя, что произошло с другими партиями. Но они ничему не научились. Сначала Бухарин аплодировал, глядя на то, как убрали Зиновьева, Каменева и Троцкого, потом убрали и его, и все пошло по той безумной спирали, которая лучше всего представлена у Евгении Гинзбург в "Крутом маршруте". Вчерашний подследственный завтра встречает на этапе не только тех, кто от него отрекался и предлагал ему положить на стол партбилет, но и своих следователей! Это был закономерный итог. Глупость всегда так кончается. Это естественный финал. И в принципе подобное поведение лежит вне гуманитарных категорий, оно вне сострадания и сочувствия.

Дальше у нас идут социальные страты. Прежде всего убирали крупных предпринимателей, так называемых деревенских капиталистов, ростовщиков, то есть финансовый капитал. И тех, кого могли назвать латифундистами, то есть тех, кого в России именовали помещиками.

Все другие страты общества не только не протестовали, но жизнерадостно делили наследство. Они были безумно счастливы. Они считали, что сейчас наступит социальная справедливость, и начнется социальный мир.

Дальше большевики просто выкидывают циничные лозунги. Владимир Ильич был на редкость откровенным человеком, он ничего не скрывал, он слишком хорошо знал страну, в которой ему приходилось действовать. Он ее презирал. Высшая откровенность ленинских трудов соответствует только одной идее -- презрению. Человек, который в меньшей степени презирает свою страну, поостерегся бы говорить столь откровенно.

Откровеннейший лозунг звучал так: сейчас мы с крепким средним крестьянством и с деревенской беднотой идем против кулаков. Их никто не защитил. Это уже 30-е годы, это раскулачивание. Естественно, туда попали и те, у кого было две коровы и одна коза. Издержки производства. Но в принципе середняки не протестовали, когда большевики добрались до так называемых кулаков (просто до тех, кто был несколько удачливее других в своем хозяйстве). Почему этого не происходило? Почему не было протеста? Верьвь, община, мир. Мир остался прежним. Крестьянская община плавно перешла в колхозы без особого сопротивления, за исключением сопротивления тех, кто при Столыпине выделился из общины, тех, кто, действительно, мог стать фермером, то есть немногих свободных людей.

Верьвь и община были страшно завистливы, они давили, они усредняли. Им ненавистно было все, что поднимается, что богаче, что умнее, что сильнее, что выделяется из ряда вон. Поэтому они даже испытывали чувство облегчения, видя, что нашлась некая сила, которая убирает для них ненавистное социальное неравенство.

Поэтому под жизнерадостные крики одобрения были уничтожены те, кто богаче. А дальше, как вы понимаете, пошел другой лозунг: в союзе с деревенской беднотой идем против середняка. Начинается поголовная колхозизация всей страны.

Но самый интересный период -- это нэп. Чем он был интересен? Он был интересен не тем, что делали большевики. Нас здесь должны интересовать не руки палача, а поведение жертвы. Поведение жертвы было совершенно парадоксальным (было бы, если бы мы не знали, с чем мы имеем дело). Жертва тут же забыла про все, и жизнерадостно пошла работать на большевиков, и подружилась с большевиками. Эти несчастные, недобитые предприниматели,

которых не успели уничтожить и загнать за границу, когда большевики разрешили существовать мелкому и среднему предпринимательству, не понимая, что это временно, что секира над их головами все еще висит, что дамоклов меч не убран, бросились создавать для большевиков экономический потенциал. И как Ленин справедливо замечает, они накормили и одели страну. Крестьяне безумно обрадовались тому, что отменили продразверстку и заменили ее продналогом. То же самое чувство испытывали крепостные крестьяне, когда им заменяли барщину оброком. Практически все крестьяне, которые не вышли из общины добровольно, когда Столыпин это позволил, были крепостными крестьянами. Поэтому переход из одного крепостничества к другому, к колхозному, совершился плавно и органично. Неудивительно, что большевики потом говорили, что они управляют именем народа и что народ и партия едины. Народ и партия действительно были едины. Концлагерь существует за счет покорности жертв. Свободные люди в таком положении восстают. Может быть, их всех убьют, а может быть, они отберут оружие у охраны по всей стране и победят. Возможны разные варианты, но невозможно сотрудничество между жертвами и палачами, невозможен симбиоз. А у нас это было как раз достигнуто.

Все это страшно понравилось интеллигенции. Как вы думаете, почему? Потому что она со времен Каракозова и Чернышевского была левая. Она была неистребимо народнической. Ей нравилось, когда ее запрягали. Она выросла в заблуждении, что народ всегда прав, а она всегда не права. И эта позиция вечно неправого, позиция вечной жертвы, которая всегда извиняется, когда ей наступают на ногу, способствовала тому, что интеллигенция в разных литературных и не литературных журналах, в архитектуре, в искусстве, в советской науке и в советской промышленности стала с упоением работать на большевиков. Нэп -- это совершенно фантастическая ситуация, когда палачи вначале просто сделать ничего не могли, были на грани гибели и взмолились, обратившись к своим жертвам: "Бога ради, помогите нам создать такие условия, когда будет возможно и выгодно вас давить. Мы сейчас просто не можем. У нас нет гвоздей, нет лаптей, нет еды. У нас полная разруха. Давайте вместе поднимем нашу плаху из руин и затем на такую чистенькую, свежееоструганную ляжете, вы положите на нее головы, вы наточите нам топорик, вы скуете себе цепи, а потом мы наедемся, отдохнем, мы будем свежие, бодрые, мы вам тогда головку и оттяпаем".

Это классическая формула нэпа. И все обещанное произошло, когда они отъелись, как клоп на теле своей жертвы. Между прочим, ВЧК не переставала работать ни на один день, но это не волновало нэпманов, так называемых мелких предпринимателей; это не волновало крестьян, которые продолжали себе пахать над пропастью во ржи. Это никого не волновало. Не волновало, что арестовывают остатки инакомыслящих, что работает машина репрессий. Уже не за дело арестовывали, уже никаких дел ни у кого не было. Арестовывали уже за

слово, неприятности были у Булгакова (хорошо, что до ареста не дошло!), неприятности были у тех, кто не так литературно мыслит.

Философские пароходы ушли в Западные воды с согласия тех, кто на этих пароходах уплыл. Ни Бердяеву, ни его коллегам не пришло в голову, что нельзя уезжать из этой страны, что за эту страну нужно драться, что нужно возглавлять какое-то сопротивление, что большевикам надо противиться, а не книжки в эмиграции писать. Нет, так же, как ушла Белая армия, русская философия ушла в небытие, в иное измерение, и она соприкоснется с Россией снова только через 70 лет, когда этих философов начнут у нас читать. Они бросили страну, и это еще раз доказывает, что они считали страну падалью, что они понимали: ее нельзя спасти. За живого сражаются. Оставляют только мертвеца, даже не закопав его. Мертвеца в могиле или без.

Это было коллективное предательство. Все предали друг друга, и все предали самих себя. После того, как большевики получили свою первичную группу "Б" - товары народного потребления, они справедливо подумали, что теперь они могут себе позволить и "А". У них было все готово для того, чтобы окончательно остричь овец. Часть прирезать на бойне, а часть запрячь в свои железные машины, которые знаменовали эру индустриализации.

Начинается еще один парадоксальный период. Возникли ножницы. Что делают нормальные люди, знающие, что такое экономика, когда у них возникают ножницы между сельским хозяйством и промышленностью? У большевиков были рентабельное сельское хозяйство (потому что оно было частное, хотя и мелкое) и абсолютно нерентабельная промышленность (потому что она была государственная и ничего не могла дать). Нормальные люди садятся, чешут затылки и думают: Наверное, мы наворотили здесь, смотрите, как у нас сельское хозяйство работает, как хлеб дают, эти самые крестьяне, хотя у них и машин нет, работают, хлеб дают, за их счет страна сыта. Значит, надо и промышленность на частную основу поставить, чтобы она делала не только ситец, но и современные станки, и оружие, и будущие высокие технологии. И зовут хозяина, проводят приватизацию.

Но здесь все произошло наоборот. Были уничтожены рентабельное сельское хозяйство и рентабельная промышленность группы "Б", которая выпускала товары народного потребления, и все было унифицировано на абсолютно тоталитарном государственном уровне. С этого момента в стране ничего рентабельного не остается. С этого момента в стране ничего не производится, кроме металлолома, станков, турксибов, не нужных никому каналов, потому что никто никогда не плавал по Волго-Донскому каналу и по каналу им. Москвы. Они были просто для показухи.

Начинается так называемая индустриализация, громыхающая, как копилка. Потемкинские деревни. Потому что нельзя индустриализировать

нецивилизованную страну. Нельзя все это сделать, полностью уничтожив группу "Б", что большевики, собственно, и осуществили.

Итак, крестьяне могли сопротивляться, пока жива была еще та интеллигенция, которую они предали. Пока ее уничтожали, они пахали. А эта интеллигенция предала их в свою очередь, когда пошла на службу к большевикам в 1918 году. Эта череда предательств привела к тому, что когда очередь дошла до крестьян (уже в 30-е годы), некому было их защищать, некому было их организовывать, некому было возглавить протест, некому даже было дать ему какую-то идеологическую направленность. Потому что интеллигентов, которые способны были к протесту, уже не было на свободе и даже не было в живых. Так 30 миллионов крестьян идут в трубы канализации, как называет сталинские репрессии Солженицын.

И самое последнее предательство совершают цивилизованные западные страны. В 1933 году, наконец, совершается великое событие. Германия признала Советский Союз еще после Рапальского договора, первой, в 1922 году, потом за ней выстроились в очередь все остальные.

И вот наступает 1933-ий год. Что такое 1933-й год? Уже уничтожены 30 миллионов крестьян. Для страны все кончилось. Всем все ясно, кроме тех, кто не хотел ничего знать. И тут США признают Советский Союз. Именно тогда. Почему? Что, в Советском Союзе произошла демократическая революция, распустили концлагеря, началась перестройка, прогнали большевиков? Нет. В Соединенных Штатах поняли, что это надолго, что это мировое зло, что оно укрепилось, и что оно будет жить десятилетия. Плетью обуха не перешибешь. Они решили от этого получить свою долю выгоды. Последнее предательство в этом ряду совершают Соединенные Штаты Америки, они признают Советский Союз.

В этот момент Советский Союз представляет собой некую шлюзовую систему лагерных режимов. ГУЛАГ становится естественной формой существования страны. Не исключительной формой, а естественной; просто у всех разные режимы. На воле -- общий режим, даже расконвойка, потом идут режимы усиленный, строгий, особый, но свободы отныне не будет ни у кого. Начиная с 1917-го и кончая 1991-м ни у кого больше не будет свободы. Свобода будет только в пределах некой запретки, то есть локалки. Это место около лагерного барака, где разрешается ходить свободно. Но не по всей зоне, а хотя бы по локалке. Ну а кроме как в зоне, гулять нигде не разрешается.

Советский Союз становится одной сплошной зоной. Потому что человек, который вынужден отправлять своих детей в школы, где изучают марксизм-ленинизм, просить разрешение на выезд за границу в райкоме, предъявлять комсомольскую характеристику, поступая в институт, не свободен, даже если на нем нет полосатой лагерной куртки и полосатых лагерных штанов. Все равно у

него на спине нарисован бубновый туз, даже если он сам его не видит. Все были крепостными: писатели, съезды которых назывались съездами советских писателей; композиторы, архитекторы, ученые. Крепостной ученый Сахаров создал основы для водородной бомбы. Крепостные ученые Ландау и Тамм пытались иногда сделать что-то благородное, за кого-то заступиться. В лагерях существует взаимовыручка, в лагерях не все идут в придурки, не все становятся капо, не все соглашаются на должность бригадиров.

Андрею Дмитриевичу Сахарову было что искупать, потому что если бы не было создано атомное оружие, если бы какие-то технологии не были украдены у Соединенных Штатов Америки, если бы советские ученые так хорошо над этим не поработали, большевики были бы обезоружены. Им бы пришлось начать перестройку несколько раньше, потому что у них не было бы ядерной дубинки. Но крепостные ученые не имеют собственного мнения, они даже не имеют инстинкта самосохранения. Они дали этой системе ядерную дубинку.

Ситуация была настолько безнадежна, что говорить о каком-то организованном или хотя бы полуорганизованном сопротивлении мы не в праве.

В нашей истории есть расстрел в Новочеркасске. В нашей истории нет восстания рабочих в Новочеркасске. Это не восстание, когда несчастные, голодные, замученные рабочие берут красные флаги и идут к горкому партии просить справедливости. Это даже не восстание Спартака. То есть если рабы-гладиаторы в древнем Риме были способны на восстание, то здесь уже и восстания нет. И расстреливать этих несчастных людей, которые всего-навсего хотели, чтобы с ними поговорил какой-нибудь член правительства, было совершенно не обязательно.

Наверное, 75% диссидентов, которые арестовывались КГБ, и даже не 75, а 90% в самом лучшем случае мечтали усовершенствовать социализм и создать нечто с человеческим лицом. А некоторые были просто коммунистами из самых правоверных. Они протестовали только против "недостатков" и "пороков" системы. Хотели ее сделать более человеческой, потому что прочитали (я уж не знаю где, может быть, у Томаса Мора, хотя у Мора были свои неприятности на острове Утопия, ведь у Мора существуют и рабство, и сикофанты, да и у Кампанеллы все дружно камнями побивают преступников, разве что у Кабе они об этом могли прочитать), что коммунизм может быть человеческим, добрым, с человеческим лицом. Примеров тому в истории нет, даже в Утопиях нет примеров. Откуда они это взяли, я не знаю, спросите у них, когда кого-нибудь встретите.

Таким был знаменитый Рахимович, один из самых твердых диссидентов. Он работал председателем колхоза и твердил на следствии, что готов умереть за дело Ленина, а вот нынешние коммунисты дело Ленина предали. Выдумать, что Ленин был некоей альтернативой Брежневу, могли только люди полностью

искалеченные (и нравственно, и политически, и духовно). Пригласите к себе писателя и драматурга Шатрова и задайте ему вопрос, как это он додумался до пьесы "Дальше, дальше, дальше", где у него положительный образ Ленина как бы борется с отрицательным образом Сталина, где он взял этих "Синих коней на красной траве"? Откуда они все взяли, что Ленин был лучше Брежнева?

Кстати, есть еще один миф. Миф о благополучии эпохи застоя. Классическое благополучие! Сажать сотнями и тысячами было просто незачем. Возникает парадоксальная ситуация. Никто не сопротивляется, а разве что робко читают Самиздат и пытаются улучшить социализм. В этой ситуации массовые репрессии не нужны. Прекращение массовых репрессий при тоталитаризме означает, что общество уже мертво, что оно убито, что оно не способно вообще ни на какой протест, что больше убивать никого не надо, что все и так мертвые. По второму разу мертвецов не убивают. Комитет Госбезопасности вынужден искать себе жертвы, часто вынужден их выдумывать, потому что ему не с кем бороться, от Москвы до самых до окраин никто не сопротивляется. Поскольку я диссидент и бывший, и теперешний, я знаю, о чем я говорю. Я знаю, сколько было людей, которые, как Юрий Галансков, могли написать еще в 1968 году: "Вставайте, вставайте, вставайте, о алая кровь бунтарства! Вставайте и доломайте гнилую тюрьму государства". Такими были единицы. И мы были париями в диссидентской среде. Нас не только КГБ, но и сами диссиденты боялись. Боялись, что мы подорвем чистые основы ненасильственного движения за улучшение советской Конституции и помешаем борьбе за права человека при режиме, который просто исключал понятие прав человека как таковых. Если бы у тогдашних диссидентов конфиденциально спросили (провели бы негласный опрос), если бы такие мониторинги были возможны, кто из них выступает сознательно и открыто за свержение существующего государственного строя, за вестернизацию страны, за построение капитализма, за то, чтобы коммунисты были свергнуты путем вооруженного восстания народа (безотносительно к тому, возможно это было или нет; это было совершенно невозможно, я-то знаю, я к этому все время призывала, но результатов никаких не было), вы набрали бы в лучшем случае десяток -- другой. Даже знаменитая (единственная, пожалуй) крупная подпольная организация ВСХСОН, членом которой был наш великий, но наивный писатель Леонид Бородин (а им дали очень большие сроки, когда нашли их и разогнали), не была западной. Они не выступали за вестернизацию страны. Они выступали против коммунистов, но со славянофильской точки зрения. Это был тот же Раскол, к сожалению. То есть сопротивление из традиционалистской позиции, сопротивление из позиции нереальной и несвоевременной.

Говорят, что коммунисты насильственно загоняли мыслящих людей в компартию. Это было бы еще полбеда, если приходили бы к ученым, к врачам, к писателям, приставляли бы автомат к груди и говорили: "Пиши заявление в партию, иначе застрелим". Бывало и хуже. Знала я одного молодого физика, который работал в Институте Высоких Энергий или что-то в этом роде. У них

там был один доктор наук, заведующий лабораторией, и он хотел возглавить отдел и быть членкором. Для этого надо было вступить в партию. Разрядка на этот институт была спущена, но низкая. Можно было принять всего двух человек. Они там чуть ли не жребий кидали, как на новогодний гостинец, как на заказ с икрой, кому эта высокая честь достанется. Нашему будущему членкору не повезло. Нашлись, с точки зрения Ученого совета, более достойные этой высокой чести вступления в КПСС. И что делает наш ученый? Наш ученый начинает писать жалобы в горком партии, в ЦК, в Политбюро. Он заявляет, что с помощью интриг и недостойного поведения конкурентов его оттеснили. На самом же деле только он был достоин этого партбилета. То есть он сам добивается, чтобы ему дали партбилет. Это самое худшее из того, что произошло. Люди соревновались в праве надеть ошейник, и тот, кому не доставалось ошейника, чувствовал себя обделенным на всю жизнь.

Без будки и без ошейника люди не могли жить. Они себя очень плохо чувствовали, у них наступало кислородное голодание. Классический пример -- поведение на Западе писателя Максимова, Марии Розановой, Синявского и знаменитого автора "Зияющих высот" Зиновьева. Что это такое? Многие говорят, что у них крыша поехала. Но не могли же все сойти с ума. Уехали на Запад и сошли там с ума? Просто это кислородное голодание -- голодание по ошейнику. С них сняли ошейник, и они этого не вынесли и стали описывать все прелести ошейника.

Стоит ли говорить, что поборников либеральной, западной скандинавской традиции до перестройки в Советском Союзе насчитывалось человек сто от силы. Все остальные понятия не имели (и иметь не хотели) о том, что такое ответственность, что такое свобода, что такое отсутствие поила в корыте и что такое отсутствие хлеба. Они просто думали в конце 80-х, что коммунисты съели всю колбасу и, что если прогнать коммунистов, сразу появится колбаса. По щучьему велению, по их хотению. Упадет манна небесная. Они только ротик откроют, а колбаса сама туда повалится. Запад для всех был страной с магазинами. Есть такие страны, где шикарные магазины. Никто не думал тогда, что это страны, где высочайшая производительность труда, высочайшая квалификация работников, независимость, ответственность и свобода граждан, которая предполагает возможный крах, которая предполагает, что если тебе не на что будет сделать операцию, ты просто умрешь. И ты должен с этим смириться, потому что это нормально. Каждый получает только то, на что он имеет право претендовать согласно своему доходу. Но об этом никто не задумывался.

Приходит Горбачев. Страна была не способна ни на какое организованное действие, ее можно было освободить только силой. Просто брать ножницы и резать колючую проволоку. Пинками выгонять из концлагеря, потому что добровольно люди даже за ворота выйти не могли. Происходит чудо. Горбачев тоже решает улучшить социализм, сделать его более эффективным.

Потыкавшись в эту систему, он то виноградники вырубает, то бабок с помидорами разгоняет, то вводит сухой закон, то объявляет ускорение и качество. Кстати, об ускорении и качестве есть очень хороший перестроечный анекдот.

Приходит Горбачев в цех и видит, что рабочий очень быстро бегает по цеху с тачкой, так что ветер свистит в ушах. А тачка пустая. И он у рабочего спрашивает: -- А что это ты, друг, делаешь? -- Да вот, говорит, бетон вожу. -- А где же у тебя бетон? -- А я, говорит, не успеваю нагрузить, потому что у нас сейчас эпоха ускорения, -- и дальше побежал. Попытки несчастного Горби поработать с этой системой привели к тому, что система развалилась у него в руках. Она ни к какому переустройству не была способна. Если кому-нибудь казалось, что возможен социализм с человеческим лицом, вот он вполне мог убедиться, что эта штука не работает. Горби осторожноенько стал открывать форточку, и надо сказать, что он не ошибся. Что здесь началось!

Это была вторая оттепель, после хрущевской. Хрущевская оттепель привела к тому, что интеллигенты стали клясть Сталина, восславили Ленина и Хрущева и при этом стали работать еще пуще на благо социализма. Это не привело ни к какому взрыву, ни к какой революции, ни к какому мятежу, ни к какому переустройству. Хрущев ничем не рисковал. Хотя поступил он круто. Как он расправился со сталинскими памятниками! В один день их всех за ноги стащили (никто не искал консенсуса) и отвезли на свалку. Если бы мы так с ленинскими поступили в 1993 году, тоже никто бы не протестовал. Но здесь уж у Бориса Николаевича не хватило храбрости. Хрущев в этом плане был более крутой мужик. Просто свезли на свалку -- и никто противиться не стал, никто не посмел, и из Мавзолея мумию вынесли и похоронили, и никакого возмущения не было, никакой гражданской войны не возникло. Почему-то Никиту Сергеевича, при всей его неграмотности, невежестве и том, что он ничего не понимал ни в экономике, ни в политике, и кузькину мать Западу показывал, и башмаком в ООН стучал, совершенно не волновала идея проведения референдума по поводу вынесения Сталина из Мавзолея.

Не было у Хрущева колебаний в течение семи лет. Сначала Вечный Огонь переносим, потом караул снимаем. При Хрущеве взяли и вытащили тело, похоронили его рядышком, и до сих пор не видно, чтобы какие-то сталинисты поволокли его обратно и с Лениным в койку положили. Классические действия революции сверху должны идти без референдумов. Спрашивать уже не у кого было. Поэтому спрашивать было необязательно. Со страной в этот момент можно было сделать все, что угодно. Оттепель #1 -- это Ренессанс ленинизма. Классический вариант поведения старых большевиков, это когда колонна заключенных идет мимо памятника Ленину. Все становятся на колени и снимают шапки. Советская классика.

Не было четкого представления о том, что произошло. Оно было как будто выключено. То есть люди были до такой степени рабами, что мыслепреступления не возникало. Это ситуация покруче оруэлловской.

За справкой о реабилитации и за партбилетом после лагерей в конце 50-х годов коммунисты пошли добровольно. Никто не швырнул этот партбилет в лицо тем, кто его пытался выдать обратно. Вот это и есть отсутствие мыслепреступления. Последняя стадия, та стадия, которую даже Оруэлл не описал, когда уже не нужна полиция мысли. Мысли искалечены, так же, как поступки, так же, как жизнь. В лагерях проходили подпольные партийные собрания; зека были, конечно, исключены из партии, и вот вместо того, чтобы проклясть эту партию, они проводили подпольные партсобрания. Это апофеоз рабства, рабства добровольного, холопства, помноженного на безумие.

Как проходила вторая оттепель, я помню очень хорошо, поскольку в ней участвовала. Я могу сказать, что это было ужасное зрелище. Что ничего более страшного я себе представить не могу. Для начала интеллигенция начинает восславлять Горбачева за то, что он немножечко расширил ошейник и начал удлинять цепь. То ли дело -- Ельцин порубил все будки, сбросил все ошейники, сдал все цепи в металлолом. Всех выкинули из барака на свежий воздух. Все, ребята! Как, хотите, так и промышляйте.

Нет, у Горбачева все было иначе. Начались "общественные процессы", которые даже нельзя назвать предательством, потому что это был типичный маразм. Скажем, когда возвращенный из ссылки узник совести академик Сахаров присутствовал на завтраке в Кремле, он, слушая речь Горбачева, стал ему аплодировать. Это потом ему микрофон отключали, когда им были сделаны какие-то шаги к пониманию ситуации. В первый же момент были аплодисменты, и не только со стороны Сахарова. Я не назову сейчас имен диссидентов (пусть о них останется хорошая память), которые в 1988 году говорили мне, что сейчас нельзя выступать против Горбачева, нельзя резко выступать против режима, потому что власть рассердится, обидится и опять начнет сажать. Я не назову маститых диссидентов, которые, увидев первую программу Демократического Союза (там, где речь шла об оппозиции КПСС, о том, что мы антиконституционная партия), говорили: "Разве можно так писать? Это же абсолютно безответственно! Разве можно сейчас выступать против строя?"

Люди настолько укрепились в своем холопстве (даже лучшие из них, те, кто почитали себя инакомыслящими и диссидентами), что готовы были вступить в то самое движение, которое описано у Зиновьева. Оно описано следующим образом: возникло движение за то, чтобы не допускать никаких улучшений, больших, чем захочет власть. Действительно, такое движение было. Сначала разрешили ругать Сталина. Все принялись ругать. "Дети Арбата" появляются в 4-х сериях, все читают и зачитываются. Хорошие вещи тоже были напечатаны,

но уроки этих хороших вещей не были поняты и усвоены. Не было понято "Мы" Замятина. Был напечатан "84-й" Оруэлла, но оргвыводы тоже не были сделаны.

И тут у нас начинается слабая критика застоя, до Ленина же дело не скоро дошло. До Ленина дело дошло в последнюю очередь. До социализма же критики добрались в начале 1993-го года.

А работать никто не работает, экономика нерентабельна, деньги кончились. Словом денежки тю-тю, головка бо-бо, есть в стране нечего.

Здесь Горбачев пожалел о сделанном. Он почувствовал, что возникла слишком большая щель. Дело в том, что, кроме нас, были еще и колонии. А в колониях была немножко другая ситуация. В колониях еще не все были рабами. Скажем, Украина, страны Балтии. Возникает ситуация перманентного брожения. Робко, осторожно, но все-таки колонии начинают отползать. Западная Украина -- она ведь не нам чета. Там сопротивление шло с 1939 по 1955 год. Вооруженное сопротивление. Люди автоматы брали и стреляли по коммунистам. Это вам не в Самиздате памфлеты писать. Это разные вещи. Только свободный человек может взять в руки автомат и стрелять в коммуниста. Раб этого сделать не может. Рабы вообще не в состоянии взять в руки оружие.

Пиво начинает бродить. Горбачев пытается запихнуть обратно пасту, которая выдавилась из тюбика. К этому моменту все несколько осмелели (хотя бы в политическом плане) и пошли на площадь. На площадь ходили только по разрешению. Ситуация была парадоксальная. Бежит огромная антикоммунистическая манифестация по коммунистической Москве, спереди катят две машины, останавливают движение, и сзади то же самое. На несанкционированные митинги до 1991-го года ходил только Демократический Союз. Кроме нас, никто этого не делал. То есть власти ругали только с разрешения властей. Ни к какому неподцензурному и свободному действию даже лихие Демороссы были неспособны до самого 1991 года. И вы знаете, возникает парадокс: давят Вильнюс, давят Баку, давят Тбилиси, потому что там были сильные национальные движения, но некого и незачем давить в Москве. Все было управляемо, и никто не пытался покуситься в массовом порядке на основы. И тут Горбачев запутался, заметался, но он был достаточно умен, чтобы корректировать свое поведение. Как только на Западе начинали очень громко кричать, он тут же останавливался. Остановился в Вильнюсе. Остановился в Баку. Останавливался везде, где они же кого-то давили танками. В Армении в Звартноце тоже остановился. Не упорствовал, потому что крики были очень громкие.

А что касается нашей ситуации, то тех, кто был выпущен из заключения, написав отказ от политической и антисоветской деятельности и от сопротивления режиму, было гораздо больше, чем тех, кто был освобожден даром и ничего не подписал. Нас, ничего не подписавших, было очень мало. Я

помню, как в 1986 году перестройка началась в один день. Вчера ее еще не было, а сегодня она уже началась. Она началась с Рейкьявика. Горби надо было что-то предъявить в Рейкьявике, и он распустил женские политзоны и поэтому вынужден был закрыть наше дело по 70-ой статье. Я помню, что я ощутила, когда меня буквально вытолкнули из Лефортова. Это был позор, ведь никого не освобождали даром; освобождали только предателей, поэтому к освобождению нельзя было отнестись как к празднику, и я помню, что я написала, когда у меня попросили эту бумажку с отказом от деятельности. Я была в таком ужасе, что написала, что я не только буду продолжать антисоветскую деятельность, но я даже добавила на всякий случай, что считаю возможными теракты против деятелей партии и правительства. Только чтобы не освободили! Но они и с этим документом меня освободили, так что все остальные могли вообще ничего не писать. Но увы! Многие написали. Это доказывает, что организованное западническое сопротивление режиму некому было возглавить изначально.

Тут Горби заметался до такой степени, что впутался в ГКЧП. Потом он из него достаточно грамотно выпутался. Это был высший политический пилотаж, это было замечательно. Тем не менее, случилось невероятное, то есть целый набор чудес. Когда некие реальные события попадают все в одну точку, сходятся, усиливая друг друга, и возникает некое напряжение, некий лазерный луч -- это, конечно, чудо. Чудо то, что кто-то вообще побежал к Белому дому. Меня тогда на воле уже не было, меня Горбачев успел посадить в мае 1991-го. Кстати, интересный был расклад. В стране начались политические аресты по 70-й статье, а их не было довольно долго. В 1986 начали выпускать, к 1988 выпустили всех, и до 1991-го арестов по политическим статьям не было. И вот они возобновились. Где протест? Не было в стране массового протеста. Я помню, что "Московский комсомолец" и "Московские новости" написали весьма иронические статьи. То есть им и в голову не пришло вступить за Демократический Союз, который призывал к свержению существующего строя и который за это дело как бы правильно посадили. Было очень мало протестов.

По пальцам можно пересчитать тех, кто протестовал. Ректор РГГУ протестовал. Юрий Николаевич Афанасьев хорошо знает историю и понимал, что происходит со страной. Но таких было абсолютное меньшинство. Перестройка, кстати, началась с афанасьевских чтений в старом здании, с публичных семинаров, когда приглашали тысячи человек, и они набивались в аудиторию, стоя, лежа, свисая с люстр. На чтения приглашали какого-нибудь историка, и он читал абсолютно беззубые вещи. Но тогда они казались ужасно смелыми, а вольнослушатели из аудитории учились задавать вопросы, учились говорить вслух. Это был тренинг. Люди научились хотя бы спрашивать. Но, к сожалению, за умением говорить вслух не пришло умение что бы то ни было делать. Чудо было управляемым. И если бы не обращение Ельцина к народу по ТВ, если бы не эта подпитка, не чувство, что можно с одной властью выступить против другой власти, что ты не мятежник, не бунтарь, а ты, наоборот, защищаешь законное дело, законного президента, легитимную Конституцию,

что именно они гэкачеписты, -- мятежники, то никакого сопротивления бы не было. Первое движение, которое было сделано нашими дорогими западными державами -- это движение по признанию ГКЧП. Я очень хорошо помню, как в Лефортово прочитала в "Правде" обращение госсекретаря Соединенных Штатов: "Мы надеемся, что ГКЧП будет соблюдать международные соглашения". Еще бы немного, и они примирились бы с этим положением, если бы не протест здесь, в Москве. Массовый протест был бы невозможен без Ельцина. Это был спусковой момент. Иначе люди не пошли бы бунтовать. Они были не готовы героизироваться. И когда 22--23 августа Ельцин сделает знак рукой и отпустит их домой, они пойдут домой, потому что действовать они сами не могли. Иначе они многое могли бы сделать. Они могли бы, по крайней мере, вытащить Ленина из Мавзолея, снести все его памятники, которые имеются в Москве, они могли бы потребовать запрета коммунистической деятельности. Я уж не говорю, что они могли бы потребовать построения капитализма, хотя никто не представлял себе тогда, что такое капитализм. Я думаю, что Ельцин этого себе не представлял тоже. И еще одно чудо: наши сильные мира сего увидели некое благо в том, чтобы ликвидировать сильных мира сего от Союза и занять их места. Даже российские кэгэбэшники считали, что им сильно повезет, когда они избавятся от союзных кэгэбэшников и сядут в их кабинеты.

И вот шкурнические интересы, Ельцин и сопротивление тех немногих, которые, как Константин Боровой, понимали, что они делают, решили вопрос. Кстати, без Константина Борового, скорее всего, ничего бы не вышло, потому что первое, что заставило остановиться Запад на пути признания ГКЧП -- это забастовка бизнеса, забастовка бирж. За два дня он успел этого добиться. Вначале все хотели продолжать работать, но он буквально силой их заставлял присоединяться. Остановил свою биржу, организовал забастовку бизнеса. Бизнес выступил против ГКЧП, наш новорожденный бизнес. Для Запада это было очень важно. Единственная статуя, которая была ликвидирована, не считая статуи Свердлова, -- это железный Феликс, и здесь тоже поучаствовал Константин Боровой. Если бы он в этот день не дал своих денег, буквально вынутых из кармана, не пригнал бы кран и не снял бы Феликса, он бы до сих пор там стоял. Потому что вокруг них бегали люди из Моссовета, Станкевич и К., и кричали, что это варварство -- снимать исторические памятники; пусть стоят там, где стояли. Я очень хорошо помню, как меня выпустили из Лефортова, и как я, добравшись до Лубянки, увидела там митинг и Ельцина на том месте, где стоял железный Феликс. Я хорошо запомнила, что он говорил. Он сказал в тот момент, когда вся Москва была на улицах, когда никто не работал, когда можно было сделать все, что угодно, вплоть до того, чтобы каких-нибудь коммунистов страха и примера ради повесить на фонарях, что надо идти домой. Ельцин говорил, что не надо волноваться, не надо суетиться, что ситуация у нас под контролем, что без него ни одно назначение не пройдет, что надо спокойно расходиться по домам, спокойно идти работать. Когда я попыталась выступить с того же холма, ельцинская охрана мне на ухо шепнула,

что они меня очень любят и хорошо знают, но выступать не надо, потому что там, на крыше Лубянки, лежат снайперы, и что будет столкновение между ними и народом. Никаких снайперов там не было. Столкновения бы не было тоже, гэбульники сидели и тряслись, и жгли архивы. В этот день можно было снести Лубянку, как когда-то снесли Бастилию.

Но Бастилию снесли не по делу, а вот Лубянку снесли бы вполне заслуженно. То есть фактически революции не было. Было чудо, нам посчастливилось. Нам очень повезло. И дальше начинается елка с сюрпризами. Дальше в принципе все то, что мы имеем, -- это доброхотные даяния одного человека, Бориса Николаевича Ельцина. Представьте себе на минуточку, что этого короля Матиуша Первого Реформатора нет. Во-первых, ГКЧП бы победило, и вообще дальше бы ничего не было. Не было бы Гайдара, потому что пустить его во власть, сделать из страны полигон, дать ему провести реформы, хотя бы в течение восьми месяцев, -- на то была барская ельцинская воля. Ни Гайдара, ни Чубайса, ни ликвидации Советской власти в 1993 году просто-напросто не было бы, потому что народ был не способен на организованное движение вне власти, не параллельно, а перпендикулярно ей, и те требования, которые выдвигались в это время, были абсолютно алогичны. Народ требовал, безусловно, колбасы и свободы. Они думали, что это сочетается. Никто не требовал ни безработицы, ни частного хозяйства, ни частной собственности на землю, за исключением Юрия Черниченко и его возникшей в то время партии.

Поэтому очень рано возникает реставрационное движение. То есть очень сильно рванула вперед скандинавская традиция. Казалось бы, откуда у Ельцина скандинавская традиция. Он абсолютно не западник по виду, но тем не менее, скандинавская традиция в нем где-то жила. По крайней мере, если свобода является чьим-то хобби, значит, здесь присутствует скандинавская традиция. Можно было бы и не давать столько свободы, руку бы не откусили. Собственно, никто не требовал такого количества свободы. Свободу дали сразу всю.

А дальше приходит Егор Тимурович Гайдар, и то, что он сделал, конечно, трудно переоценить. Он дал стране пинка, большого, хорошего, смачного пинка в зад, он выгнал ее из барачков. Колючая проволока висит гирляндами, столбы повалены, хлеба нет, корыто перевернуто. Надо идти в чистое поле и добывать себе хлеб насущный. Это и есть приватизация, а также либерализация цен, возвращение к реальному положению вещей, возвращение из вымышленного, выдуманного мира в мир реальный. Экран разорвали, фильм остановили. Люди стали затравленно озираться. Зажгли свет. Им не понравилась эта жизнь, решительно не понравилась, потому что они 70 лет смотрели сериал. 70 лет они смотрели все эти мыльные оперы, которые идут по 3-ему каналу. И вдруг они видят окружающую действительность. И оказывается, что в этой окружающей действительности страна загажена, ресурсы наполовину выработаны, хотя их еще достаточно осталось. По крайней мере, на поверхности ничего не валяется, надо добывать, денег нет ни гроша, золотого запаса нет, корма не осталось

никакого. Ни промышленности, ни сельского хозяйства, ни дорог, ни науки, ни техники; одна культура висит, как мираж, но миражом сыт не будешь. Ничего нет. Системы образования и то нет, поскольку наши дипломы нигде не признаются, а выпускники университетов не разговаривают ни на каком иностранном языке.

Конечно, людям все это страшно не понравилось, и возникает движение, которое можно суммарно назвать движением за возврат в кинозал, потому что больше возвращаться было некуда. Возвращаться в кинозал и смотреть сериалы, потому что реальной жизни нет.

И здесь страна показала, во сколько она расценивает свободу, во сколько она расценивает независимость и самостоятельность, и сколько у нее гордости и чувства чести. Когда всех выгнали из хлева, раздались вопли: где наше пойло, почему не налили? Где наше зарплата, где наша кормежка, где наши вклады, где наши сбережения? И эти вопросы задают люди, которые 70 лет носили воду в решете и толкли ее в ступе. Сбережения от этого не заводятся. Сбережения были в кинозале. На экране демонстрировались какие-то сбережения, а в реальности ни у кого ничего не было. Потому что все это ничего не стоило. Не было реальных сбережений, вообще ничего реального не было, был вымысел.

Реальность оказалась некрасивой и, главное, очень голодной. Реальность требовала мозгов, мускульных усилий.

В реальность сначала пошли 29% населения. Кое-кому не повезло. Они получили по физиономии, не преуспели. И в конце концов, мы выяснили процент тех, кому нужна реальность и кому нужна свобода. Это совершенно достоверный процент. Это все те, кто голосует за "Демократический выбор России", за Гайдара. Это сознательный выбор, выбор свободы, и его делают носители скандинавской традиции. Их меньше 5%, но они тянут страну, а все остальные -- паразиты, все остальные просто сидят на их шее. 5% готовы к свободному независимому существованию. Остальные 95 или считают, что это место пусто, что в случае чего можно махнуть на Запад, или вообще не готовы к независимой жизни.

То есть скандинавская традиция -- это очень мощная традиция. Тот, кто не верит в способность России к возрождению, пусть оценит то количество лошадиных сил, которое заключено в скандинавской традиции, когда 5% тащат на аркане 95% и как-то поддерживают страну на плаву так, чтобы она совсем не захлебнулась, чтобы рот и нос были у нее над водой, и как-то еще успевают деньги зарабатывать, "Мерседесы" покупать, налоги платить. 5%, за счет которых живут 95%! Меньше, чем 5% на всю скандинавскую традицию: 4,5% Гайдара плюс 0,13% блока Партии экономической свободы на выборах в Госдуму.

Тот, кто не приходит на выборы, вообще не гражданин. Он, видно, считает, что это не его страна. Или он просто имеет какую-то другую, альтернативную среду обитания. В случае необходимости он просто скажет "Чао!" и поедет куда-нибудь в туманный Альбион.

То есть его не интересует, что здесь будет происходить.

А из тех, кто приходит на выборы, 5% либералов не находится. На этих 5% и держится мир.

Теперь пора объяснить другой миф. Что это за красно-коричневые? Почему ни у кого этого не было, чтобы коммунисты объединялись с фашистами, а у нас это произошло? Откуда этот дефис? Почему то, что в мировой практике никогда не совмещалось, совмещается в России?

Это не понятно никому, кроме тех, кто читал Янова и знает про эти пять традиций. Если скандинавская традиция пополам со славянской -- это те пять процентов, которые тянут страну вперед, то за возврат в кинотеатр, как вы понимаете, выступают консервативные традиции, традиции из тех же наших пяти, очень мощные и страшные, которые всегда выигрывали поединок. Ордынская традиция. Советский Союз был разновидностью Орды, поэтому с таким упоением за это голосовали на референдуме в знаменитом 1990-ом году.

Византийская традиция -- это традиция, которая не приемлет гражданское достоинство, традиция, которая нуждается в подчинении, в авторитарной власти. Отчасти традиция Дикого поля.

В России идет перманентная гражданская война, которая наиболее полно проявилась в октябре 1993 года. Тогда была чистая ситуация: противостояние на равных. С одной стороны идут неблагоприятные традиции: Дикое поле, византийская традиция и ордынская традиция. С другой стороны -- скандинавско-славянская традиция пополам с традицией Дикого поля. Протестная традиция -- это всегда традиция Дикого поля. Она создает ситуацию гражданской войны, когда у одной части народа -- оружие, и у другой части -- тоже. И тот, кто проиграет, уйдет с исторической арены. Скандинавско-славянская сторона оказалась круче. Потому что невозможно себе представить, чтобы мы, стоявшие у Моссовета, ушли в случае нашего поражения, разбежались, согласились выйти, как вышли депутаты из Белого дома. И согласились бы жить под чужим флагом, который повис бы над Кремлем. Из двух носителей традиции Дикого поля побеждает тот, кто готов идти до конца. Поскольку до конца готовы были идти именно носители скандинавской традиции, выиграли мы, даже вражеский лагерь не отрицает, что Гайдар на западные ценности молится. Он не кормится ими, он поклоняется им.

Чубайс и Гайдар -- это люди самоотверженные. Отрицают это только глупцы. Умные люди из их лагеря (а их единственным идеологом является Сергей Кургинян, который прекрасно понимает, о чем здесь идет речь) этого не отрицают. Те, кто готов был умереть за свои убеждения (мы их тогда и закопали) -- это люди достойные, хотя и враги. В принципе можно положить цветы на их могилу, на могилу тех, кто умер, но не сошел с места. Но те, кто разбежался, конечно, никакого уважения не достойны. И пока на той стороне разбегающихся больше. За счет этого продолжается противостояние, продолжается вечный бой. То есть еще ничего не кончено, история России еще не написана, может быть, она будет написана нами, может быть, она будет написана после нас.

Мы оставляем историю России в ситуации недоигранной партии. Потому что те традиции, которые стоят за красно-коричневыми -- это традиции той самой падали, которая досталась большевикам, традиции мертвой страны, традиции страны, которая лежит под авторитаризмом и тоталитаризмом, как под могильной плитой. Традиции выходцев из склепов, традиции вампиров и призраков. Византийская и ордынская традиции. Неважно, на ком -- свастика, на ком -- серп и молот. Важно, что в них живут все эти традиции. Поэтому они все взаимозаменяемы. Сегодняшний коммунист завтра будет фашистом. Зюганов начал с коммунизма и пришел к фашизму. У Бабурина, может быть, будет наоборот. Важно, что это есть в нас, но только некоторые сумели это преодолеть, а большинство не сумело.

Противостояние идет не снаружи, противостояние идет внутри. Мы еще не решили для себя мировые вопросы. Страна еще не выбрала для себя путь. Страна находится в состоянии активного противоборства со своей сущностью. Страна борется со своим прошлым. Страна пытается убежать сама от себя. Страна пытается вырвать из себя эти три традиции или хотя бы две: ордынскую и византийскую. Традицию Дикого поля можно оставить, она только придаст нам скорости.

Если у нас останется три традиции: славянская, скандинавская и традиция Дикого поля, -- мы очень сильно рванем вперед, и я боюсь, что мы не только капитализм построим, но мы построим и то, что за капитализмом. Мы же никогда не были теми, кто довольствуется градом настоящим, мы всегда взыскивали грады грядущие. Это классическое определение Мережковского, что мы те, кто "града грядущего взыскивает, отказываясь во имя этого от града настоящего".

Итак, у нас на шахматной доске -- отложенная партия. Эта партия может быть отложена на десятилетия -- или до 2000 года, до президентских выборов. Она может быть отложена и до XXII века. Она может оставаться в недоигранном виде до конца времен. Пока конец света не смешает все фигуры, пока не вмешается падение тунгусского метеорита или какая-нибудь катастрофа.

Ситуация прежняя. Каждое утро, открыв форточку, раздвинув шторы, мы можем наблюдать из окна, как где-то в дымке, на горизонте, доигрывается эта знаменитая партия из бергмановского фильма "Рыцарь и Смерть". Каждое утро российская История садится с Роком за шахматную доску. Ставит фигуры и начинает играть на жизнь и на смерть, на будущее России. В этой партии интересно участвовать, потому что ставки очень велики. И у каждого в принципе есть возможность передвигать фигуры на этой доске. Тот, кто ничего не делает, в этой партии не участвует. Но тот, кто хотя бы пришел на выборы, обязательно двигает какую-то фигурку на доске. Те, кто голосует за Зюганова или Лужкова, играют на стороне Смерти, потому что Зюганов и Лужков -- это как раз средоточие ордынской и византийской традиций. В них нет ни капли традиции Дикого поля, и славянской традиции нет никакой. Это классика подавления -- и классика хамства. Это тот самый Хам грядущий, о котором когда-то возвестил Мережковский.

У каждого есть возможность поиграть. Я предлагаю всем, как когда-то Солоневич в конце своей книги "Россия в концлагере" (он написал: "Читайте и боритесь"), читать и играть. Играть эту партию, и играть ее на стороне России.